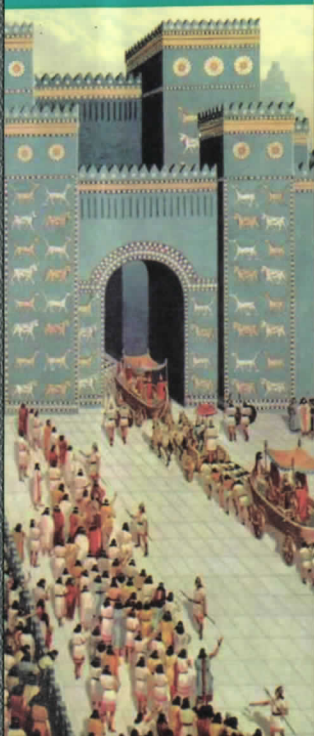

НАВУХОДОНОСОР II

Даниель
Арно

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Даниель Арно

НАВУХОДОНОСОР II

ХЭЛ

ЖИЗНЬ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1348

(1148)

Даниель Арно

НАВУХОДОНОСОР II
ЦАРЬ ВАВИЛОНСКИЙ

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2009

УДК 94(35)(092)
ББК 63.3(0)31
А 84

*Перевод с французского и комментарии
Н. Н. Зубкова*

*Вступительная статья
кандидата исторических наук
В. В. Эрлихмана*

*Издание осуществлено при поддержке
Министерства культуры Франции
(Национального центра книги)*

*Ouvrage publié avec l'aide
du Ministère français chargé de la Culture —
Centre national du livre*

*Перевод осуществлен по изданию:
Daniel Arnaud
Nabuchodonosor II
roi de Babylone
Paris: Fayard, 2004*

*Редакция выражает признательность
Татьяне Александровне Баскаковой
за помощь в подготовке книги к печати*

ISBN 978-5-235-03194-4

© Librairie Anthème Fayard, 2004
© Зубков Н. Н., перевод, комментарии, 2009
© Эрлихман В. В., вступительная статья, 2009
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2009
© «Палимпсест», 2009

ПРИЗРАК ВАВИЛОНА

Современная западная цивилизация, включающая в себя с рядом оговорок и Россию, ведет свою родословную не только из классической греко-римской античности, к которой восходят ее эстетика, философия, право, но и из мира Библии. Связь с последним воплощается как в религиозной сфере, так и в системе историко-мифологических понятий и образов, образующей фундамент современного мировоззрения и мировосприятия. Один из таких образов — Вавилон, неизменно, хотя часто незримо, присутствующий на периферии библейского повествования. Образ его неоднозначен: это великий город, полный всевозможных богатств и самых причудливых достижений человеческой деятельности, и в то же время это колыбель всех пороков, «Великая блудница», откуда исходят самые отвратительные ереси и чародейства. Это можно объяснить — помимо сурово осуждаемого Библией идолопоклонства, вавилоняне практиковали кровавые жертвоприношения, храмовую проституцию и магию всех сортов. Вплоть до Нового времени европейцы именовали магов и гадателей «халдеями» и считали Вавилон родиной астрологии и прочих тайных наук.

С этим городом связано и представление о тиранической, богоборческой власти, стремящейся к мировому господству. Впервые оно отразилось в рассказе о Вавилонской башне, строители которой дерзко пожелали достигнуть неба, за что были наказаны «смешением языков». Эта легенда отражает реальную картину многолюдства Вавилона, его национального и религиозного многообразия, в котором авторы Библии не без оснований видели угрозу тщательно взле-

леянной обособленности своего народа. Поэтому так многочисленны обвинения библейских пророков в адрес великого города, так грозны предсказания о его грядущем падении. Эта традиция начинается с Иеремии: «...меч на халдеев, говорит Господь, и на жителей Вавилона... и пошлю на Вавилон вейтелей, и развеют его, и опустошат землю его» (Иер. 50:35—51:2), — и заканчивается Откровением Иоанна Богослова: «Пал, пал Вавилон, город великий, потому что он яростным вином блуда своего напоил все народы» (Откр. 14:8).

Так сложилось, что олицетворением всех пороков Вавилона в глазах древних и современных читателей Библии стал Навуходоносор II — один из последних монархов Вавилонского государства, правивший в 605—562 годах до н. э. Это далеко не случайно — именно он в 586 году уничтожил Иудейское царство, разрушил Иерусалим с его храмом и увел евреев в долгий плен, завершившийся только в 536 году, после завоевания Вавилона персидским царем Киром. Об этом напоминает знаменитый 136-й псалом: «...при реках Вавилона, там сидели мы и плакали, когда вспоминали о Сионе», — до сих пор остающийся гимном страдания и надежды всех угнетенных, хотя вавилонский плен в изображении тех же авторов Библии был далеко не так тяжел, как египетский, описанный в книге «Исход».

Событиям этого плена посвящена и «Книга Даниила», повествующая о противоборстве юного иудейского пророка с грозным царем. За отказ поклониться золотому идолу бога Мардука трое товарищей Даниила были брошены в огненную печь, но спаслись благодаря вмешательству ангела Господня. Даниил же сравнил Вавилонское царство с истуканом из золота и серебра, стоящим на глиняных ногах, и предсказал ему гибель: «Камень... ударил в глиняные ноги его и разбил их» (Дан. 2:34).

В той же книге содержится странная история о том, как Навуходоносор был наказан Всевышним за свою гордыню: «Отлучен он был от людей, ел траву, как вол... волосы у него выросли, как у льва, а ногти у него — как у птицы». Пробыв в таком состоянии семь месяцев, царь якобы раскаялся, уверовал в единого Бога и был возвращен в человеческий облик. Есть мнение, что в конце жизни Навуходоносор действительно страдал редким заболеванием — ликантропией, побуждающим человека считать себя животным. Но более вероятно, что библейский рассказ создан «по мотивам» вавилонских изваяний, изображавших царя в образе быка с львиными лапами и крыльями орла. Далее «Книга Даниила» повествует о «сыне» (на самом деле одном из преемников)

Навуходоносора Валтасаре, увидевшем в разгар пира на стене огненную надпись «Мене, мене, текел, упарсин» («Исчислен, исчислен, взвешен и разделён»), которую тот же Даниил расшифровал как предсказание гибели Вавилона и его правящей династии. На самом деле город после утраты независимости процветал еще долго и опустел лишь на рубеже нашей эры, просуществовав более 2 500 лет.

Подлинная история Вавилона и его самого известного правителя далека от сформированных Библией стереотипов, что в полной мере демонстрирует биография Навуходоносора II, созданная известным французским ученым, профессором Сорбонны Даниелем Арно. На основе широкого круга источников автор рисует картину государства, где аппарат власти достаточно эффективен, население, включая покоренные народы, пользуется широким самоуправлением, а войны ведутся пусть не самыми гуманными методами, но без той зверской жестокости, которая отличала соседей Вавилонии — ассирийцев. Во всем этом велика заслуга героя книги — прагматичного политика, стремившегося скрепить воедино все части своей многонациональной империи и возвысить царскую власть путем ее обожествления. Как и у многих монархов-реформаторов, его политика потерпела неудачу из-за слабости и неспособности наследников; после смерти Навуходоносора его держава погрузилась в пучину смут и политических переворотов, облегчивших персам ее завоевание.

Источники, повествующие о жизни вавилонского царя, немногочисленны и немногословны, поэтому профессор Арно выходит из положения единственно возможным образом. Биографию Навуходоносора он дополняет описанием его царства, о котором средний читатель, даже интересующийся историей, знает крайне мало. Сведения о вавилонской системе управления, о жрецах и богах, которым они поклонялись, о войнах и международных отношениях создают канву, на основе которой мы можем судить о подноготной тех или иных слов и действий монарха. Автор книги не затрагивает лишь одной темы — уже упомянутой нами роли Вавилона, реального и мифического, в современной культуре. Между тем осознание этой роли помогает понять, почему образы великого города и его самого могущественного царя по-прежнему сохраняют свою притягательность, несмотря на бездну веков, отделяющих их от наших современников.

В древнерусской литературе известны несколько «сказаний о Вавилонском царстве», повествующих о чудесном

рождении Навуходоносора (его, как и других героев древности, якобы воспитали дикие животные), о его упомянутом в Библии превращении в зверя и о том, как после гибели Вавилонии венец царя был перенесен сначала в Византию, а потом на Русь. Похожие сказания существовали и в Западной Европе, где Вавилон сделался своеобразным символом власти — но при этом власти тиранической и не освященной истинной религией. Представление о вавилонской монархии, не слишком отличающейся от ассирийской, персидской и других древневосточных политических режимов, на века соединилось в общественном сознании европейцев с понятием восточного деспотизма и в этом качестве многократно использовалось для критики деспотизма как такового. От Джорджа Байрона и Генриха Гейне эта эстафета перешла к русским поэтам вплоть до Осипа Манделштама и Арсения Тарковского, который проклинал «глинобородых богов-народоубийц». Традиция обличения Вавилона тянется до наших дней, отражаясь, например, в пародийной «Песни Мардохея-воина» из романа Дмитрия Быкова «ЖД»: «Город Вавилон когда кого-нибудь идет воевать, то живой души не останется — трахнут всех...»

В то же время культура, как книжная, так и народная, не забывала и о «вавилонской блуднице», с которой ассоциировались как знатные дамы, известные своей аморальностью, так и прославленные тем же мегаполисы прошлого и настоящего. На роль нового Вавилона последовательно назначались Рим и Париж, Нью-Йорк и Москва (характерно название книги Михаила Веллера «Б. Вавилонская», посвященной апокалиптическому уничтожению российской столицы). Нет недостатка в самозванных пророках, предсказывающих гибель какого-либо из этих городов, а то и всей западной цивилизации, тоже отождествляемой с Вавилоном. Особенно много таких предсказаний породил процесс глобализации, который консерваторы уже не раз сравнивали со строительством Вавилонской башни. «Вавилонское» происхождение приписывается (к примеру, в конспирологической фантастике Виктора Пелевина и Вадима Панова) подлинным или мнимым проводникам глобализации — международным финансовым организациям, масонам и другим тайным обществам.

Стоит отметить, что, с другой стороны, борцы с западным влиянием порой видят себя наследниками Вавилонского царства. Так, воинственный лидер Ирака Саддам Хусейн называл себя «вторым Навуходоносором» и предпринимал попытки восстановить в первоизданном виде центр древнего

Вавилона с воротами Иштар и величественным царским дворцом. Не менее живуче вавилонское влияние и в сфере оккультизма, приверженцы которого до сих пор широко используют имена и термины, пришедшие с берегов Тигра и Евфрата. Особенно активно это делают чрезвычайно расплодившиеся в современном западном обществе гадатели, демонологи и сатанисты. Конечно, в этом не следует винить царя Навуходоносора и его подданных, живших своей исторически обусловленной жизнью и мало напоминавших созданных библейско-европейской фантазией «халдеев». Тем не менее экзотичность вавилонской цивилизации в соединении с ее большей (в сравнении, например, с Древним Египтом) понятностью и открытостью для современного человека ведет к тому, что призрак Вавилона вновь и вновь волнует наше воображение.

*Вадим Эрлихман,
кандидат исторических наук*

ПРЕДИСЛОВИЕ

В отличие от Греции, Рима и даже Египта древняя Вавилония почти не оставила следов на путях современного культурного пространства; она остается для нас миром закрытым и странным. Но вавилонский царь Навуходоносор — исключение. Благодаря Библии — точнее, Четвертой книге Царств, свидетельствам пророков Иеремии и Даниила, а также опере Верди мы с ним более или менее знакомы. Видимо, не случайно он стал героем первой классической французской трагедии Робера Гарнье «Иудеянки» (1593), где автор сделал его антагонистом иудейского царя Седекии. Хочется еще отметить, что 15-литровый «навуходоносор» — самая большая из употребляемых сейчас винных бутылей; она вместительнее, чем «салманасар», «иеровоам» и «мафусаил», которые несколько неожиданным образом доносят до наших дней память о победе Вавилона над Ассирией, царстве Израильском и о библейском патриархе...

От VI века осталась обширная документация: известные ныне глиняные таблички, написанные клинописными знаками, исчисляются тысячами. Но кажущаяся полнота источниковой базы отчасти обманчива. Хотя эти таблички достаточно прочны, очень большая доля их не сохранилась. Например, удалось подсчитать, что от долговых расписок, выданных главным храмом города Урук, обнаружено всего 6—7 процентов. Кроме того, хотя вавилоняне, как и остальные жители Двуречья, употребляли этот более прочный по сравнению с папирусом материал с конца IV тысячелетия, начиная со второй половины II тысячелетия они стали писать также на табличках из дерева или, в особо важных случаях,

слоновой кости, покрытых воском, у которых были бесспорные преимущества: они не так часто разбивались и были гораздо легче. Ведь писавшему на глине приходилось либо ограничивать размер текста, либо поневоле лепить всё более и более массивные куски; в какой-то момент из-за габаритов табличек пользоваться ими (читать или просто хранить) становилось крайне неудобно. На деле писцы обычно ограничивались материалом для письма такого размера, чтобы его можно было удержать в одной руке. Вошенные таблички удобны еще и тем, что их можно использовать несколько раз: стирать текст и заново писать на той же стороне; глина же, высохнув (а тем более подвергшись обжигу, как часто поступали с важными документами), уже не поддавалась дальнейшей обработке. Кроме того, покрытые воском таблички иногда соединялись шарнирами, образуя связный ряд; эти кодексы легко раскрывались; одна такая книжка использовалась для записи произведений, чей объем требовал нескольких глиняных табличек, каждая из которых, к великому затруднению библиотекарей, хранилась отдельно.

К сожалению, предметы из дерева и воска не выдерживают климата азиатского Ближнего Востока. Из всего количества текстов на этих носителях до наших дней дошел лишь один документ VI века, обнаруженный во дворце ассирийского царя Саргона (721—705) в Калахе. Он позволяет нам представить масштабы утраты. Какова была частота использования того или иного писчего материала и что писалось в основном на воске? Ответ на второй вопрос достаточно ясен: то же, что и на глине. Они не предназначались специально, скажем, для административных дел или литературных произведений. В таком случае оценить их количество очень трудно. Но всё же нам кажется, что применялись они довольно ограниченно; писцы оставались верны старому писчему материалу — табличке, вылепленной из глины; в их глазах она оставалась символом высокочтимого наследия предков — изобретателей письма и наставников в этом искусстве.

Современные ученые, безусловно, прекрасно знают клинопись и вавилонский язык, так что тексты мы понимаем без особого труда. Трудность для исследователя заключается в другом. Число документов, имеющих в нашем распоряжении (всё же удовлетворительное), иногда заставляет забывать о важнейшей черте, характерной для вавилонской письменности во все времена: ее сфера с самого начала была строго ограничена. Она не распространялась на то, что мы

называем техникой в самом широком смысле слова: не было, например, учебников гончарного ремесла, да и пособий по самому письму тоже не существовало. Знания об искусствах и ремеслах передавались устно, относились ли они к обыденному или сакральному миру, шла ли речь об образовании ремесленника или жреца.

Но есть и еще более важная помеха. На рубеже II и I тысячелетий полукочевые племена, говорившие на новом, арамейском языке, уничтожили государства, расположенные между Евфратом и Средиземным морем. Нападали они даже на Ассирию и Вавилон, хотя и не с таким успехом. Вследствие этого арамейский язык не только широко распространился в Западной Азии, но и проник в долину Тигра и Евфрата, поскольку с IX по VII век ассирийцы господствовали над Левантом; таким образом, им приходилось иметь дело с правителями и жить среди народов, у которых обиходным языком был арамейский.

Со временем пришельцы стали оседлыми, основали новые царства, а с ними и органы управления. Чтобы писать по-арамейски, писцы избрали алфавитное письмо, которому научились у финикийцев. Так же, как финикийцы, они стали писать преимущественно на папирусе и коже. Так создались обширные архивы городов, расположенных между Евфратом и Средиземным морем. Все они сгнили. Для изучения Вавилонии это существенная потеря, но всё же там употребление алфавита и арамейского наречия до VI века оставалось не слишком широким; как мы можем догадываться, вавилоняне оставались верны своему исконному языку и привычному писчему материалу — глиняным либо навощенным табличкам. Зато на остальном Ближнем Востоке ситуация с письменными памятниками катастрофическая: они почти не сохранились. В ходе рассказа у нас будут случаи указать на исключения, и читатель сможет убедиться, что они почти ничего не добавляют к нашим знаниям об этом мире — он навеки останется для нас немым.

Впрочем, некоторые соображения делают картину не такой мрачной. Условия жизни столетиями, а то и тысячелетиями оставались устойчивыми, неизменными; бытовые привычки изменялись очень медленно и, очевидно, не слишком различались в разных областях региона. Запас знаний также менялся весьма медленно. В целом они не подвергались сомнению и пересмотру. Основные представления о мире всем казались очевидными, и эту очевидность никто не пытался оспаривать. Вследствие этого сведения о более

древних временах можно применять и к эпохе Навуходоносора. Особенно много дают исследователям археологические раскопки (конечно, для истории Вавилонии больше, чем для остального Ближнего Востока) — они проясняют тексты, а иногда служат их удачным дополнением. В настоящий момент в результате раскопок получен достаточно большой объем информации, отраженной в публикациях. Нам доступны «официальные» тексты, а отчасти (можно предположить, что не в полной мере) и повседневные документы: письма и контракты. Зато правительственными актами исследователи до сих пор пренебрегали; по правде говоря, они не слишком заманчивы даже для специалистов. Но, так или иначе, надо признать: доступную ныне документацию дает нам — преимущественно, а в некоторых областях исключительно — Вавилония; историки волей-неволей вынуждены именно ее ставить в центр своего рассказа и на основании ее текстов выносить суждения.

Наконец, надо принимать во внимание, что сами документы изучены весьма неравномерно. Внешняя политика, религия и в значительной степени экономика становились предметом интереснейших исследований. Зато мир идей (применяем нарочито общий термин) оставался без внимания, как показывает приведенная в конце книги библиография. Поэтому автор решил именно о нем рассказать подробнее всего, взглянуть в него пристальнее, чем это обычно делалось. Так мы сможем заново увидеть самобытный образ людей Ближнего Востока; более того, Навуходоносор и его современники станут единым интеллектуальным и нравственным целым.

Для удобства читателей сохранено написание собственных имен — как личных, так и географических названий, — принятое в современной традиции, например: Навуходоносор, Ниневия. В других случаях, когда традиции не существует или она колеблется, автор был обязан применять названия, принятые в науке. Этот очевидный разницей огорчителен, однако он неизбежен. В книге сохранена неверная, но повсеместно используемая транскрипция «Ур» для города в Южной Вавилонии. Правильнее было бы называть его Ури или Урим, но отказываться от привычного написания было бы неудобно, и этот отказ не имел бы большого смысла.

В цитатах квадратными скобками отмечены лакуны оригинала, угловыми — сознательные пропуски и добавления.

Все приводимые даты относятся ко времени до нашей эры. Хронология VI века вполне надежна; есть лишь одна трудность: первый день вавилонского года приходился на середину нашего марта, так что вавилонский год распределяется по двум годам григорианского календаря. Более ранние даты относительно правдоподобны до начала II тысячелетия. Чем дальше назад во времени отстоят события, тем их датировка ненадежнее; хронология III тысячелетия во многом является гипотетической*.

---

* По тем же соображениям мы опирались на русскую традицию передачи восточных имен и названий, хотя в ряде случаев приходилось выбирать из нескольких равно употребительных вариантов (например, «Барсиппа», «Барсипа», «Борсиппа»). Обратим внимание, что в оригинале привычные русскому читателю названия региона «Двуречье», «Междуречье», «Месопотамия» почти не употребляются; мы позволяем себе чередовать их с авторским «долина Тигра и Евфрата». Многие имена ближневосточных божеств и почти все названия храмов автор дает в описательном переводе на французский; мы сохраняем их, а древние восточные транскрипции по возможности даем в подстрочных примечаниях. Там же оговариваются и некоторые другие расхождения авторского словоупотребления с общепринятым в России. (*Здесь и далее, кроме оговоренных случаев, — примечания переводчика.*)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ОВЛАДЕНИЕ ИМПЕРИЕЙ

НАСЛЕДСТВО И НАСЛЕДНИК

В Вавилоне не было обычая записывать акты гражданского состояния, поэтому даты рождения Навуходоносора мы не знаем и можем лишь строить догадки. Когда его отец Набопаласар в 607 году вручил ему власть над армией, он, по словам Бероса*, был «подростком»; а этот вавилонский историк, писавший по-гречески в III веке, был весьма информированным, хотя и жил много позже событий, о которых повествовал. Так что царевичу тогда исполнилось лет двенадцать — четырнадцать: именно в этом возрасте на Ближнем Востоке начинали приобщаться к взрослым делам. Стало быть, он родился около 620 года, когда его отец уже примерно пять лет как был признан вавилонским царем. Умер он своей смертью (от болезни, согласно тому же Беросу), когда ему было около 60 лет. Навуходоносор царствовал 43 года (605—562) — дольше, чем любой вавилонский или ассирийский владыка, начиная со II тысячелетия. Впрочем, один ассирийский царь XII века правил на три года больше, а Хаммурапи Вавилонский** (1792—1750) — столько же. Показательно другое: средний срок правления ассирийских ца-

---

* *Берос* (греческая форма вавилонского имени Белрушу) (около 350—280) — вавилонский историк, живший в Греции и основавший на острове Кос астрологическую школу. Составил на греческом языке историю Вавилонии. Его сочинения известны в пересказе античных и византийских авторов. (*Прим. ред.*)

** *Хаммурапи* — царь Вавилонии, при котором произошло ее возвышение. Искусный политик и полководец, подчинил Вавилону Ассирию, южную и среднюю части Месопотамии. Развитию товарно-денежных отношений и укреплению царской власти способствовало принятие (ок. 1760) свода законов. (*Прим. ред.*)

рей составляет примерно 13 лет, а вавилонских — 18; среднее арифметическое для обеих стран — чуть больше 17 лет. Факт налицо: Навуходоносор сохранял власть в течение необыкновенно долгого времени, и его дела не только были известны современникам, но и сохранили его имя в памяти потомков.

Мы не знаем, когда младенец или ребенок получал имя, кто его нарекал; свидетельства на этот счет противоречивы. Правда, в случае Навуходоносора всё указывает на то, что имя ему выбрал отец. Он звался Набу-кудурри-усур (транскрипция «Навуходоносор» привычна, но очень приблизительно): «Набу, храни моего сына и наследника». Вавилонские собственные имена иногда представляли собой клички («Мышонок», «Храпун»), но чаще являлись небольшими предложениями, в повседневном употреблении сокращавшимися. В этом смысле имя будущего царя не отличалось от имен подданных, хотя и не было распространенным. Впрочем, отец и сын звались почти одинаково: «Набопаласар» тоже значит «Набу, храни сына и наследника». При всём том современники безошибочно видели в имени то, чем оно и являлось для властвующего царя: политическую декларацию. В конце XII века Навуходоносор I* возродил международный и внутренний престиж Вавилона после тяжелейшего упадка, заново отстроил нацию, вышедшую из жестоких смут. Он завоевал эламитов — народ, живший в Сузской долине на юго-западе нынешнего Ирана. Он же восстановил храмы по всей стране, его время было одной из самых блестящих эпох расцвета литературного творчества. Военный вождь, строитель и покровитель искусств — вот миссия, к которой его тезка считал себя предназначенным с рождения.

О его матери ничего не известно, и можно решительно предположить, что она не имела на него никакого влияния. У него были два младших брата, о которых он никогда не говорил и которые, насколько нам известно сейчас, не играли важной роли в государстве. Один из них, Набу-шумулишир («Набу, да славится имя его!»), на третьем году правления Навуходоносора, очевидно, обладал какими-то воинскими полномочиями; но это место в тексте источника повреждено, и больше мы ничего о его статусе не знаем. Впрочем, объявляя Навуходоносора «первороденным своим», Набопаласар не просто официально признавал очевидный факт, что он был «сыном царским из дома наследного», как говорит хроника. Прилагательное «первый» для вавило-

---

* Правил в Вавилонии в 1124—1103 годах. (Прим. ред.)

нян имело и более широкий смысл: «превосходный», а также «служащий примером». Таким образом, отец публично объявлял особое почтение к своему наследнику и призывал подданных следовать его примеру.

У отца с сыном были, по всей видимости, хорошие отношения; по крайней мере источники, невзирая на скудость сведений, позволяют это предполагать. Старейший Набопаласар полагался на порядочность и воинские таланты своего первенца. Он удивительно тепло говорит о двух старших сыновьях в рассказе о церемонии, положившей начало большой работе по сооружению «Дома — основания неба и земли»* — ступенчатой башни в Вавилоне**. Согласно тысячелетнему ритуалу царь и его семья должны были символически участвовать в закладке первого кирпича: «Обрядил я корзины в золото и серебро; и дал я нести Навуходоносору, перворожденному моему, возлюбленному сердца моего, в корзинах глиняных вино, смешанное с елеем, и вещества <благовонные> с войсками моими. И дал я мотыгу и колесницу Набу-шуму-лиширу, брату его, плоти от плоти моей, брату его младшему, возлюбленному моему». Сам же Навуходоносор позднее рассказывал о завершении строительства много сдержаннее (грамматическое несогласование сохранено в соответствии с оригиналом): «Башня ступенчатая в Вавилоне <...>, для которой царь Вавилонский, отец мой, родитель мой Набопаласар очистил место искусством волшебства <...>, которой основания поместил он в преисподней [...], которую возвел высотой на тридцать локтей, вершину же ее не воздвиг он; я сделал, чтобы Дом — основание неба и земли воздвигли до самой крыши, да спорит он с небесами». Надпись Навуходоносора повторяет выражения, употребленные его отцом, но при этом, кажется, скрыто, под сурдинку его критикует, не без суровости указывая, что утверждение Набопаласара было преждевременным и скорее являлось благим пожеланием. Ведь он хвалился, что «возвел его (храм. — Д. А.) подобно горе» и «воздвиг его людям на диво», но довел здание до высоты менее 15 метров. Впрочем, все современники Навуходоносора и без того это знали, так что со стороны нового царя написать такое не было большим нахальством.

---

* Этеменанки (*шумер.*). Храмы Вавилонии и Ассирии традиционно носили шумерские имена.

** Месопотамские ступенчатые башни в нашей литературе обычно называются зиккуратами, иногда употребляется термин «ступенчатая пирамида».

Действительно, позднее, подводя итог своей строительной деятельности, Навуходоносор опять имел случай рассказать о свершениях отца и своих собственных в области гражданского и оборонного строительства в Вавилоне: «То, чего ни один царь до него сделать не мог: отец мой, родитель мой, два раза обнес город стеной со рвом, построенной из асфальта и обожженных кирпичей. Я же построил стену весьма крепкую, добавив к двум прежним стенам третью, из асфальта и обожженных кирпичей, и вывел ее вдоль той стены, которую начал отец мой». И еще немного ниже: «Отец мой, родитель мой возвел набережную <...> из асфальта и обожженных кирпичей и положил начало благое сваями на другой стороне Евфрата, докончить же не мог. Я же, сын его первородный, любезный ему, построил набережную <...> из асфальта и обожженного кирпича, и соединил ее с набережной отца моего, и сделал очень крепкой». Смысл этого рассказа ясен: Навуходоносор предстает здесь как достойный продолжатель дел любимого и любящего отца, которому лишь недостаток времени не дал завершить его миссию. Набонид, ставший царем через семь лет после Навуходоносора и объявлявший себя его последователем, использовал тот же прием — восхвалял незавершенные начинания предшественника. Тем самым он фактически подчеркивал положительный результат собственных действий, то совершенство, с каким он сам довел решение задачи до конца, но при этом предстал и благодарным наследником, завершившим дело предыдущих правителей.

Навуходоносор, согласно обычаю, называл себя «сыном», «сыном и наследником первородным», «сыном и наследником законным» или даже «сыном возлюбленным» Набопаласара. Таким образом он просто обозначал свой статус: он был царем постольку, поскольку наследовал другому царю. Надо сказать, вавилоняне не придавали большого значения династическим представлениям. Династичность, конечно, облегчала передачу власти и помогала избегать смут, но в основе своей легитимность монарха, каким бы путем он ни овладел престолом, покоилась на успехе, а не на происхождении; так было, собственно, и с Набопаласаром — удачливым воином. Набопаласар никогда не говорил о своем происхождении и, по-видимому, без всякого смущения называл себя в официальных надписях «сыном без отца» и даже «худым человеком» — разумеется, в социальном смысле. Вавилоняне признали его царем за то, что он повел их в победный бой на ассирийцев и заключил союз с мидянами, чтобы полностью уничтожить врага. Более поздние источни-

ки называют его вождем халдейского племени, которое якобы с конца IX века населяло юг Вавилонии и вело непрестанную борьбу против ассирийцев. Никаких доказательств такой генеалогии не существует, и для нас Набопаласар — поистине человек без прошлого. С другой стороны, многие признаки связывают его с Уруком. Интеллектуалы этого города в XII веке славились своими произведениями у всех народов, живших до Средиземного моря; потом он заглох. Навуходоносор, как и его отец, выказывал к нему привязанность, а его дочь владела землями в окрестностях Урука. Возможно, семья была оттуда родом, так как и отец, и сын, и внучка испытывали к этим местам не только интерес, но и приязнь.

Набопаласар женил своего сына на Амиитис, дочери мидийского царя Астиага. Царь этот наряду с ним сыграл большую роль в окончательном крушении Ассирии. Таким образом, правитель Вавилонии признавал союз двух государств в настоящем и закладывал его основы на будущее. Берос, от которого мы имеем эти сведения, — серьезный автор. Однако греческий историк Ктисий*, писавший двумя веками раньше и располагавший более подробными и достоверными источниками, считает Амиитис супругой Кира — победителя и преемника Астиага. Значит, эта царица, о которой нет упоминаний в вавилонских документах, для нас является всего лишь призрачной фигурой. Согласно позднейшему преданию, Навуходоносор построил для жены, тосковавшей по роскошным паркам родной Мидии, вавилонские «висячие сады». Этому анекдоту не следует придавать особого значения; но по крайней мере характеристика Навуходоносора как заботливого мужа не смущала потомков.

В отличие от ассирийских царей предыдущего столетия Асархаддона и его сына Ашшурбанипала**, мы ничего не знаем о чертах личности Навуходоносора. От Асархаддона до нас дошли многочисленные записи, предназначавшиеся для гадателей и заклинателей; очевидно, владыка страдал

---

* *Ктисий (Ктесий)* из Книда — греческий ученый, придворный медик персидского царя Артаксеркса II Мнемона, в 400 году написавший историю Востока «Персика». (*Прим. ред.*)

** *Ашшурбанипал* — царь Ассирии (669 — ок. 633), сын Асархаддона, вел военную и дипломатическую борьбу за сохранение ассирийского государства. Совершал походы на юге против Египта, на западе — против Тира и Арвада, на севере и востоке боролся с киммерийцами, скифами, персами и мидянами. На юге разбил антиассирийскую коалицию Вавилонии, Элама, арамейев, халдеев и др. По его приказу были собраны десятки тысяч древних исторических, религиозных, магических и научных текстов. Библиотека Ашшурбанипала найдена археологами на месте Ниневии. (*Прим. ред.*)

меланхолией, и они должны были непрестанно утешать его. Ашшурбанипал же сам рассказал о своей бурной молодости. Текстов, которые могли бы что-то сообщить нам о Навуходоносоре, не обнаружено — случайно ли? То ли он был так крепок духом, что не нуждался в услугах специалистов по магии, то ли вавилонские обычаи тогда не позволяли обращаться к ним — по крайней мере письменно, — сказать невозможно. Во всяком случае, мы точно знаем, что в частной жизни человек мог быть физически и нравственно некрепким, совсем непохожим на того монарха, которого официальные прижизненные надписи представляли решительным и отважным, не страшившимся никого и ничего, неутомимым, торжествующим. Поэтому делать выводы о личности Навуходоносора на основании его публичных заявлений было бы неосторожно. К сожалению, в наше время ни в малейшей мере не приходится доверять книге пророка Даниила, как бы ни была она ярка. Написана она была в эллинистическую эпоху, много позже смерти царя, и, вне всякого сомнения, не передает исторический облик Навуходоносора. Нельзя даже быть уверенным в том, что автор не путает Навуходоносора с Набонидом, ошибочно считая Валтасара сыном первого, тогда как этот правитель, по всей видимости, приходился сыном именно Набониду. На самом деле Даниил представляет нам портрет типичного восточного владыки — бесспорно, очень живо и очень талантливо; но литературные достоинства не делают его книгу историческим источником, пригодным для пользования.

Можно догадаться лишь об одном аспекте частной жизни Навуходоносора: он явно беспокоился о своем здоровье; но были ли к тому основания, неизвестно. Царствовал он долго, а значит, в любом случае был человеком физически крепким. Но тревоги его несомненны. Он говорил о себе, что «желает остаться в живых», и только он один во всей череде царей Ассирии и Вавилона высказывался так. Он восстанавливал храмы, в которых обитали божества-целители: три — в Барсиппе, два — в Вавилоне, один — в Сиппаре. Из тех же побуждений он желал, чтобы храм «Верховной владычицы» в Вавилоне получал самые богатые приношения, ибо видел в этой богине прежде всего «Матерь целящую». Надо сказать, храм он построил не очень большой: его площадь представляла собой прямоугольник 35×43 метра, что было средним размером для вавилонских святилищ. Другие храмы археологами не найдены; должно быть, они тоже были сооружениями довольно скромными. Но дело не в их габаритах: почитание богов этой «специализации» указывает на состояние духа царя.

Навуходоносор, похоже, не увлекался женщинами. Для современного ему общества, судя по семейным письмам, это было нетипично. Правда, уже с III тысячелетия женщины не имели политической власти, а с конца его были лишены всех религиозных функций, но в экономике и общественной жизни VI века они играли важную роль. Между тем государь вообще не уделял внимания женским божествам, уповая лишь на те из них, которые могли помочь его здоровью; он почитал их исключительно из соображений сохранения своей жизни. Немного времени спустя Набонид вел себя совсем не так, как его предшественник, но никто не проявлял на сей счет недовольства или хотя бы удивления. Поэтому напрашивается вывод: если бы Навуходоносор избрал такую же линию поведения, то нисколько не шокировал бы людей своего времени; следовательно, его образ действий вызван не стремлением угодить общественному мнению, а собственными соображениями.

В текстах время от времени попадаются упоминания о девяти детях Навуходоносора: семи мальчиках и двух девочках. От одной ли матери все они были рождены, сегодня сказать невозможно. Царь вполне мог иметь и других детей; ни один документ не дает нам ни полного, ни частичного перечня царской семьи. Имена царских отпрысков дают скромные указания на постепенные перемены в политике их отца, так же как и хронология его строительных работ в Вавилонии. Самого старшего звали Эанна-шарра-усур («Дом небесный, храни царя»). «Дом небесный» — это старейший и великолепнейший храм Урука. Ясно, что в момент рождения этого ребенка Навуходоносор занимался укреплением своей власти: новорожденный должен был снискать отцу милость храма того города, с которым, как можно догадаться, его связывали семейные традиции. Так обычно поступали частные лица; царь, уподобляясь им, невольно выдавал недостаточную уверенность в своей силе. Но при рождении второго сына, Набонида («Набу велик»)*, этот порог был пройден. Его имя включает имя главного бога страны; таким образом его отец как бы приветствовал всю Вавилонию и, можно считать, утверждал ее единство. Пять имен остальных сыновей зывают к Мардуку как божеству, дарующему плодovitость и благополучие; значит, ко времени их рождения царствование их отца продолжалось уже давно; таким образом государь добровольно или вынужденно выказывал свое расположение богу — покровителю города Вавилона и его почитателям.

---

* Набу-наид (*аккад.*). Не путать с соименным ему царем (см. ниже).

Единственная дочь, о которой мы хоть что-то знаем, звалась, как ни странно, не полным, а лишь уменьшительным именем Кашшайя, причем и значение этого прозвища до нас не дошло. Про нее известно лишь то, что она была благотворительницей храма богини Иштар в Уруке. Молчание источников достойно сожаления, ибо она занимала совершенно исключительное положение: была царской дочерью и внучкой, сестрой царя Амель-Мардука, супругой царя Нериглиссара и, несомненно, матерью царя Лабаша-Мардука. Иначе говоря, она, так сказать, была связующим звеном трех поколений династии, основанной ее отцом. Зная, какую политическую и интеллектуальную роль в карьере и образовании сына играла мать другого будущего государя, Набонида, можно лишь испытывать сожаление, что Кашшайя для нас остается стертым профилем.

Каким отцом был Навуходоносор? Об этом не говорится ни в одном тексте. Его надписи не позволяют об этом судить, да и ожидать этого нельзя. Своих «потомков» (без дальнейших уточнений) царь упоминает лишь для кратких и банальных пожеланий: «Да процветут они на царстве своем» или «Да господствует оно вовек» над людьми. Ничего личного, неформального в его тоне нет. Как и всякий вавилонянин, царь хотел, чтобы потомство его было обильным. Лишь раз он обратил внимание на супруг будущих царей. В одной из молитв к богине-матери он пожелал им легких и неопасных родов. Не объясняется ли такая забота, довольно неожиданная в официальном документе, какими-либо несчастными случаями, произошедшими при дворе?

Подобно своему отцу и собственным преемникам, Навуходоносор остался для нас царем без лица. В Вавилонии он нигде не изображался — в то время это просто не было там принято. Изображения встречаются только в Леванте, на наскальных рельефах Вади-Брисса и Нахр-эль-Кельба. Над ними, правда, поработала эрозия, но в любом случае велика потеря. Торжествующий монарх представлен настолько стилизованно, что ничего индивидуального в его чертах, без сомнения, не осталось: рельефные изображения дают просто обобщенный образ «царя». Точно в том же стиле были сделаны и стелы Набонида десятилетие спустя.

Из этого молчаливого и безликого мира до нас не донеслось почти ничего и об интеллектуальном воспитании вавилонского принца Навуходоносора. Впрочем, в представлениях об одной области его деятельности историк не совсем безоружен; к счастью, это именно та сфера, которая особенно важна для будущего государя: международная политика.

Она регулировалась многовековой традицией, которая хорошо нам известна. В общих чертах эта традиция была разработана в последние века III тысячелетия. В первом тысячелетии геополитические представления окончательно устоялись и, следовательно, с самого начала стали обязательными для Навуходоносора. Правда, ни ассирийцы, ни вавилоняне не были теоретиками; нет текстов, которые сообщали бы нам об этих представлениях; они выявляются, так сказать, через свои «отпечатки» в дипломатической и военной деятельности всех монархов. Разработать противоположную или хотя бы просто в чем-то отличную доктрину не пытался никто: эти попытки не отражены ни в письменных памятниках, ни в образе действий правителей обоих государств. Да и стабильность природных условий на протяжении как минимум двух тысячелетий до Навуходоносора внесла свой вклад в неизменность политики. Именно традиционная доктрина объясняет и оправдывает его действия; в ином случае они могли бы показаться бессвязными: иногда — беспечными, иногда — излишне жестокими.

Долина Тигра и Евфрата с востока и севера ограничена высокими горными цепями: Загросом и Тавром. За этим барьером располагался чужой мир высоких враждебных нагорий, казавшийся беспредельным. Вторая естественная граница очерчена изогией, отмечающей начало пустынь Аравийского полуострова, где выпадало менее 250 миллиметров осадков в год. Эта метеорологическая кривая совпадает с западными границами Вавилонии. Однако значимость этого показателя не стоит преувеличивать: крестьянин Древнего мира рассчитывал не на среднюю цифру осадков, а на гарантированный годовой минимум дождей. Поэтому в действительности зоны активного земледелия отодвигались гораздо восточнее, к долине в нижнем течении Евфрата.

Во II тысячелетии ассирийцы и вавилоняне ограничивались тем, что сдерживали племена, жившие по внешнюю сторону указанных границ. В I тысячелетии ассирийцы повели себя иначе: они сочли неприемлемым, чтобы там образовывались государства. Едва разведка доносила им о такой угрозе, снаряжалась экспедиция во главе с царем; признанную враждебной соседнюю страну разоряли дочи́ста и настолько систематически, что всякая государственная организация там становилась невозможной иногда на целые столетия.

На юге примерно на сотню километров тянулась болотистая область; там испокон веков укрывались те, кто по благим или злым соображениям не признавал вавилонской ци-

визации. Эта преграда — неоглядные камышовые плавни, по которым можно было передвигаться только на лодках, — отрезала долину от моря. Но примерно во второй половине II тысячелетия вавилоняне преодолели ее, достигли островов, ныне называющихся Файлака и Бахрейн, и укрепились там. С тех пор эти острова были их базами, опираясь на которые вавилоняне могли держать под контролем Персидский залив. Однако по традиции они почти не обращали внимания на земли, лежавшие дальше Ура.

Последней границей, на севере, было пространство между Евфратом и Хабуром; это плодородный район холмов вулканического происхождения, вполне достаточно там и воды. Он был и до сих пор остается единственным «воротами», через которые можно путешествовать с запада на восток и с востока на запад. Купцы и воины, шедшие из Вавилонии к Средиземному морю или в обратном направлении, обязательно должны были пройти через него; прямая дорога к югу, которая могла бы связать Вавилон с переправой в Хамате, была бы много короче, но переход через пустыню считался невозможным. Похоже, что даже когда Навуходоносор торопился в Вавилон, чтобы его там признали царем, он не рискнул использовать этот путь. Северо-западная граница была единственной, не обозначенной природными препятствиями, а между тем только ее вавилоняне и считали настоящей границей. Это отношение так и не получило объяснения, а тип местности явно противоречил его формированию. После пересечения границы Вавилонии на севере, востоке, западе, юго-западе начинался мир, совершенно непохожий на вавилонский ни ландшафтами, ни наречиями, на которых говорили тамошние жители. На северо-западе же географический переход плавлен, а в I тысячелетии постепенным был и переход культурный: повсюду от Евфрата до средиземноморского побережья знали по-арамейски. Создается впечатление, что эта преграда, ничем конкретным не обозначенная, была религиозной, почти мистической. Именно это дает понять Саргон Древний (2334—2279) — первый монарх, указавший на нее; правда, он же, после объединения Южной Месопотамии, эту границу нарушил: «Саргон [...] пал ниц в Туттуле и поклонился богу Дагону. Дагон же дал ему Верхнюю страну <...> даже до Кедрового леса и до Серебряных гор». Иными словами, находясь на Среднем Евфрате, Саргон должен был признать Дагона богом западных земель, а за это мог и сам быть признан их легитимным владыкой; только тогда он получил возможность завоевать их до современного хребта Аманус.

Вне всякого сомнения, Навуходоносор разделял стратегические воззрения своих предшественников и современников, но, будучи реалистом, из осторожности должен был приспособлять их к ситуации. Для него и речи не могло идти о том, чтобы в подражание ассирийским владыкам отправлять карательные экспедиции в северные и восточные нагорья. Стал бы он это делать, если бы обстоятельства того требовали и позволяли? В общем-то в свое время с западноарабскими племенами он поступил именно так. Но те, с одной стороны, представляли непосредственную угрозу, а с другой — были слабы и легкодоступны. Лидия и Мидия являлись гораздо более грозными противниками. Лидия была богатым, могущественным государством, занимавшим западную часть Анатолийского нагорья вокруг города Сарды. Находясь под сильным влиянием греческой культуры, она простирала свои интересы главным образом в сторону Эгейского моря, пыталась сохранить и упрочить там свою власть. На востоке зона ее влияния доходила до Галиса, нынешнего Кызыл-Ирмака. Впрочем, позднее лидийский царь Крез (560—547) не старался продвинуться дальше на юго-восток. Только там он и мог выйти к границам Вавилонской державы, но лежавшая на берегу залива Искендерун Киликия его не интересовала. Словом, лидийцы были очень далеко.

Зато область владычества мидян соприкасалась с землями, покорными Навуходоносору, на всём протяжении их восточного рубежа, а частично и северной границы. Это царство мы знаем очень слабо. Городов там было мало, большая часть населения вела полукочевой образ жизни. С точки зрения вавилонского наблюдателя, Мидия была очень мало похожа на то, что в те времена считали настоящим государством. Видел ли Навуходоносор угрозу оттуда и мог ли нанести удар по этим безграничным пространствам? Кажется, он никогда не считал опасным это направление. Поколением ранее мидяне были союзниками Вавилона при разрушении Ассирии, а теперь, по-видимому, не выказывали никаких враждебных намерений относительно нижней долины Тигра и Евфрата. Между Вавилоном и его соседями царили мир и согласие: в 585 году Лидия и Мидия обратились к арбитражу Вавилона и Киликии, чтобы разрешить спор о разграничении своих территорий в Анатолии.

Итак, вавилонскому государю хватило мудрости сохранять прекрасные отношения со странами нагорий — Анатолийского и Иранского. Он обменивался с их правителями вестями; из других мест он также нередко принимал гонцов.

Архивы вавилонского дворца сохранили записи о посланцах не только от лидийского царя, но также из Ионии и из Парсумаша (располагавшегося, как мы теперь считаем, в южной части Загроса). Все они, впрочем, прибывали лишь с небольшой свитой — скорее эскортом телохранителей; глава этого отряда не был официальным послом и прибывал не для переговоров: его роль сводилась исключительно к передаче послания. Содержание депеш до нас не дошло, но представить его себе можно без труда. Оно должно быть похоже на то, что мы читаем в дипломатической переписке предыдущего тысячелетия: в письмах разрешали мелкие конфликты, иногда обращались с просьбами, сопровождая их дарами, а чаще всего обменивались любезностями, похвалами и заверениями в преданности. Азиатским державам не о чем было спорить с Вавилонией, и на протяжении всего царствования Навуходоносора они без труда поддерживали с ней благожелательный нейтралитет.

Пристально следили вавилоняне только за «Благодатным полумесяцем». Страна эта состояла из двух частей: восточной — долины среднего и нижнего течения Тигра и Евфрата (того, что мы, собственно, и называем Вавилонией) и западной — территории примерно от Хабурра до Средиземного моря и западной окраины Синайского полуострова. В VI веке они являлись его абсолютно неоспоримыми владыками, как столетием ранее ассирийцы. Оспаривать их владычество никто не смел. Но и у Навуходоносора никогда не было планов экспансии за эти пределы — например проникновения в Нильскую долину. Эти намерения, которые веком ранее были не чужды ассирийским правителям, в его систему приоритетов не вписывались. По крайней мере именно об этом постоянно свидетельствует его поведение. Зато свою власть над империей он отстаивал с величайшей энергией. Все его войны имели целью только сохранение ее целостности. Итак, до 587 года Навуходоносор, сперва как помощник отца, потом в качестве полновластного государя все свои силы отдавал тому, чтобы удерживать империю в своих руках.

ОТВОЕВАННАЯ ИМПЕРИЯ

Набопаласар царствовал 21 год, преследуя ясную и неизменную политическую цель: вернуть независимость Вавилонии, уже больше столетия то непосредственно входившей в состав Ассирийской империи, то находившейся под ее контролем. Он думал, что цели этой можно достичь лишь не-

утомимой прямолинейной, последовательной деятельностью, направленной на уничтожение прежнего владычества. Поэтому он воспользовался нападением мидян на северную часть «Благодатного полумесяца» и заключил с ними союз. Собственно, он поступал, пользуясь обстоятельствами, сложившимися без его участия. Однако таким образом он порывал с традиционными отношениями своей страны с северными соседями, сложившимися во II тысячелетии, когда Ассирии и Вавилонии пришлось поделить долину Междуречья. Кажется, он прекрасно сознавал, что делает, и хвалился подвигами, в которых «превзошел царей, отцов своих».

До тех пор пограничные конфликты между двумя державами были непрерывными, столетиями занимая военных и дипломатов. Как правило, Вавилония лишь сдерживала и отбрасывала ассирийцев. Те же, напротив, в I тысячелетии испытывали к соседям интерес, смешанный с агрессией. Их культура, начиная с языка, была в огромной мере импортирована из Вавилонии. Ассирийское наречие предназначалось только для повседневной жизни и документов внутреннего пользования; ассирийские интеллектуалы пользовались южным наречием, и, в частности, именно на нем составлялись надписи от имени ассирийских царей. Литературное и религиозное творчество Вавилонии на севере особенно ценилось. Вот почему ассирийцам было действительно непросто решиться напасть на территорию, постоянно служившую им поставщиком эстетического и интеллектуального продукта. С другой стороны, чтобы наносить действительно необходимые удары на севере и востоке, ассирийцы должны были устранить угрозу на юге: только так они могли контролировать западную часть «Благодатного полумесяца», не опасаясь нападения с тыла. Стратегический расклад ни для кого не был секретом, но какими мерами можно было обеспечить безопасность Ассирии до болот Персидского залива? В зависимости от характера царствования, смотря по соотношению проавилонских и антиавилонских сил влияния, ассирийцы в VIII—VII веках прибегали к различным решениям: устанавливали личную унию (их царь правил в обоих государствах), сажали на вавилонский престол ассирийского принца крови, посылали явно послушного северной столице губернатора. Таким образом, в зависимости от колебаний политики Вавилонии то прижимали, то ласкали. Но ни одно из этих решений не дало нужного результата.

Набопаласар решил дело, просто уничтожив соперника. Само собой, этого желали мидяне. Ассирийцы, верные сво-

ей доктрине, начали превентивную войну на Иранском нагорье с целью ослабить и рассеять их. Эта агрессивная политика провалилась; но для мидян оставить на своих западном и южном флангах такое грозное враждебное государство, как Ассирия, было бы крайне неосторожно.

Труднее понять решение Набопаласара. Но был ли у него выбор? Его союзники были достаточно сильны, чтобы не советоваться с ним. Насколько мы знаем теперь, он усвоил их образ действий: ведение войны на уничтожение. Тут не всё можно объяснить желанием отомстить. Такую жесткость ему, несомненно, внушила военная и политическая целесообразность. Политическая ситуация на вавилонской равнине была для него не слишком благоприятной: даже когда ассирийцы покинули ее (это случилось летом 620 года), города его царства подчинились ему без особой охоты; в частности, его не признали Ур и Ниппур. Царь мог опасаться, что впоследствии окажется между двумя врагами, находившимися на юге и на севере от Вавилона. После победы он сначала оправдывал свои действия как оборонительные: «Ассирийцу, что с давних времен правил всеми народами и угнетал народы под тяжким игом своим, я затворил Аккад и свергнул иго его». Впоследствии он уже провозглашал уничтожение врага: «Я победил Субарум, обратил страну его в холмы и развалины». За простыми выражениями кроется тонкий смысл. Набопаласар использует те же формулы, которые применяли ассирийские цари, откровенно повествуя о своих победах и завоеваниях. Читателю древности бросалась в глаза издевка, кроющаяся в этих фразах. В более ранней из приведенных надписей противник называется открыто, зато употребление слова «Аккад» было в то время неоднозначно. Этот географический и политический термин иногда обозначал только север Вавилонии; применяя его, Набопаласар по умолчанию признавал, что юг ему не повинуется. Однако довольно часто под Аккадом понимали и всё Нижнее Междуречье — в противоположность иностранным государствам. Современники могли трактовать это выражение двояко, чего и хотел автор. Во втором тексте писец если не по прямому указанию царя, то с его благоволения вместо слова «Ассирия» употребил его «книжный» синоним — «Субарум». Слово это в разные времена применялось к разным местностям; страну с таким названием помещали то на севере, то на северо-востоке. Составитель надписи, конечно, не желал скрыть имя побежденного врага как недостойное: в действительности он таким образом отсылал к Хаммурапи. Отсылка была не прямая, но от образованных людей того времени

она укрыться не могла. Вавилонский государь XVIII века хвалился тем, что взял под контроль страну, которую он называл «субарейской» (читай: ассирийской) и впоследствии восстановил ее храмы. Одним словом, если верить ему, он был завоевателем, но завоевателем-благодетелем. Через этот прозрачный намек Набопаласар являл себя преемником Хаммурапи. В этой роли он, конечно, был не слишком убедителен; своим текстом он желал смягчить впечатление от суровой реальности — безвозвратного разрушения Ассирии.

А ведь оно перечеркнуло многовековой обычай «Благодатного полумесяца». Внутри этого пространства побежденные державы подвергались унижению, иногда — систематическому разграблению. Победитель увозил всё, что считал для себя полезным или желанным, однако от решительного разорения страны воздерживался. Но мидяне поступили с Ассирией радикально. Это объяснимо — они не принадлежали к цивилизации Междуречья; но вместе с ними так же повели себя и их союзники-вавилоняне. Разрушению даже не предшествовали тотальный вывоз ценностей и переселение народа. В Ниневии, ассирийской столице, библиотека, собранная царем Ашшурбанипалом, была брошена среди развалин, роскошная мебель слоновой кости разбита; даже статуи богов, которые обычно забирались победителями как военнопленные, погибли под обломками своих святилищ. (В этом отношении Навуходоносор не во всём следовал отцу, а вернулся к образу действий ассирийских и вавилонских царей прежнего времени.) Впрочем, жестокость Набопаласара избавила его преемника от постоянной угрозы на северной границе; однако еще предстоит оценить значение культурного урона, вызванного падением Ассирии. Сожалеть тут надо даже не о продуктах умственного творчества, не о материальных ценностях, накопленных в Ассирии за два с половиной столетия владычества на Ближнем Востоке. Более серьезные последствия имел обрыв «державной» религиозной и политической традиции: именно такой идеологии и не хватало Навуходоносору, чтобы руководствоваться ею в своих действиях. Когда же через несколько лет после его смерти, при четвертом его наследнике Набониде, вавилоняне попытались вновь обрести ее, ход событий показал, что было уже поздно.

Завоевание вавилонянами империи вплоть до взятия Иерусалима в 587 году известно нам по подробным и хорошо осведомленным источникам на вавилонском, еврейском и греческом языках. По-гречески Иосиф Флавий в I веке нашей эры написал трактаты «Против Апиона» и «Иудей-

ские древности». В обоих сочинениях повествование о победах Навуходоносора во многом восходит к Библии, но их автор дает и некоторые другие важные сведения. Книги самой Библии (Четвертая Царств, параллельная ей Вторая Паралипоменон, пророков Иеремии и, в меньшей степени, Исаяи) все внимание, естественно, обращают на судьбу Иудейского царства; несмотря на такой ограниченный взгляд, данные этих книг неоценимы, ибо уникальны; о других же городах империи мы не знаем ничего, кроме точки зрения владык-вавилонян.

Наконец, по-вавилонски ход событий изложен в Вавилонской хронике*. Она начинается со второй половины VIII века и доведена до III века. Хроника записана на многих табличках, пострадавших при перевозке, из-за чего в их ряду есть досадные пропуски. Вероятно (судя хотя бы по месту находок), она хранилась в самом Вавилоне. Первая часть повествования доходит до 539 года — взятия Вавилона персами. События записаны погодно — в этом смысле хроника явно следует образцу «царских летописей». До середины II тысячелетия каждый год в них обозначался каким-либо выдающимся событием, совершившимся в году предыдущем (военной победой, строительством храма, завершением прокладки канала). У этих документов была практическая цель: служить ориентирами во времени для исполнения исков по займам. Естественно, своего царя администрация выставляла только в выгодном свете. В хронике это вовсе не так. Ее тон кажется на удивление современным. Правда, она фиксирует события, относящиеся только к Вавилонии, более того — только к вавилонскому царю; об остальном мире, если действия царя с ним не были связаны, мы не узнаем из нее ничего. Но историки нашего времени не могли не оценить полноты и объективности сообщаемой информации; в этом отношении хроника резко отличается от современных ей документов. Царские надписи (это относится ко всем, в том числе, конечно, и к надписям Навуходоносора), безусловно, не допускали прямой лжи, но пользовались лукавыми умолчаниями: о поражениях и даже разгромах, если они не имели особо тяжелых последствий, не сообщалось. Здесь же составитель, в частности, упоминает о битве между Навуходоносором и фараоном, не скрывая, что она оказалась кровавой, а исход ее неопределенным. До сих пор никто еще не установил, какая группа писцов могла собрать и записать историю

---

* Она еще называется Хроникой Уайзмана по имени открывшего и переведшего ее британского ученого.

своей страны, но столь упорное продолжение замысла (на протяжении более четырехсот лет!) и такая раскованность при его исполнении вызывают восхищение.

Навуходоносор впервые появляется как действующее лицо Вавилонской хроники на девятнадцатом году правления своего отца, в 607 году; именно тогда он начал исполнять обязанности, связанные с титулом наследного принца. К тому времени международное положение уже почти десять лет было крайне смутным. В 615 году Набопаласар после битвы на вавилонской территории попытался напасть на Ассирию, но потерпел неудачу под городом Ашшур, и ему пришлось оставить поле действий мидянам. Те стали брать крупнейшие ассирийские города с востока на запад: в том же году — Аррафу, в следующем — Тарбишу и Ашшур. В 612 году вавилоняне присоединились к победителям. Ниневия пала после двухмесячной осады. В 610 году Набопаласар завершил завоевание территории, но ассирийская армия собралась на западе под предводительством нового царя, оказавшегося последним. Египтяне пришли ему на помощь, но цели их участия в войне нам сейчас неясны. С ассирийцами они всегда были в явной или скрытой вражде, так что ослабление соперника могло их только радовать. Может быть, они боялись, что на смену Ассирийской державе придет Вавилонская? Как показало ближайшее будущее, для таких опасений были основания; но нельзя удержаться от мысли, что осуществлять поход с таким удалением от своих баз было по меньшей мере неосторожно. Выжидательная политика со стороны фараона больше соответствовала бы обстоятельствам.

В 609 году последним актом войны стала битва за Харран. Мидяне и вавилоняне взяли это убежище ассирийцев. Те вместе с египтянами осадили город, но серьезных успехов это им не принесло — напротив, они были наголову разбиты и навсегда исчезли из истории. Мидяне оккупировали окрестности Харрана, а сам город разрушили до основания. Для них важно было удержать эти области: это давало возможность контролировать пространство между долинами Тигра и Хабура, а также среднее течение Евфрата.

Вавилоняне в то же самое время укрепили свой правый фланг операциями против горцев Верхней Месопотамии, проводя политику «выжженной земли» до самого центра Анатолийского плоскогорья. В 608 и 607 годах Набопаласар с сыном Навуходоносором, возглавлявшие войска, принимали предупредительные меры против вторжения на опустевшее пространство, прежде занятое Ассирией, горных на-

родов — «дотла», как говорит хроника, разграбили и опустошили их земли.

С сентября 607-го по сентябрь 606 года Набопаласар стремился взять Кархемиш, до тех пор остававшийся в руках египетских войск фараона Нехо II, который, несмотря на разгром его ассирийских союзников, не повернул домой. Вавилонскому царю надо было удержать оба берега Евфрата, а затем идти на город; этим движением он угрожал и коммуникациям египтян на широте Халеба. Кархемиш был ключевым пунктом: он контролировал дорогу с азиатских гор в долину, а главное — там был последний брод; ниже по течению приходилось с повозками, утварью и животными перебираться через реку на келеках. Эти круглые грузовые лодки, сделанные из тростника и кожи, были очень плохо управляемы; люди же плыли поодиночке на надутых мехах, подталкивая барки. Переправа даже в мирное время была неудобна, а если на западном берегу находился враг, становилась очень опасной.

Вавилоняне даже не пытались форсировать реку у самого Кархемиша. Сначала они решили обойти город с севера, овладев городом Кимуху (видимо, нынешний Самсат); он был также расположен на азиатском Евфрате, примерно в 70 километрах к северо-востоку. Но после четырехмесячной осады египтяне вновь взяли его.

После этого вавилонские войска направили удар на 140 километров южнее: там река была уже очень широка, но зато они находились гораздо ближе к своим базам. Им удалось утвердиться на западной стороне; однако египтяне, спустившись из Кархемиша по восточному берегу, «отбросили» вавилонян и «следовали за ними по пятам». Лаконичный рассказ Вавилонской хроники позволяет предположить, что у Набопаласара уже не было прежней энергии (или прежней удачи). Дальше хроника с предельной простотой сообщает: Навуходоносор «собрал вавилонское войско, и стал во главе его, и пошел на Кархемиш, который на берегу Евфрата, и перешел реку [чтобы напасть на египтян], стоявших в Кархемише <...>. Они дали сражение, и египетское войско пало перед ним; он [победил] его и уничтожил. Вавилонское войско догнало остатки египетского войска, спасшиеся [от разгрома], которые оружие его не смогло победить в округе Хамат, и так их [разбило], что ни один человек не [вернулся] в страну свою». Несмотря на лакуны, смысл рассказа совершенно ясен. О разгроме египтян вавилонянами в Кархемише свидетельствует один маленький (и не вполне достоверный) факт: некий греческий наемник,

состоявший на службе у фараона, при поспешном бегстве из города бросил щит.

Действительно, побежденным ничего не оставалось, как только отступить в Хаматскую долину, чтобы попытаться оттуда вернуться в Египет. Последний акт борьбы происходил в чистом поле. К несчастью для отступавших, дорога к югу была очень неудобна для бегства. Воин в латах и шлеме, окруженный товарищами, был неуязвим для атак неприятеля, если твердо стоял лицом к лицу с ним. Даже при поражении, если отход совершался в порядке, потери оставались небольшими. Тогда еще не существовало метательных орудий вроде позднейших онагров, способных поражать ряды противника издалека. Но стоило разорвать строй и рассеять воинов, чтобы каждый из них остался один в беспорядочном бегстве, как в преследование бросались колесницы: малоэффективные против сомкнутых рядов; они без всякой опасности для себя поражали отступавших ударами в спину. Этим и объясняется полное избиение египтян. У них не было командира, который объединил бы их (фараон, вероятно, не присутствовал на поле сражения — иначе бы вавилонский источник на это указал). Они рассеялись на большом ровном пространстве без преград и лесов, с запада запертым горами, с востока — ограниченном горами и пустыней: это было идеальное место для маневра колесниц. На южном направлении порог перед Дамасским оазисом преодолевался тоже не без труда, но идти следовало именно через него; дальше в Египет было две дороги: одна — на запад, к финикийским портам, откуда можно было отплыть в дельту Нила, другая вела на юг, к нильской долине, через прибрежную низменность. Стратегия Египта была явно беспечной; по всей видимости, все предосторожности были принесены в жертву тому, чтобы как можно быстрее попасть в Верхнюю Сирию; пути сообщения остались без прикрытия с тыла; фараон обеспечил себе лишь контроль за Иудейским царством.

Судя по отклику пророка Иеремии, этот разгром получил заметный резонанс по всему региону. Иеремия признал его значение и перспективы: перед наследным принцем теперь остался открытым весь Левант до Синая.

Наследник расположился в Рибле (как в свое время и фараон Нехо по прибытии из Египта). Тот, кто желал контролировать выход к Средиземному морю, не мог не выбрать этот поселок в Хаматской долине. Говоря военным языком, это был главный узел дорожной сети; он был расположен неподалеку от нынешнего «Хаматского прохода», через ко-

торый можно попасть к морю из внутренней Сирии. Места для дислокации войск там хватало, река Оронт давала воду, а окрестность изобиловала продовольствием. Кроме того, это место обладало с политической точки зрения тем преимуществом, что давало возможность утвердиться, не вызывая недовольства правителя Хамата. Хотя он с тех пор фактически оказался в подчинении у Набопаласара, но обязанность кормить воинов могла ему не понравиться. Маленькая же Рибла не имела собственного царя, потому она и сохранила свою военную роль до самого конца Вавилонского царства в 539 году.

Именно там Навуходоносор узнал, что его отец умер от болезни в Вавилоне 8-го числа месяца ава на двадцать первом году царствования (15 августа 605 года по нашему календарю). Наследник оставил основную часть войска в Сирии, а сам с небольшой охраной немедленно отправился в путь и 7 сентября «воссел на престол царей», как гласит традиционная вавилонская формула. С учетом времени, за которое до Навуходоносора могла дойти весть о кончине отца, и предполагая, что отправился он в столицу обычным путем, он покрыл расстояние около тысячи километров меньше чем за 20 дней. Таким образом, его дневной переход равнялся 60 километрам — это вдвое больше обычного перехода войска в походе.

В этот момент он имел власть над своим царством от Тавра до Дамасского оазиса. Оставалось утвердить ее на юге до Синая. Вавилонская хроника год за годом одними и теми же словами регистрирует политику нового царя: «отправиться и явиться во славе своей» в Сирию, продемонстрировав там свою силу, чтобы не иметь нужды ею пользоваться. Интересно, что сам Навуходоносор в своих официальных надписях нигде не употреблял это выражение. Составитель хроники явно позаимствовал его у ассирийских монархов VII века; он вполне сознавал (и желал разделить эту мысль с читателем), что великое ассирийское царство было восстановлено. Употребление этой формулы прослеживается до одиннадцатого года царствования Навуходоносора; далее текст совершенно разбит и обрывается.

Для народов, населявших юг азиатского побережья Средиземного моря, Палестину, близость Египта могла казаться защитой от вавилонян. Аскалон был самым южным городом империи; он находился всего в каких-нибудь 20 километрах от Газы — единственного укрепления в Азии, которое еще сохраняли за собой египтяне. Покорность Вавилону выражалась в ежегодной уплате дани. Аскалон же платит отка-

зался. Навуходоносор не мог допустить, чтобы этот пограничный город стал отправной точкой нового контрнаступления; он имел большое военное значение, а его порт был хорошо защищен с суши полукруглой стеной. Царь пошел на Аскалон. Вся округа была охвачена ужасом. Иудеи затворились в Иерусалиме, царь Иоаким для отвращения беды велел народу поститься. Его царство, исполнившее свои обязательства перед Вавилоном, было оставлено в покое.

Один из местных князей, некто Адон (каким городом он правил, мы не знаем), предупредил «владыку царей фараона» о появлении «царя Вавилона» и о его энергичных действиях, направленных на овладение этой территорией. Но всё было напрасно. В конце 604 года Навуходоносор «взял Аскалон, пленил его царя, разграбил и взял из него добычу, а затем обратился в груды развалин», гласит текст хроники. Но семь лет спустя сообщается, что царь этого города явился к вавилонскому двору. Стало быть, Аскалон уже был отстроен вновь. Такая относительная мягкость политики Навуходоносора вполне объяснима: теперь, когда он восстановил свое владычество, ему надо было прикрыть южную границу империи, а в этой оборонительной линии Аскалон играл ключевую роль. Тогда же Иудея получила дозволение отстроить заново крепость Арад: теперь она могла противостоять египтянам на востоке, в пустыне Негеб. По той же логике в следующем году вавилоняне в качестве меры предосторожности отправили на запад «очень большие осадные башни».

В 603 году вавилонянам казалось, что на подвластных территориях от Загроса и Тавра до Синая им нечего опасаться. Но они не приняли во внимание, что Египет с течением времени оправился от разгрома при Кархемише. Вавилонская стратегия требовала предупреждать нападение, явившись перед врагом. Не дать ему войти в Азию было выгодно со всех точек зрения: оставалась неприкосновенной контролируемая Вавилоном территория; поражение египтян после проникновения врагов в сам Египет становилось бы еще более тяжким; наконец, при этом у всех азиатских князей пропадала охота присоединиться к Египту, поскольку без явного риска они этого сделать не могли. Но столкновения зимой 602 года были кровавыми и не дали результата. Вавилоняне отступили; египтяне, видимо, не могли их преследовать. Стороны вернулись к *status quo ante**.

Целый год Навуходоносор занимался наведением порядка в своей армии. Его отсутствие в столице сочли за при-

---

* Прeжнему положению (лат.).

знак слабости. Египет осторожно воспользовался этим, вновь заняв Газу; но для Вавилона пограничным городом считался Аскалон, так что этот акт не имел последствий. Зато теперь Иудея официально порвала с империей, отказавшись платить дань. Вавилоняне принялись последовательно возвращать утраченное. В ноябре—декабре 599 года Навуходоносор повел на юго-востоке наступление на кедарских арабов. Лет за сорок до этого они были союзниками вавилонян против Ассирии, затем в смутах конца VII века держались в стороне. Однако нейтралитет им не помог. Вавилоняне «пошли в пустыню и захватили множество арабов, и добра их, и скота их, и богов их». Военной и политической целью экспедиции было надолго разорить этот район, согласно классическому образу действий, веками применявшемуся Ассирией и явно унаследованному от нее. Подобный грабеж не мог принести славы царю, и потому личного участия в походе Навуходоносор не принимал. Кроме выполнения указанной цели, операция послужила сигналом для царств, граничивших с Иудеей с востока: теперь моавитяне, аммонитяне и эдомитяне могли напасть на нее, ибо на собственных восточных границах больше не опасались появления арабов. Таким образом, вавилонский царь косвенно угрожал своему иудейскому недругу.

На следующий год Навуходоносор отправился под Иерусалим. Этот конфликт документирован на редкость обильно. Мы имеем источники, исходящие от обоих противников: хронику с вавилонской стороны, Четвертую книгу Царств — с иудейской. Библейский текст похож на вавилонский своим объективным тоном: рассказ всегда сохраняет дистанцию по отношению к событиям. Кроме того, интереснейшее свидетельство об этих годах и жестоких спорах, волновавших тогда Иерусалим, оставил пророк Иеремия. Наконец, в городе Араде был найден комплекс черепков с надписями. Осколки глиняной посуды были на всем Ближнем Востоке самым обычным материалом для письма: их употребляли для маловажных документов, не заслуживавших таких дорогих средств, как папирус или кожа. Эти письма, в точности современные событиям, освещают положение в пустыне Неgeb* в начале 597 года.

---

* Неgeb, Негев («вытертый», «сухой», *ивр.*) — пустыня площадью 12 500 км², занимающая более половины территории современного Израиля; представляет собой плато, расположенное на высоте 600—800 м над уровнем моря. Ограничивается Средиземным морем и Синайской пустыней на западе, горами Моав и Иудейской пустыней на севере, долиной Арава на востоке, Эйлатским заливом на юге. (*Прим. ред.*)

Иудея тогда находилась в очень незавидном положении. Моавитяне, аммонитяне и эдомитяне напали на нее с востока. Эдомитяне лишили ее даже возможности использовать источники пополнения продовольствия и воинские резервы, разрушив Арад и заняв его окрестности, а ведь именно в это время силы защитников его крепости — местных воинов и греческих наемников — пригодились бы, чтобы сражаться на севере царства. Египет не собирался вступать в войну. Как раз в этот момент инициатор политики войны, царь Иоаким, умер, оставив власть своему сыну Иехонии.

Через три месяца после его вступления на царство вавилоняне взяли Хазор, тем самым открыв себе дорогу на юг. Навуходоносор «стал лагерем против города иудейского, и взял город, и царя пленил 2-го числа аддара; он поставил там царя по избранию своему и взял много добычи, и отправил ее в Вавилон». По нашему календарю это было 16 марта 597 года. О том же повествует и 24-я глава Четвертой книги Царств. Правда, согласно ей Навуходоносор прибыл в войско, когда оно уже осаждало Иерусалим. Вавилонская хроника об этом умалчивает: ее составитель или не знал об этом факте, или счел его маловажным. Библейский текст отталкивается на том, как молодой иудейский царь (ему тогда было 18 лет) сдался в плен вместе со всей семьей, военными и гражданскими чинами. Он, вне всякого сомнения, знал, что такой образ действий обеспечит прощение «царя Вавилонского», сохранит жизнь ему и всем остальным. Далее подробно перечисляется, какая добыча была увезена и сколько народа переселено в Вавилон. Наконец, в заключение 24-й главы есть краткое упоминание о человеке, которому было поручено управление Иудеей; в нем названо его имя — Седекия; между тем вавилонский составитель хроники не счел нужным сообщать об этом — такие подробности его явно не интересовали.

После взятия Иерусалима вавилоняне с полным основанием сочли, что по всей империи установился мир, причем самой малой ценой в прямом и переносном смысле слова. Политика устрашения достигла результатов (ведь правитель Вавилона прекрасно отдавал себе отчет в целях кампании). Вавилонская хроника датирует сдачу Иерусалима с точностью до дня, а такая скрупулезность в ней встречается редко. Возникшее у вавилонян чувство удовлетворения не было обманчивым — они анализировали обстановку достаточно верно. Среди самих иудеев у них существовали объективные союзники. Книга Иеремии показывает, насколько влиятельной в Иудее была партия (ее участников можно назвать «прагма-

тиками» или «реалистами»), боровшаяся со сторонниками войны: по мнению ее приверженцев, у маленького царства не было военных сил противостоять Навуходоносору. После разгрома под Кархемишем египетская политика в Азии стала очень робкой; рассчитывать на вмешательство фараона было иллюзией и даже безумием, ведь поддержка со стороны Египта всегда была меркантильной и ненадежной.

На последующие годы нашим источником остается Вавилонская хроника, к сожалению, не лишенная лакун. Насколько можно предположить, Навуходоносор продолжал торжественные выезды на запад — по крайней мере в Кархемиш. Но в 596/595 году впервые за время его царствования угроза пришла с востока. Царь Вавилонский стал лагерем на Тигре, и его решительность сразу посеяла панику в рядах противника: неприятель («царь Элама») вернулся домой; правда, трещины на глине скрыли название города, где произошло столкновение. Эпизод пока что сложен для толкования: долину Суз (Элам, как ее испокон веков называли) мидяне оставили Набопаласару, сохранив за собой лишь высоты на севере и востоке. Может быть, «царем Элама» составитель Вавилонской хроники называл некоего военачальника, который воспользовался отсутствием вавилонян, занятых войной на западе. Этот неизвестный деятель, могло статься, захватил ненадолго власть в одной из горных долин Загроса, между владениями мидян и Навуходоносора, пользуясь поначалу ее малозначительностью. В 49-й главе книги Иеремии предрекается гибель Элама «в начале царства Седекии». Идет ли речь о том же самом событии? В этом случае мотив истребления эламитов обнаруживается сразу в двух источниках. Если так, то побежденные не только покинули долину, но и были разбиты в собственной горной стране. Поскольку Вавилонская хроника об этом умалчивает, завоевание Элама совершили, бесспорно, не вавилоняне, а мидяне: только они могли вторгнуться в эту область. Как бы то ни было, отныне долина низовий Тигра и Евфрата была в безопасности.

На десятом году царствования Навуходоносора (595/594) в самой Вавилонии разразился короткий (он продолжался с декабря приблизительно по январь), но сильный кризис. Навуходоносор разрешил его с видимой легкостью. Тем не менее эти события имели последствия для Леванта. По каким-то причинам вавилоняне в это время уже не надзирали над ним так пристально. Навуходоносор понял, что оставление присоединенных территорий без наблюдения грозит империи опасностью, и его визиты на запад возобновились.

Не имея достаточно сведений о намерениях Навуходоносора или решившись не считаться с ними, Седекия и его партия вернулись к политике Иоакима. Из источников, современных событиям, у нас есть только Библия; во всяком случае, в ней не приходится сомневаться, факты изложены верно. Хотя книга Царств являет собой повествование в отстраненном тоне, а книга Иеремии — свидетельство заинтересованного участника событий, они друг друга поверяют и подтверждают.

В 594/593 году, на четвертом году правления Седекии, в Иерусалим явились послы из Эдома, Моава, Аммона, Тира и Сидона. Речь пошла о создании коалиции против Вавилона. Об этом мы знаем от Иеремии. Он показал, насколько безнадежно было это предприятие. Сам список предполагаемых союзников прямо указывает на его пределы, и пределы эти позволяют предвидеть крах. Прежде всего Иудее не хватало поддержки крупных государств «Благодатного полумесяца»: Дамаска, Хамата, Халеба или Кархемиша. Войск же, которые могли ввести в дело новоявленные союзники, было недостаточно, чтобы сдерживать вавилонские полчища; по крайней мере по всему можно было полагать именно так.

Как можно догадаться, царь Вавилона явился отвоевывать свои земли. У Тира и Сидона имелся флот, но не было настоящих сухопутных войск. Поэтому второй город пал, вероятно, в 588 году. Тир продолжал обороняться. В лучшем случае он мог сдерживать какую-то часть вавилонской армии, но не серьезно беспокоить ее. Остальные государства, возможно, на деле и не боролись вместе с Иудеей против Навуходоносора. Не прошло и десяти лет с тех пор, как Иудея подверглась нападению моавитян, а эдомитяне заняли Негеб. Цели войны у мнимых союзников были в своей основе несовместимы.

Военные и политические маневры перед самым вторжением вавилонян нам хорошо известны по текстам на черепках, обнаруженным в Лахише. Эти свидетельства чрезвычайно важны. Конечно, этот город вследствие своего географического положения не играл большой роли в конфликте: он находился в 50 километрах юго-западнее Иерусалима, а его гарнизон не имел возможности контратаковать противника, в случае если тот поведет свои войска от столицы. Но он мог прикрыть войско, пришедшее для отражения вавилонской угрозы из Египта. Седекия ходатайствовал об этом, прося Египет послать «коней и много людей», как говорит современник этих событий Иезекииль. Однако на этот счет не только Иеремия и другие жители Иерусалима, но, кажется,

и военные, стоявшие в Лахише, не имели иллюзий. Город (и, как можно предположить, остальные военные аванпосты) готовился к войне.

В 588 году Египет ограничился походом, оказавшимся всего лишь военной демонстрацией. Иеремия проницательно предсказывал такой ход событий: египтяне уже не желали тратить усилия, чтобы удержать Ближний Восток. Иосиф Флавий говорит, что их войско было достаточно большим. Это вполне может соответствовать действительности, и противоречия тут нет: фараон желал показать Навуходоносору свои военные возможности, но в то же время уклонялся от столкновения в Азии; одним словом, он давал понять, что даст битву лишь в случае нападения на его страну. Вавилоняне так и расценили эту демонстрацию силы. Почувствовав угрозу сражения, они сняли осаду с Иерусалима, а когда опасность миновала, возобновили ее. В бой они не вступали: им оставалось лишь дожидаться, когда союзники, на которых уповали иудеи, покажут, что не собираются идти дальше.

В марте 588 года Навуходоносор лично поставил войска в осаду вокруг Иерусалима, после чего отбыл в Риблу. Осадные действия велись по правилам, заведенным ассирийцами и унаследованным вавилонянами. Войска обступили весь город. (Но позднее Седекия и все «военные» смогли пройти сквозь неприятельские позиции — значит, они охранялись лишь редкими постами). Затем саперы Навуходоносора возвели насыпь на откосе: так осадные машины получали возможность разрушать стены при приступе. После этого вавилоняне сочли, что блокада подточит силы сопротивлявшихся иерусалимцев и осажденные будут страдать прежде всего от голода. На девятый день четвертого месяца одиннадцатого года царствования Седекии они перешли в атаку и проделали тараном пролом в стене. Перевести эту дату на наш календарь затруднительно. Возможно, она соответствует 18 июля 587 года, но некоторые историки относят ее на целый год позже.

Ассирийские летописи предшествующих веков всегда клеймили позором бегство побежденного врага: его царь, желавший избежать полного разгрома, тем самым демонстрировал свою личную трусость и безответственность перед подданными, которых увлек за собой на мятеж. Вавилонские писцы этого мотива не переняли, и в VI веке он вышел из употребления. Как ни странно, 25-я глава Четвертой книги Царств повествует о бегстве Седекии на ассирийский манер. Согласно этому рассказу, царь Иудейский тайно покинул столицу и бежал в сторону Иерихона, но был схвачен и

пленен врагами в чистом поле. Библейское повествование сообщает и о еще более прискорбном обстоятельстве — панике среди войска, которое сначала последовало за царем, но затем разбежалось, бросив его.

После шестнадцатимесячной осады вавилоняне овладели Иерусалимом. Навуходоносор велел своим военачальникам, в числе которых был его зять Нериглиссар, по всем правилам наказать бунтовщиков и страну, поддержавшую их.

Царем Египта в 588 году стал Хофра*. Его предшественники наладили с финикийцами плодотворное для обеих сторон сотрудничество. Новый фараон с самого начала царствования отбросил эту политику: взял Газу и напал на Тир и Сидон с моря; иначе он поступить не мог, поскольку сухопутную дорогу ему закрывали вавилонские войска. Тем самым царь служил интересам греков: они давали Египту флот и сами нуждались в его поддержке, поскольку их купцы уже больше двух столетий соперничали с финикийскими по всему Средиземноморью.

В морском сражении Тир победил Египет. В данную минуту поражение египтян было на руку Вавилону, однако не избавляло его от потенциальной двойной опасности: и Египет сохранял полную возможность выиграть войну, и сами тиряне могли в будущем изменить политику. Был риск, что они возобновят союз с бывшим врагом и увлекут за собой другие финикийские города. Тогда Навуходоносор утратил бы контроль над всем побережьем до нынешнего залива Искендерун. Этим объясняется блокада Тира. Об этой осаде мы сейчас не знаем практически ничего. Между тем она продолжалась 13 лет, с 585 по 572 год. У финикийцев были обширные архивы с подробными записями, но они почти полностью утрачены. Немногие сохранившиеся извлечения из них касаются лишь внутривнутриполитических обстоятельств и нисколько не проясняют внешней обстановки. В то время Тир был островом — с материком его соединили только в IV веке. Весь город по периметру был защищен стеной. Морской пролив шириной 600—700 метров не давал возможности подвести к ней осадные машины. Две закрытые гавани, на севере и на юге, позволяли прятать торговые и военные суда от врага и непогоды. Правда, в мирное время тиряне возили воду с материка; отрезав их от него, можно было серьезно осложнить жизнь в городе. Но жители научились справляться с этими трудностями. Ведь у них уже был

---

* Хофра (*Уах-аб-Ра, Априя*) — сын Псамметиха II, четвертый фараон XXVI династии (589—570). (*Прим. ред.*)

пятилетний опыт сопротивления ассирийцам в 725—721 годах. Были у них и колодцы, вырытые специально на случай осады; несомненно, применялись также цистерны. Поэтому Навуходоносору не оставалось ничего, кроме как расположиться на берегу, чтобы воля осажденных постепенно иссякла. Флота у вавилонян никогда не было, как раз финикийским флотом они всегда и пользовались. Согласно Иезекиилю, осада не окончилась решительной победой вавилонян. Можно думать, что они добились политической капитуляции: Тир снова стал частью империи, но ни вавилонский царь, ни его войско не получили «дохода», как выразился пророк; подразумевается, что им не позволили грабить город, так что война не окупила затрат на нее.

Теперь и сухопутные (Иерусалим, Лахиш, Газа), и морские (Тир, Сидон) дороги оказались в руках вавилонян; путь в Египет был открыт. Там вавилоняне могли вознаградить себя за 13 лет трудов и понесенные расходы. Пойдет ли Навуходоносор на Нильскую долину? Иеремия, Иезекииль, а с ними, конечно, и многие другие умные люди предполагали утвердительный ответ, проводя аналогии с политикой Ашшурбанипала в предшествующем столетии. Правда, эта политика к добру не привела: ассирийцы заняли Нижний Египет лишь на время с 671 по 653 год, встретили там много трудностей и в конце концов были оттуда навсегда изгнаны. Завоевание страны не состоялось. Вавилоняне, несомненно, помнили об этой неудаче и знали, что за первым успехом неизбежно последует реакция. Поэтому они остались в Азии, по сю сторону «реки Египетской» (ныне Вадияль-Ариш). Конечно, мир между империей и Египтом не наступил — ни формально, ни даже фактически. На тридцать седьмом году своего царствования (568/567) Навуходоносор имел сражение с фараоном Амасисом*. Об этом повествовал текст на вавилонском языке, но ныне он превратился в сильно побитый кусок глины. Насколько можно догадаться, первым напал Амасис. Для этого он нанял воинов из Ливии, греков, народов «дальних областей среди моря». Навуходоносор победил его — иначе он бы не благодарил за свою победу «Госпожу» — богиню, имя которой исчезло в лакуне. Однако мы не знаем ни того, насколько велик был его успех, ни даже места, где была одержана победа.

---

* *Амасис (Яхмос) II* (569—525) — по одной из версий, являлся выходцем из простонародья, дослужился до должности начальника отряда ливийских воинов, поддержал восстание в армии и был провозглашен его участниками фараоном, свергнув предыдущего фараона Априя. (*Прим. ред.*)

«БЛАГОДАТНЫЙ ПОЛУМЕСЯЦ» ПОД ВЛАСТЬЮ НАВУХОДОНОСОРА

Итак, вернув себе владычество над «Благодатным полу-месяцем», Навуходоносор удовлетворился такой победой; несмотря на все свои успехи, завоевывать новые земли он не собирался. Он был доволен общим положением дел в империи, которое застал, будучи наследником престола, и не помышлял о каких бы то ни было изменениях в ее состоянии, сохранявшемся со времен его предшественника. Эта принципиальная пассивность была вызвана, возможно, подобной же бездеятельностью Леванта в момент гибели Ассирии: ни один царь не выступил ни на стороне ассирийцев, ни против них. Покоренные ими народы, перейдя под власть Набопаласара и его сына, не оказывали ни малейшего сопротивления — по крайней мере насколько нам известно. Дела шли привычным порядком.

Единственным новым событием по сравнению с предыдущим веком стало присоединение к Вавилону Сузской долины. Это было радикальное разрешение ситуации, на протяжении нескольких тысячелетий порождавшей конфликты между эламитами и жителями Междуречья.

Элам — во всяком случае, в тот период, который сегодня доступен для изучения историков, — вел себя по отношению к западным соседям двусмысленно. Иначе говоря, начиная с IV тысячелетия (если не раньше) эламитами решался вопрос: была ли их цивилизация самобытной или являлась продолжением (конечно, во многих отношениях весьма своеобразным) шумерской, а с начала II тысячелетия — вавилонской? Кем они были на самом деле? До Навуходоносора они не могли дать ответа. Истоком тысячелетней неопределенности было их отношение к клинописи и двум языкам, на которых ею писали: шумерскому и аккадскому. Лингвистически эламский язык никак не был связан с языками Нижнего Междуречья, но эламитами иногда пользовались ими наряду с собственным наречием. В конце IV тысячелетия они узнали об изобретении письменности в Уруке. Как и жители Среднего Евфрата, они довольно быстро усвоили ее (вместе с шумерским языком, для которого она служила). Однако немедленного выбора в ее пользу они не сделали: урукское изобретение в Эламе конкурировало с их собственной системой письма; затем эламитами свою письменность оставили и приняли иноземную. Много примеров подобных колебаний наблюдается и в других сферах. Например, некоторые эламские цари вели себя «в западной низменности»

как на вражеской территории, а другие, занимая юг Вавилонии, делали его частью своего царства. Наконец, иные государи решались царствовать над самой Вавилонией и вели себя там так же, как ее урожденные цари.

Эти колебания курса доводили обитателей долины Двуречья до отчаяния: вавилоняне и ассирийцы не могли понять, что представляют собой их соседи. До высшей точки пароксизм дошел во время царствования Ашшурбанипала. Ассирийский царь решился уничтожить Элам и тем самым покончить с этой военно-политической проблемой. Он с удовольствием повествовал о жестоком методичном опустошении соседней страны после победы, одержанной над ней в 646 году: «Я открыл сокровищницы ее, где были груды серебра, золота и всякого имения и добра, которые собрали древние цари Элама и те, что жили уже в наше время, которыми ни один враг, кроме меня, не овладел. Я вынес их и велел сосчитать, как добычу. <...> Я разрушил ступенчатую башню в Сузах, построенную из кирпичей в синей глазури. <...> Я увез в Ассирию <...> богов и богинь с казной их, с именем их, с пожитками их, также и со жрецами их <...>. Я взял в Ассирию тридцать две статуи царские, золотые, серебряные, медные и мраморные <...>. Я повелел увезти кумиры мужеские и женские, охранявшие храмы, все, сколько было их. Я выломал туров свирепых, украшавших большие ворота. Я сравнивал с землей храмы эламские. За ничто счел я богов и богинь эламских. И в священные леса их, куда никакой чужеземец не мог входить, ниже ступать на опушку, мои воины вошли, и видели таинства их, и предали огню. Я разрушил, разорил и на свет выставил гробницы царей их, древних и новых. <...> И кости их я взял в Ассирию. Я сделал так, чтобы тени их никогда не имели покоя. Я лишил их жертв и возлияний. Я разорял области эламские один месяц и двадцать пять дней. <...> Я вычищал Элам во всю ширь его целый месяц. Я истребил в селах его речь людскую, ход скота крупного и мелкого, песнь жнеца приятную. Я населил их онаграми, и оленями, и всеми родами зверей полевых, как поле чистое».

Эту разоренную страну и получили вавилоняне в 610 году по разделу владений переставшей существовать Ассирии, мидянам же достались нагорья. Элам словно выходил из-под потопа (победители-ассирийцы любили сравнивать свои действия с этим катаклизмом). Восстановился ли он хоть немного после разгрома, устроенного Ашшурбанипалом? Возможно, какой-то местный князь и принялся за реконструкцию страны, но это достоверно не известно. Поглотить

Элам было бы не так просто, если бы на его территории существовало сильное государство, способное воспользоваться смутами конца VII века для обретения настоящей независимости. Вавилону удалось использовать эту ситуацию; он, несомненно, оказался в состоянии ассимилировать область, которая, по всей видимости, еще не могла сопротивляться. Работы, начатые Навуходоносором, насколько можно понять, свидетельствуют о том, что столица Элама — Сузы* — лежала еще в развалинах. Но прежде, как видно по сокровищницам эламских царей, страна была богата и могла разбогатеть вновь. Отныне Навуходоносор в Сузиане мог «ходить везде с помощью богов Набу и Мардука» так же спокойно, как в Вавилонии; эта формула в равной мере применялась к обеим странам — и в одной, и в другой государь ощущал себя дома.

В текстах Сузская долина упоминалась под старым именем. Но теперь она являлась не врагом и соперником Вавилонии, как бывало прежде, а ее частью. Набопаласар, а за ним Навуходоносор разрешили многовековую неопределенность в отношениях с Эламом, воспользовавшись результатами жестокости своего погибшего недруга — Ассирии. Навуходоносор и два его преемника — сын и зять — относились к Сузам как к исконному вавилонскому столичному городу; они отстроили его по тому же плану, что и древние города своего царства, а следовательно, и обходились с ним так же. Свидетельств тому, естественно, немного, и сохранились они плохо: вавилоняне в VI веке оставили мало следов в жизни Элама. Но хотя документы и малочисленны, они всё же позволяют представить в общих чертах, какова была вавилонская реконструкция.

Надо сказать, что Навуходоносор продолжил начатое отцом. В первые годы царствования Набопаласар вернул в Сузы «статуи, которые ассирийцы перевезли в Урук и поставили там». Из Урука же он отправил в столицу Элама и ритуальные таблички. Они тщательно хранились; позднее, в начале III века, некий священнослужитель переписал их. Царь начал восстанавливать город или по крайней мере имел такое намерение — иначе зачем были бы нужны эти документы? Его семья была тесно связана с Уруком. Возможно, возврат статуй местных божеств и возобновление отправления культа в Сузиане послужили Набопаласару поводом для того, чтобы справить религиозные торжества в дорогом для него городе.

---

* Шуш (элам.).

Навуходоносор сначала также хотел восстановить старые постройки. Он велел починить или заново отстроить «дворец» в Сузах. Это слово обозначало не только царское жилище, но и вообще всякое официальное здание. Там располагалась вавилонская администрация; но это не означает, что и Навуходоносор когда-либо там побывал. Царь вавилонский в жизни не был в Сузах — по крайней мере об этом не упоминает ни один источник. Во дворце (или в восстановленном храме) он приказал поставить семь глиняных цилиндров (сохранившихся поныне) с рассказом о восстановлении «Дома — основания неба и земли» — ступенчатой башни в Вавилоне. Послав их в Сузы, он тем самым со времени своего вступления на престол признавал, что столица Элама в некотором роде равна вавилонской.

На кирпичах, используемых при строительстве, писался царский титул Навуходоносора. Некоторые из них клеймились; клейма, ставившиеся на глине до обжига, могли изготавливаться как в Сузах, так и в других местах. Но ясно, что каменная глыба, обнаруженная при раскопках Суз, была вытесана именно там; характерно, что клинопись на ней неумелая — видно, что мастеру она была явно непривычна. Надпись на глыбе, как и на кирпичах, вавилонская. Местный, эламский язык сохранялся в обиходе, однако употребление вавилонского языка для надписей на строительных материалах имело недвусмысленную цель: показать, что у Сузианы общая официальная культура с Месопотамией. Наследники Навуходоносора проводили ту же линию. У Набонида был случай вспомнить о строительных работах предшественника; описание собственных построек в Эламе он решил поместить между рассказами о строительстве в Уруке и в Сиппаре. Сузы встали в общий ряд; на взгляд Набонида, это был такой же вавилонский город, как и другие столичные города его царства.

Удачным выбором стало восстановление храма Иштар*. Эта богиня весьма почиталась в Сузиане: она всегда была там «владычицей», «госпожой Элама, живущей в Сузах». Но Иштар являлась божеством, которому поклонялись на всём Ближнем Востоке и в первую очередь в Вавилонии. Таким образом, Навуходоносор льстил национальным чувствам жителей Суз и их окрестностей, но не давал им оживиться по-настоящему. Такой риск существовал бы, если бы возобновился культ «господина Суз»**, как звали его эламиты, —

---

* С ней идентифицировалась эламская богиня Пиненкир.

** Инцушинак (элам.).

бога, возглавлявшего их пантеон до катастрофы 646 года. Политический характер его почитания был для всех очевиден, но поклонение ему прервалось на целое поколение. Это было на руку вавилонянам, и не в их интересах было воссоздавать его. В этом деле Навуходоносор проявил политическую дальновидность и благоразумие.

Восстановив политическую и религиозную жизнь Элама, Навуходоносор вместе с тем устроил и новые основания для жизни экономической. Для этого он занялся возрождением там системы мер и весов, что одновременно происходило и в самой Вавилонии. В Сузах были найдены две подписанные гири и алебастровый сосуд, служивший мерой объема. Хотя доказать это сейчас невозможно, эталоны, вероятно, должны были совпадать с образцами, использовавшимися в Вавилонии. В результате наведения порядка в столице Элама она вновь стала заселяться.

Во второй половине II тысячелетия вавилоняне были весьма активны в Персидском заливе. При Навуходоносоре они вернулись туда после долгого перерыва. Археологические раскопки на островах Файлака и Бахрейн начаты совсем недавно по сравнению с теми, что ведутся в Сузах. Таким образом, первые выводы еще нуждаются в подтверждениях; но, насколько мы знаем, в то время вавилоняне относились к островам так же, как к Эламу. В обоих городах были построены «дворцы». Клинописные надписи на глине и на камне содержали титулатуру Навуходоносора, «царя Вавилонского»; неизвестно, сделаны они были на месте или привезены из метрополии. Как и в Сузах, там были построены или, что вероятнее, перестроены храмы. На Файлаке найдена бронзовая чаша, посвященная вавилонским царем местному солнечному богу. Надпись на чаше отождествляет его с божеством, которому с доисторических времен поклонялись в одном из вавилонских городов — Ларсе. Такие отождествления на Ближнем Востоке были самым обычным делом; этот общеизвестный прием имел прежде всего политические цели: объединить разные местности посредством их богов, которые признавались идентичными, хотя в разных местах носили разные имена. Уже во II тысячелетии главный бог Файлаки отождествлялся с Энки — «господом земли», одним из трех важнейших богов вавилонского пантеона. Тогда этот выбор был понятен: городом Энки был Эриду — ближайший к Файлаке город на материке. Но в VI веке пески почти поглотили его, и слияние божеств почти потеряло смысл. Однако царь имел возможность сослаться на этот древний пример. Его намерение ясно: два остро-

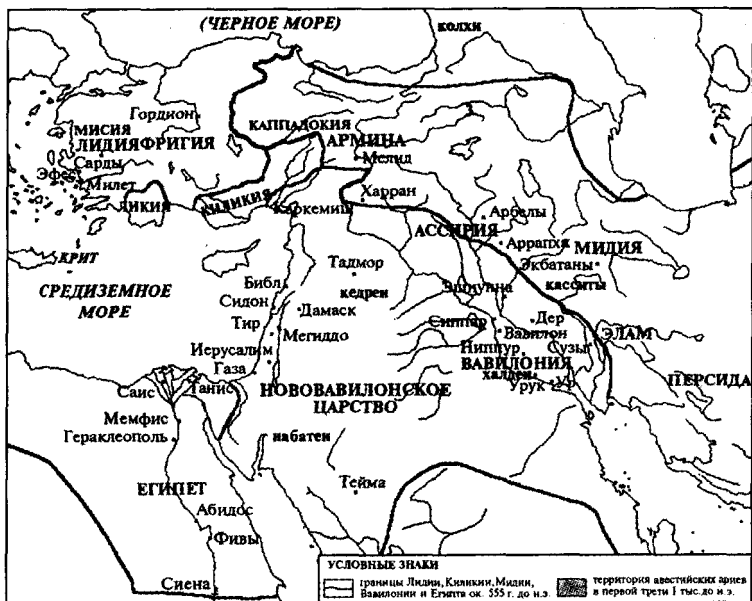

ва, так или иначе, продолжали его царство к югу и были его частью именно в качестве Южной Вавилонии. Так должны были понимать и современники.

Зато область к северу от Вавилонии — бывшая Ассирия — при Навуходоносоре, кажется, систематически не восстанавливалась. Вавилоняне явно потеряли интерес к верховьям Тигра. Возможно, они не хотели, чтобы там возродилась держава, со временем способная вновь угрожать их северным границам. Известно, что развалины города Калаха были вновь заселены, но по-настоящему городская жизнь там не возобновилась. Крестьянское население, оставшееся после гибели Ассирийского государства, не могло оставить следов, доступных для археологов. Возможно, страна немного оправилась от разорения конца VII века, но сейчас мы не можем найти этому подтверждений. Эти места продолжают упоминаться в текстах. Судя по этим упоминаниям, в Вавилон по-прежнему поступала из них продукция земледелия. На востоке, в Аррафе, где долина переходит в предгорья Загроса, возобновилось винодельческое производство.

«От реки Египетской до Евфрата» — так обычно обозначали границы империи. Эта формула примерно соответствовала реальности VI века. Восточная граница шла, скорее всего, по долине Хабура, но в уме держали прежде всего Кархемиш. Этот город «запирал» Евфрат, контролируя пути как с Тигра к Оронту, так и по самому Евфрату. Во II тысячелетии это доминирующее положение давало городу первостепенную роль, но в 717 году он был razoren и потерял прежнее значение для Ассирийской империи. Во время войны мидян и вавилонян против ассирийцев его опять разрушили. Мощные укрепления, окружавшие и внутренний, и внешний город, после 605 года лежали в развалинах. Таким образом, Кархемиш превратился всего лишь в главное поселение округа, и в источниках следы его теряются; но это молчание ничего не значит — он оставался важным узлом путей сообщения, сохранил экономическое и торговое значение.

Оттуда можно было без препятствий достичь Халеба. В первые века II тысячелетия этот город был столицей одного из самых могущественных государств на Ближнем Востоке; характерно, что все называли его «великим царством». Затем его сила и влияние ослабли, и Халеб господствовал лишь над своей долиной, имевшей, правда, большое сельскохозяйственное значение. В VI веке он потерял всякую военную и политическую роль, но по-прежнему почитался как священный город. Дело в том, что там находился знаменитый храм местного бога грозы. Это божество — «Громо-

Ближний Восток в середине VI века до н. э.

Города Двуречья

вержец» — возглавляло пантеон внутренних «западных» городов — Хамата, Дамаска, — а также средиземноморских гаваней. Почитатели называли его разными именами, но все эпитеты на самом деле содержали одну и ту же характеристику: бог грозы был владыкой дождя, насылавшим его на землю; от того, даст он дождь или удержит, зависели изобилие или нужда, ибо местные земледельцы, в отличие от крестьян Вавилонии, не особенно рассчитывали на ирригацию.

Города Арпад и Хамат с двух сторон доминировали над Внутренней Сирией. Там, как и в Кархемише, писали на папирусе или на коже, так что архивы VI века в них безвозвратно пропали; если писцы этих городов и пользовались черепками, то до сего дня ни один из них не обнаружен. Поэтому мы не знаем об этих территориях практически ничего. До ассирийского завоевания могущество их было немалым, так что и само завоевание произвело на современников сильное впечатление. Победители сделали их оплотом имперской власти. Арпад сменил Халев в качестве столицы северной долины, Хамат по-прежнему контролировал Центральную Сирию. Но в 720 году его цитадель была разрушена, и оборонительная роль города отошла в прошлое; хотя его окрестности были, вероятно, плодородными, сам город остался немногочисленным.

Между Хаматом и Дамасским оазисом было еще лишь одно крупное поселение — Кадеш. Его стратегическое положение признавалось важным как минимум со II тысячелетия и оставалось таковым в VI веке: тот, кто владел городом, держал под контролем располагавшиеся к югу от него долины верховьев Оронта и Литани, через которые проходил путь, соединявший Финикию с Верхней Сирией. Город был окружен высокими стенами и глубоким рвом с водой; он мог бы и дальше играть военную роль, но вавилоняне по стратегическим соображениям, как мы видели, предпочли ему Риблу.

Дамасское царство было одним из самых влиятельных участников международной политики в предшествующие столетия. При Навуходносоре же оно, по-видимому, вело полусонное существование, оставалось в стороне от событий; непонятно, чем был вызван этот внезапный уход с политической сцены. Возможно, сыграл свою роль климат. Дамаск стоит в оазисе; к нему ведут каналы от реки, берущей свое начало в меловой горе. Поэтому сельскохозяйственная система здесь неустойчива: стоит дождям несколько лет подряд не пройти в изобилии, как земля не получает достаточного орошения. Но средняя цифра осадков здесь — около 300 миллиметров в год; Хаматская долина, например, полу-

чает вдвое больше. Кроме того, дожди случаются крайне неравномерно не только от месяца к месяцу, но и от года к году. Так, в Новейшее время, для которого мы располагаем точными цифрами, в 1929 году выпало 314 миллиметров осадков, а год спустя — всего 73 миллиметра. Возможно, бездеятельность Дамаска объясняется продолжительной суровой засухой. Впрочем, нет никаких доказательств того, что это более чем гипотеза. Есть и еще более странный факт: в VII веке Дамаск считался самым крупным центром железной металлургии на всём азиатском Ближнем Востоке, но дошедшие до нас тексты эпохи Навуходоносора ничего об этом не говорят. Правда, вавилоняне (по крайней мере Вавилонское государство) гораздо меньше, чем ассирийцы веком раньше, интересовались этим металлом; такое равнодушие, возможно, объясняет молчание источников.

К юго-востоку от империи лежали государства Аммон, Моав и Эдом. Все они были верны Ассирии и остались верны Навуходоносору. У них всегда были две заботы: сопротивляться арабскому давлению на восточных границах, а самим угрожать Иудее — своему западному и южному соседу. Хотя сам Навуходоносор поставил правителем Иудеи после Седекии некоего Гедалию, царь аммонитян в 582 году преспокойно убил его: для него это был не сановник Вавилонской империи, а вождь враждебной страны. По крайней мере так это поняли вавилоняне, судя по их реакции. Они не усмотрели в этом поступке большой важности, расценив его как эпизод, вызванный амбициями местных князьков; то не был бунт против их власти. На место Гедалии они назначили нового правителя и этим ограничились. Правда, Иосиф Флавий утверждает обратное: вавилонский монарх якобы начал войну и заново покорил аммонитян и моавитян; но это утверждение кажется нам необоснованным.

Что Аммон, что Моав, что Эдом — все они, без сомнения, для вавилонян были на одно лицо: слабонаселенные, малоурбанизированные; экономика Аммона основывалась на земледелии и скотоводстве, в двух других царствах была преимущественно скотоводческой. Никаких письменных свидетельств об этом регионе у нас нет. Археологические находки позволяют предполагать глубокий упадок — по крайней мере в материальной культуре. Этот спад не был следствием политики Навуходоносора, поскольку начался гораздо раньше; уже в VIII веке Иудея, например, выглядела гораздо лучше. Эта страна, бесспорно, пострадала от драм 597 и 587 годов, но не все ее районы были разорены в равной мере. Велики были разрушения в Иерусалиме и его бли-

жайших окрестностях, в долинах на западе и на юге от Хеврона до Негеба. Но округа Вифлеема и Мицпы не понесли ущерба и даже стали еще изобильнее. Там продолжалось производство вина и масла. Мицпа стала новой столицей взамен Иерусалима; она была вновь отстроена и украшена с вавилонской помощью. Надо сказать, что стратегическое положение Иудеи было для вавилонян очень важно: царство перекрывало Египту сухопутную дорогу на север.

Средиземноморское побережье в географическом отношении составляло лишь небольшую часть империи, но приморское расположение и экономическая мощь делали его важной областью. Впрочем, гавани располагались неравномерно: от нынешнего залива Искендерун до Арвада и Бейрута не было ни одного сколько-нибудь значительного порта, да и упомянутые два играли весьма скромную роль; на юг до Сидона и Тира не было крупных пунктов. Таким образом, на протяжении примерно 600 километров не встречалось ни одной приличной гавани. Во II тысячелетии долина в окрестностях современного сирийского города Латакии была одним из самых изобильных и процветающих районов Ближнего Востока; в начале XII века она была разорена, а ее столица разрушена. Государство там так и не возродилось: кое-как прозябали только никого не интересовавшие деревеньки. Ассирийцы в походах на Финикию туда не заходили. Однако в VI веке и там существовала небольшая агломерация — Махазен. Судя по названию (буквально «два города»), она состояла из порта на море и поселения, отодвинутого от береговой линии, но и порт был, по-видимому, всего лишь благоустроенным пляжем. Еще севернее пристать к берегу можно было лишь в устье Оронта. На левом берегу реки была некая деревня, населенная сирийскими моряками, служившая пограничным рубежом империи; напротив нее, на другом берегу Оронта, стояла процветающая фактория, которую посещали греческие и кипрские купцы. Но проход оттуда в Сирию, к Хalebской долине, был очень неудобен, а потому эти порты, бесспорно, стояли в стороне от «Благодатного полумесяца».

От острова Арвад до Тира располагалась так называемая Финикия. Точнее было бы говорить о территории финикийцев, ибо, насколько известно, города, которые ныне объединяют под этим названием, никогда не были политически едины в строгом смысле слова. Во времена Навуходоносора Тир, самый южный из них, был, вне всякого сомнения, столичным городом, доминировавшим над другими, особенно над Сидоном; тот в самом начале I тысячелетия являлся все-

го лишь маленьким поселком. Самый северный из финикийских городов — остров Арвад — из-за удаленности имел не слишком большое значение для Вавилонии; правда, преимущества его расположения были довольно серьезными: невзирая на малые размеры (площадь примерно 800 на 500 метров), город имел хорошо защищенный порт, открывавшийся в сторону материка. У горожан не было проблем с водоснабжением, поскольку рядом, прямо у моря, были источники пресной воды.

Главная ценность финикийцев для азиатских империй состояла в том, что они имели флот. Во времена Навуходоносора горизонтом тирян было всё Средиземное море, и они вовсе не собирались играть какую-либо военную или политическую роль на суше; как и остальные финикийские порты, они довольствовались тем, что владели сельскохозяйственными пригородами у своих стен. Кроме этого, их заботил только контроль над горными областями. Они по-прежнему, как уже на протяжении тысячелетий, добывали там кедр, ель, сосну, использовавшиеся для кораблестроения и возведения монументальных зданий. В особенности им необходимо было иметь хорошие мачты. Процветание тирской экономики было известно всем; его знаменитое описание оставил Иезекииль. Согласно ему, в VI веке торговля тирян простиралась по всей Западной Азии, включая Анатолию. Нет ли в этой картине доли поэтического преувеличения? Подозревать его позволяют ассирийские источники VII века, рисующие более скромную картину; век спустя положение Тира не должно было слишком измениться — по крайней мере нет никаких резонов это предполагать.

Особняком от всей остальной Финикии надо рассматривать Библос*; хотя культурно этот небольшой город к ней и принадлежал, но все современники, включая вавилонян, считали несомненным, что это был уголок Египта в Азии. Фараоны отправлялись туда поклониться местной богине, «госпоже Библоса», и поставили там статую своего бога Гора. Тексты зафиксировали паломничества египетских царей в Библос в 601 и 591 годах. Конфликты между азиатами и египтянами никогда этот город не затрагивали — по бессрочному негласному договору он оставался в стороне от них. Правда, ни бухта, ни сам город — очень небольшой — и не могли быть использованы в военных целях.

К югу от Финикии до «реки Египетской» тянулась окраина империи — страна Филистимская. Этот термин упо-

---

* Нынешний Джбейль в Ливане.

треблялся начиная с конца IX века, но обозначал, как и слово «Финикия», не единую политическую реалию, а совокупность городов, в данном случае — пяти. Три из них — Ашдод, Аскалон и Газа — располагались на морском берегу; два других — Экрон и Геф — находились несколько дальше от моря. О точном местоположении последних историки ныне спорят.

Филистимляне явились с моря в конце XIII века, уже будучи смешанными с другими народами; эти этносы ныне известны нам только по названиям. Насколько мы знаем, пришли они с северного эгейского побережья. Сначала это были небольшие группы, неприметно селившиеся в низинах к югу от Финикии с согласия и при поддержке фараонов, господствовавших тогда над этой областью. В момент воинственного натиска «народов моря», как называли их египтяне, филистимляне добились независимости. «Народы моря» были разнородным конгломератом племен; они шли — преимущественно морем — от средиземноморского залива Искендерун к Египту, разоряя прибрежную полосу. Видимо, только Тир устоял перед их напором, и эта стойкость обеспечила ему с тех пор гегемонию в регионе. В дельте Нила «народы моря» были разбиты, и большинство их рассеялось по Средиземноморью. Филистимляне — возможно, потому, что у них уже были стабильные общественные институты, — остались в зоне влияния Египта. Сначала они были мореплавателями: Аскалон являлся портом, а Ашдод, хотя и не стоял прямо на берегу, имел «флот» на Средиземном море. Но вскоре, столкнувшись с конкуренцией тирян, они отказались от мореплавания и занялись сельским хозяйством. К местным условиям филистимляне приспособились, кажется, довольно быстро. К VI веку их адаптация, видимо, давно завершилась; в частности, своего главного бога Дагона они наделили новыми чертами, роднившими его с богами соседей, а от почитания остальных богов, которым поклонялись до переселения, отказались. Их пять городов сохранили от общего происхождения только то, что можно назвать самосознанием. Никакой тесной политической связи между филистимлянами не было: это так же верно для них, как и для их северных соседей — финикийцев. Но в обоих случаях некий местный «патриотизм» противопоставлял их окружающим народам, хотя в повседневной жизни они ничем от тех не отличались. В их самоидентификации большую роль играл язык. От Хабура до Иудеи все говорили по-арамейски. Этот язык в качестве второго употреблялся и южнее — до самого Египта. Иудеи пользовались еврейским языком, Ам-

мон, Моав и Эдом — диалектами, очень близкими друг к другу, да и от еврейского мало отличавшимися. Финикийский язык также был им близкородственным. О филистимском мы не знаем, можно сказать, ничего. Он был ничуть не похож на семитские языки, распространенные на азиатском континенте. Сохранился ли он, когда филистимляне переняли от соседей почти все элементы культуры? Кажется, да. Спустя век после Навуходоносора на нем еще говорили в Ашдоде, а может быть, и в Газе.

Таким образом, империя подчинила весь «Благодатный полумесяц» и стала географически совпадать с ним. Уже за несколько веков до Навуходоносора географическая, экономическая и культурная неоднородность региона не помешала ассирийцам собрать его в единое целое. Вавилоняне взяли управление им после Ассирии и вслед за Ассирией. Победив в настоящем, они должны были обеспечить ему хотя бы минимальную целостность на будущее.

НЕЗАВЕРШЕННАЯ КОНСТРУКЦИЯ

После Набопаласара империя и Вавилония четко осознавались как самостоятельные, отдельные части; единым целым их делал «царь Вавилонский», и только он. И всё же когда Набопаласар рассказывал о победе над ассирийцами, он ставил себе в заслугу лишь освобождение «своей страны», ни словом не упоминая о других народах Ближнего Востока, которыми стал править, уничтожив врага, бывшего прежде и их властелином.

Сын исповедовал ту же доктрину, что и отец, но углубил ее, не лишив, впрочем, простоты. Правда, в начале царствования Навуходоносора явно колебался, подбирая нужные слова. Так, одна из его первых надписей говорит, что он правил «над всеми странами, всеми землями обитаемыми от Верхнего моря (Средиземного) до Нижнего моря (Персидского залива)», что он царь «дальних стран, далеких гор от Верхнего моря до Нижнего моря». На самом деле составитель этой надписи не описывал в точности мир, находившийся под управлением Навуходоносора, — здесь явное преувеличение. Он просто повторял обычный в вавилонской словесности образ: безмерные земли, которые бог-солнце* (прямо названный в этом тексте) в течение своего дневного пути проходит и озирает, которыми он правит «от горизон-

---

* Шамаш (аккад.).

та до зенита везде, где светит солнце» (или, в других вариантах, бог-солнце).

Но формулы однажды составленного официального текста уже никогда больше не менялись. Надписи противопоставляли «страну», то есть Вавилонию, а также, очевидно, Сузиану и острова Файлака и Бахрейн, «народам» или «племенам» (по-вавилонски эти слова однокоренные), которым обычно сопутствовало определение «пространные».

Речь идет только от лица Навуходоносора. Никто другой — скажем, из высших сановников — в них не появляется. Он был «господином» для «страны» или «подданных своих», но для «племен» являлся царем — «пастырем надежным» (или «законным»). Но цари стран, входивших в империю, не стояли между ним и народами, которыми управляли с его согласия. Они упоминались только потому, что посылали дань. «Племена» прямо подчинялись Навуходоносору. Его «господство» над «страной» (Вавилонией) выражалось в «правлении»; всю же империю он «пас», чтобы тем обеспечить ее «благополучие» и «великое процветание».

Употребление этих выражений ныне кажется нам странным. Можно было ожидать как раз обратного. Владычество Навуходоносора представляло собой строгий контроль над Месопотамией — контроль хозяина над слугами; в то же время к иным покоренным народам он проявляет благожелательность. На самом деле здесь имел место тонкий расчет: пастырь заботится о безопасности и благополучии своего стада, но и эксплуатирует его. Покровительство «племенам» было необходимым условием, чтобы их цари могли взимать с них дань и верноподданно отсылать ее в Вавилон.

Мотив царя-«пастуха» с «бичом» в руках — один из самых традиционных в Вавилонии. Но когда Навуходоносор в 604 году вернул себе господство над империей, это выражение применительно к нему перестало быть простой условностью, и его писцам не раз выпадал случай употребить этот эпитет. Государь так изъяснял положение «на том берегу Евфрата до солнечного захода»: «Народы разбежались и спрятались вдальке». Став победителем, вавилонский царь излагает суть своей политики следующим образом: «Я собрал племена, разбежавшиеся по стране, и вернул их в стойла», «Я воротил народы гор Ливанских на пастбища их и всем запретил тревожить их», «На лугах злачных пас я их».

Основным приводным механизмом в мире, где правил Навуходоносор, был царский дворец. Как тот дворец, что он получил по наследству от отца, так и тот, который новый царь выстроил для себя по соседству со старым, играли со-

вершенно разную роль для вавилонян и для других народов империи.

Дворец был «узлом». Такая метафора для царского жилья относительно нова — она не встречается до Ашшурбанипала, то есть впервые появляется между 668 и 627 годами. Впрочем, ассирийский царь именовал так не свое жилище, а наследного принца. Употреблявшееся слово первоначально обозначало узел бечевы, привязанной к носу корабля. Позднее религиозная терминология применила его для обозначения космической связи между небом и землей; поэтому храм Мардука в Вавилоне и сам город Вавилон иногда именовались «узлом всех стран». Таким образом, роль дворца состояла в том, чтобы собирать и вести. В первую очередь с ним был связан весь «Благодатный полумесяц», во вторую — только вавилоняне. При втором — узком — толковании царский дворец мог быть для других народов уже только предметом «созерцания». Так лишний раз подтверждалось уже известное нам деление Ближнего Востока. «Подданные» Навуходоносора в Вавилонии призывались трудиться вместе под водительством своего царя. «Племена» же, то есть все остальные, могли являться только зрителями; Навуходоносор расставлял их по местам в отдалении в позах пассивного восхищения.

Некоторая непризнанная и неосознанная агорафобия была одной из констант вавилонской цивилизации. Вавилоняне никогда не любили больших пространств. Их собственная страна, во-первых, и Ближний Восток, над которым они владычествовали, во-вторых, были для них просто конгломератом отдельных географических элементов, которые всегда воспринимались по отдельности: в первом случае это были города с предместьями, во втором — самые разнообразные территории. Жителям Вавилонии никогда не приходило в голову рассматривать их как одно целое или хотя бы несколько консолидированных частей. При Набопаласаре империя, будучи только что унаследованной вавилонянами от ассирийцев, никак себя не проявляла, и никакая реформа не казалась тогда насущной или необходимой. Но в начале царствования его сына вавилоняне могли бы определить для себя собственное место в империи. Они этого не сделали. Навуходоносор тоже не создал новых административных структур для организации или реорганизации управления своими владениями. Он ни единого момента не помышлял о том, чтобы перекроить границы внутри «Благодатного полумесяца», которые получил в наследство от Ассирийской империи. Таким образом, империя представляла собой сумму территорий совершенно различного размера, политиче-

ского и экономического значения: Хамат владел большой долиной, Сидон контролировал только свои пригороды, Арвад представлял собой только маленький островок. Нигде не отмечено даже, чтобы Навуходоносор наказывал или награждал какого-либо царя, увеличивая или урезая его царство. Границы Иудеи оставались прежними и в 597, и в 587 годах, и даже после убийства Гедалии. Такой же представляли империю и преемники Навуходоносора вплоть до Набонида. Этот царь хотя и хотел объединить «Благодатный полумесяц», но никогда не думал о его переделке на новых политических или территориальных принципах.

В Вавилоне имперской администрации, кажется, не требовалось много писцов, да и имела ли она специальные ведомства? Если таковые и были, их роль никак не проявляется. Впрочем, Навуходоносор косвенно сообщил нам об этом. Окончив перестройку отцовского дворца, он счел должным особо указать на одно небывалое мероприятие: «Начальников во всех пространных народах я переписал имена». Таким образом, то, что должно было стать рутинной процедурой, получилось исключительной мерой.

По всей империи был установлен единый режим: теперь вавилонское владычество считали протекторатом. Такую доктрину было применить тем легче, что почти во всех государствах в составе империи существовали монархии. Единственным исключением был Тир. Некогда там вместо царя стал править «судья». От нас скрыто, в чем был смысл этой перемены и насколько она важна, но так или иначе, она была связана с местными раздорами; Вавилон в них не встречал, и осуществленная перестановка была ему безразлична.

Правда, вследствие различных обстоятельств местные престолы могли пустовать. Так случилось в Арпаде, Кадеше, на островах Персидского залива, а возможно, и в других местах. В VI веке там уже не существовало местных династий; история этих государств нам неизвестна. Иерусалим (на сей раз по хорошо известным причинам) очутился в аналогичном положении в 587 году. Тогда вавилоняне назначали туда губернатора, причем подбирали его очень тщательно, остановившись на кандидатуре Гедалии, принадлежавшего к иудейской элите. Правитель Кадеша носил двойное имя, одна часть которого была вавилонская, другая — на местном наречии. Больше о нем мы ничего не знаем; но и эта мелкая черта весьма показательна: его двойственное самоопределение вполне соответствовало его миссии.

В официальных документах цари, чьи владения находились «на том берегу Евфрата», иногда называются «управля-

ющими» или «начальниками округов». Это было не уничтожение, а просто форма речи; в других местах подчиненные империи монархи без всяких проблем именовались протокольным титулом. Как бы Навуходоносор их ни называл, он признавал за ними всю полноту власти в пределах их стран: «сидящие на престоле, венчаные царскими венцами, имеющие державы (знаки власти) свои», как он пишет о них, оставались царями, но при этом, безусловно, покорялись царю Вавилона. В династические споры тот не вмешивался. Правда, в 597 году он еще до падения Иерусалима посадил на престол Седекию, но тогда ему нельзя было оставить трон Иудеи вакантным. Тиряне просили его (из этикета, необходимости или предосторожности) прислать к ним одного из их соплеменников, живших в столице, чтобы тот правил ими; ту же просьбу они повторили после смерти Навуходоносора, обращаясь уже к его наследнику. Но делали они это явно по собственной инициативе.

О главном оружии завоевания, а затем поддержания порядка — войске — мы не знаем ровным счетом ничего: у нас нет ни описаний его, ни изображений (например, барельефных). Скорее всего, оно было точно таким же, как и ассирийское в предыдущем столетии. Впрочем, в мирное время роль его была невелика.

Дело в том, что гарнизоны в городах империи представляли собой всего лишь посты, на которых служило по несколько человек. Они размещались там для того, чтобы обеспечивать охрану вавилонского представителя, если таковой был, а также для сбора информации. Выполнения агрессивной военной функции от них не требовалось. Так, одна записка говорит о посылке в Тир четырех солдат в плащах и латах: ясно, что это была смена караула (может быть, частичная, а не полная). Да и оборонительная роль древних крепостей в VI веке была невелика: ассирийцы разрушили их, а вавилоняне не восстанавливали; так было с Гузаной, Кархемишем, Хаматом, а после 587 года и с Иерусалимом. Навуходоносор явно не желал видеть в своей империи укрепленных городов. В трех первых названных пунктах войска при нем размещались в Нижнем городе.

Ассирийцы никогда не забывали беспрестанно собирать сведения о своей империи и окружающих ее странах. Вавилоняне, кажется, были гораздо беспечнее. Была ли у них хотя бы курьерская служба для бесперебойной связи между столицей и главными городами империи? Сегодня ничто не позволяет нам утверждать это. О передаче донесений известен лишь один факт: некий вавилонский чиновник приска-

кал к царю Набониду на лошади из Сирии, чтобы доложить о серьезных беспорядках. Возможно, то был исключительный случай — или, напротив, самый заурядный. В VII веке информаторы посылали в ассирийские конторы донесения на глиняных табличках. Эта практика существовала на всём Ближнем Востоке в течение всего II тысячелетия. Отказалась ли от нее Вавилонская империя? Быть может, теперь гонцы передавали свои сообщения устно? Надо сказать, этот новый способ с начала I тысячелетия получил распространение на средиземноморском побережье; возможно, и вавилоняне переняли его, но утверждать это мы не можем. Доклады, писанные на глине, нам неизвестны, но это ничего не значит, потому что их могли писать на арамейском языке на коже или папирусе, отчего они и не сохранились.

Впрочем, один факт бесспорен: вавилоняне были прекрасно осведомлены о том, что происходило в империи. Иначе, например, невозможно понять отношение вавилонской администрации к пророку Иеремии. Она знала, как он вел себя во время смуты. После убийства Гедалии простой люд хотел, спасаясь от вавилонских репрессий, укрыться в Египте. Но страхи их были напрасны. «Не бойтесь», — успокаивал жителей пророк; он был уверен, что Навуходоносору всё известно и царь не будет наказывать невиновных, не причастных к делу*.

Вавилонские власти не просто старались оставить в неприкосновенности повседневную жизнь обывателей — они даже и не думали вмешиваться в нее. Им не было дела ни до местного языка, ни до религии, ни до нравов. Попечение об управлении частями империи было целиком возложено на местное начальство — царей или губернаторов. Вавилоняне не требовали в знак покорности признания главного божества своей страны; у них и в мыслях не было силой вводить вне Вавилонии чуждые жителям обряды. Между тем в предыдущие столетия ассирийцы энергично и упорно проводили именно такую политику.

На примерах Гузаны в верховьях Хабур и Дур-Катлиму ниже по его течению хорошо видно, как вела себя вавилонская власть с народами империи. Других сведений о Сирии у нас нет, потому что все прочие архивы пропали; но и эти, смеем думать, показательны. Эти два поселения стояли почти на границе Вавилонии, но оставались верны своим обычаям. Политические перемены не изменили в жизни их

---

* Тем не менее народ не послушался Иеремии, бежал в Египет и насильно увел пророка с собой.

обитателей почти ничего. Поэтому можно судить, насколько стабильны были гораздо более удаленные от столицы области.

Жители обоих городков принадлежали к арамейской культуре, но население Дур-Катлимму было более пестрым по составу — там жили также арабы и евреи. Притом во всей долине Хабура очень сильно ощущалось ассирийское влияние. При новой власти в Гузани просто перестали писать по-ассирийски на глиняных табличках; писцы знали вавилонский язык, но не пользовались им, повсеместно употреблялся исключительно арамейский. В Дур-Катлимму через десять с лишним лет после гибели Ассирии нотариусы по-прежнему составляли свои акты согласно ассирийскому праву на языке бывших, навек сгинувших хозяев, как делали уже больше двухсот лет. Даже глава местной администрации, отныне подчинившейся Вавилону, носил тот же титул, какой ему некогда дала рухнувшая империя. Договоры по-прежнему составлялись «под высокой рукой Ассирии», тогда как ее храмы были сожжены и жрецы разогнаны еще отцом Навуходоносора. Но боги Вавилона по протоколу упоминались только после ассирийских.

Впрочем, Иеремия советовал побежденным иудеям: «Приклоните выю свою под ярмо царя Вавилонского». Что же — подданных империи считали за рабочий скот? На самом деле пророк вовсе не призывал подчиниться тяжкому и унижительному рабству. Речь шла лишь о том, чтобы разделить судьбу всего азиатского Ближнего Востока. Писцы Навуходоносора обычно говорили «тянуть тягло». Слово «тягло» применялось достаточно редко; его избрали, конечно, отчасти из литературного щегольства, но также и затем, чтобы избежать выражений «ярмо» или «иго», оскорбительно напоминавших об ассирийском господстве прежних веков. Формула эта понималась в образном смысле, а образ этот был вполне понятен жителям Вавилонии: когда статуи богов покидали свои храмы, их либо сплавляли на судах, либо торжественно провозили на колесницах, запряженных лошадьми. Навуходоносор хвалился, что «склонил главы народов, чтобы тянуть тягло Мардука» и для этого бог «вложил ему бразды в руки». Однако он ничуть не собирался публично оскорбить эти народы — напротив, это был знак почести. Сам государь не гнушался встать в один ряд со своими подданными и служить им примером. Бог Мардук и ему «велел тянуть тягло [свое]», и «царь Вавилона» благоговейно молился в ответ: «Да возмогу потянуть <его>!» Ведь он считал, что такое неоспоримое смирение взамен обеспечит ему

помощь и покровительство божества в превратностях жизни. Иеремия, со своей стороны, видел здесь просто политическую выгоду: иудеи смогут спокойно жить на своей земле. Вавилоняне разделяли воззрения своего государя; народная мудрость гласила: «Тянущему ярмо богов хлеба и в недород достанет».

Жители Нижнего Двуречья никогда не были ксенофобами — по крайней мере по отношению к тем, кто вел такой же, как они, оседлый образ жизни, будь то земледельцы или пастухи, горожане или сельские жители. В сущности, у них и не было никакого «этнографического» интереса к соседям. Всё неавилонское не вызывало в них любопытства. Поэтому хотя они и отделяли себя от других племен империи, но никакого презрения к ним со стороны вавилонян не заметно. В этом смысле показателен разговор вавилонского чиновника с Иеремией после взятия Иерусалима: победитель абсолютно учтив с выходцем из побежденной мятежной страны, разговаривает с ним как хороший знакомый; пророку предлагается на выбор поехать в Вавилон, помогать новому правителю Иудеи или отправиться куда ему будет угодно; при этом он получил подарки и снедь. Так обычно вавилоняне и вели себя. Например, при освящении восстановленного храма Навуходоносор изъясняет свою политику в отношении империи следующим образом: «Неустанно заботился я о пространных народах для блага их <...>; я научил их прямому пути и добрым нравам. С помощью духа моего, светозарной хранительницы моей, построил я над ними крышу от ветра, кровлю от бури». Царь, конечно, выражает чувство превосходства и снисходительности ко всему, что исходит не из Вавилона; но его намерения благородны. Навуходоносор декларировал желание быть не только покровителем, но и воспитателем подданных империи. Но надо признать, на деле эти добрые намерения никак не проявились.

Впрочем, действительно ли о слиянии Вавилонии со всей империей никто никогда не помышлял? Кое-какие невнятные знаки, похоже, делают допустимым обратное толкование. В III тысячелетии шумеры называли всех людей «черноголовыми»: они наивно думали, что у всех должны быть волосы того же цвета, как у них; в следующем тысячелетии вавилоняне — их преемники — переняли это выражение. Затем оно исчезло из хождения, но в I тысячелетии снова вошло в моду; так что нет ничего удивительного, что оно встречается в надписях Навуходоносора. Но употребляется оно там совершенно особым образом: «Будь господином

черноголовых» — это постоянное обращение к богу при строительстве или реконструкции храма. Но «быть господином», «господствовать» — формулы, применявшиеся только к вавилонянам. Соединившись с древним шумерским выражением, они тем самым распространялись на весь «Благодатный полумесяц». Иными словами, иноземные «племена», возможно, должны были ассимилироваться с народами Междуречья. Тогда всякий житель азиатского Ближнего Востока, подчинявшегося Навуходоносору, стал бы равен вавилонянам, все составные части империи получили бы равный юридический статус и их политическое положение оказалось бы окончательно унифицировано. Кажется, из этого плана ничего не вышло. На деле разделение «Благодатного полумесяца» на две составляющие, восточную и западную, никогда всерьез не подвергалось сомнению. Может быть, у Навуходоносора была мысль упразднить его, но он не пытался осуществить унификацию на деле, а вероятнее всего, оставил эту задачу потомкам. Ведь именно за «потомство», а не за самого себя возносил он молитву; он откладывал эти меры на будущее, когда его самого уже точно не будет на свете.

Формальных договоров с царями своей империи вавилоняне не заключали. Однако поведение как Навуходоносора, так и его врагов показывает, что, по сути, они признавали правила международных обязательств. Это теоретическое и практическое представление было хорошо знакомо всем в «Благодатном полумесяце», у всех проникло в сознание. Никто никогда не оспаривал его оснований и применения; чтобы убедиться в этом, достаточно прочесть книги Иеремии или Иезекииля. Взаимоотношения скреплялись клятвой. Она-то и была, так сказать, юридическим краеугольным камнем империи.

Обычно вавилоняне не считали «клятву» божеством: мы не знаем никаких ее изображений, она не имела культа. Тем не менее это было «существо», обладавшее неодолимой мощью. «Клятва — черта неприступная!» — взывает к ней один молитвенник; ведь она подвергала нарушившего ее немедленной, ужасной и неотвратимой каре — болезни или смерти. Клятва, как говорят тексты, прилеплялась к виновному, овладевала им, зажимала в кулак. При этом не имело значения, письменная она была или устная; в простом обиходе ее скрепляли плевком. Ни Навуходоносор, ни четверо его преемников не записывали своих договоров и клятв, обеспечивавших их соблюдение. Предположить, что эти документы были писаны на коже или папирусе, а потому не выдержали испытания временем, мы не можем: хотя на «Западе», у

Средиземного моря других писчих материалов почти не знали, вавилоняне для сохранения столь важных актов не обошлись бы без глиняных табличек. Таким образом, клятва всегда была устной процедурой. Тем самым разрывалась ассирийская традиция прежних веков, следуя которой монархи требовали излагать навязанные ими обязательства письменно. Но вавилоняне, подобно поверженным ими ассирийцам, относились к клятве как к простому и эффективному обзывающему средству; тем самым они торжественно связывали со своей властью иноземных царей, становившихся их подданными.

Чьим именем клялись, кого призывали в свидетели нерушимости обещания? Иными словами, кто должен был в случае чего наказать клятвopреступника? Трудно дать однозначный ответ. При Навуходоносоре вавилоняне не выработали на сей счет ясных представлений. Путаница порождала вполне реальные теологические затруднения. Только Набонид лет через десять после Навуходоносора попытался дать оригинальное и универсальное решение. При двух клятвах иудейских царей — сперва Иехонии, потом Седекии — вавилонские божества, видимо, вообще не призывались: их замещал сам Навуходоносор, который с вавилонской стороны исполнял ту же роль, что для иудеев их бог Яхве; к сожалению, тексты говорят об этом неявно. Такова же должна была быть процедура и в других входивших в империю царствах, хотя имеющиеся источники и не упоминают об этом: можно предположить, что Навуходоносор стоял там в одном ряду с местными божествами.

Какие же обязательства обеспечивались подобными процедурами? Тексты не сообщают нам о них — они не записывались. Но угадать их нетрудно, и были они весьма просты. Иосиф Флавий излагает их так: хранить страну для царя вавилонского. Хотя он писал много времени спустя после рассматриваемых нами событий, такая формула кажется весьма правдоподобной. Она объясняет отношение Навуходоносора к царям Леванта и его поведение с ними. Тем самым он налагал на них обязанность платить ежегодную дань; он получал ее именно от них, а не от местных народов. Навуходоносор постоянно указывает на это в своих надписях.

Дань следовало направлять в Вавилон, а точнее — в царский дворец. Кроме этого факта, мы о ней не знаем ничего — ни размеров, ни того, кто занимался их назначением. Тексты дают лишь расплывчатые определения дани: «знатная» или «великолепная». Прежде всего выплата дани являлась экономическим обязательством, но в той же мере и по-

литическим символом. Таким образом покупался мир. Это был единственный способ, которым цари демонстрировали лояльность к своему повелителю в Вавилоне, иных доказательств от них и не ждали. С другой стороны, публично порвать с Навуходоносором имперские цари тоже могли только путем задержки выплаты дани. Иехония Иудейский не послал ее три года, и лишь тогда Вавилон спохватился.

Такой отказ был тяжелейшей провинностью, ибо, судя по надписям, вавилоняне не добивались никаких других публичных изъявлений покорности. От имперских царей они не требовали ни визитов в метрополию, ни письменных деклараций, регулярно подтверждавших их преданность вавилонской власти. На четвертый год своего правления Седекия отправился к Навуходонозору — но то была его собственная инициатива. Держали ли вавилоняне из предосторожности иноземных принцев заложниками при своем дворе? В прежние века ассирийцы, чтобы получить гарантии покорности правителей, систематически прибегали к этой мере. Навуходоносор, видимо, не следовал их примеру. Нам не кажется правдоподобным, что, уводя Иехонию в вавилонское изгнание, но сохраняя за ним титул «царя Иудейского», он желал держать в тревоге Седекию. Или, быть может, он оставлял за собой возможность вернуть его или кого-то из его детей на иерусалимский трон? Но эта гипотеза не подтверждается фактами.

Прежде, при ассирийском владычестве, страны империи принуждались поставлять в ассирийскую армию свои воинские отряды. Иеремия, а позднее Иосиф Флавий говорят, что вместе с вавилонянами сражались сирийские войска. Что это было — особая, чрезвычайная повинность или, наоборот, слишком обыкновенная, чтобы вавилонские тексты соизволили упомянуть о ней? В любом случае никаких сведений на сей счет нет. Навуходоносор об этом умалчивает.

Кроме того, ассирийцы применяли массовые переселения народов всего «Благодатного полумесяца»: путем перемешивания их они желали предотвратить возможные восстания. Но их собственной страны это не касалось: люди, поневоле прибывшие из других мест, расселялись только по окраинам империи. Навуходоносор использовал тот же метод, чтобы сломить сопротивление иудеев; но его политика имела в основе социально-экономическую цель — восстановить численность населения Вавилонии. Поэтому территории и имущество, оставленные по его приказу иудеями, не были переданы другим народам, тогда же, в свою очередь, переселенным из других областей.

Так что обязательства были крайне просты, но тем вернее следовало их соблюдать. Поэтому последствия нарушения клятвы были ужасны, но только для самих клятвопреступников. Вавилоняне строго следили за тем, чтобы не пострадали невинные люди, далекие от власти. Мятежные же цари и те, кого их политический и общественный статус делал соучастниками (например, в Иерусалиме это были храмовые служители и военные), предавались смерти. Политика, проводимая Навуходоносором в Афеке и ставшая известной благодаря письму некоего соседнего царька к фараону, весьма показательна. Это левантинское поселение (его местонахождение ныне неизвестно) отложилось от Вавилона; во время наступления после битвы при Кархемише вавилонский владыка обошелся с ним энергично, но аккуратно. Наказания имели различные степени тяжести. Так называемый «начальник» (прежде, очевидно, покорявшийся Вавилону) имел в городе верховную власть и, вне всякого сомнения, был зачинщиком мятежа; стало быть, он нес за всё полную ответственность и был предан смертной казни. Его помощник («писец») был всего лишь отрешен от должности: хотя его и признали виновным, но скорее поневоле.

Если победители подвергали наказанию также безымянную, не определенную по составу и численности группу простых людей, это значило, что бунтовала вся страна. Но вавилоняне не позволяли себе избивать всех — они и в самом деле были достаточно сдержанны. Повинившиеся могли надеяться на царскую милость; но те, кто упорствовал в неповиновении, карались смертью. Именно так в 597 году Иехония, его семья и двор, отправившись к царю Вавилона и признав свое поражение, получили от Навуходоносора прощение. Тому, кто сдавался, «вменялась душа его вместо добычи», по выражению Иеремии.

В 587 году, овладев Иерусалимом, вавилоняне целый месяц проводили карательные меры. Нет сомнений, что они подвергли намеченные к сожжению здания и предназначенные для отправки в Вавилон богатства тщательному обследованию. Наивно было бы думать, что город был отдан на слепое разграбление и поджоги. Всё делалось методично и упорядоченно. Археологические раскопки не выявили следов резни, но точно показали масштаб разрушений, причиненных огнем. Совершенно очевидно, что это был весьма простой, однако действенный и грубый метод расправы. Но и за ним стояли религиозные представления. Дело в том, что для вавилонян огонь имел двойственную природу и его олицетворяли два бога. Первый — огонь очага; он исполнял

службу «эконома богов», готовил их пищу. Второй — огонь разрушительный, огонь пожаров, выжигавших тростники Южной Вавилонии. В этой его ипостаси огонь часто считали враждебным человеку — но не всегда; ему давались также эпитеты «победителя» или «сокрушителя» злодеев. Именно его прославил Набопаласар в качестве своего союзника при уничтожении Ассирии. Его сын также «почтал силу могучего бога-огня», как он провозгласил в одной из надписей. Так что города сжигались не только для устрашения враждебных племен; это был также нравственный акт, очищавший мир от зла. Поэтому понятно, отчего были сожжены светские здания. Но почему огню предали и храм Яхве? Ясно, что Навуходоносор таким образом не давал впредь своим подданным возможности поклоняться их божеству и тем самым лишал их его покровительства. Но меры вавилонского царя к этому не сводились, а были направлены и против самого иерусалимского бога. Пример таких действий показал веком ранее ассирийский монарх Сеннахериб*. Именно так он пытался сломить сопротивление Вавилона своей власти; в 689 году он разграбил Вавилон, разрушил «Дом под высокой кровлей»** (храм Мардука) и его ступенчатую башню; статую, то есть самого бога, он отправил к себе в Ассирию и водворил его на жительство в этой стране (увести статую значило взять в плен воплощенного в ней бога). Много позже Набонид описал эту ситуацию в таких словах: «Прогневался [ассирийский царь] на Вавилон беспощадно, злобно; он решил разорить храмы его и срыть их даже вместе с основаниями; он осквернил обряды; он взял руку Мардука, но, взяв, увел в Ашшур. Со страной он обошелся, будто ярость богов была на ней. Владыка Мардук не умирил его гнева; двадцать один год пребывал он в Ашшуре». В Иерусалиме Навуходоносор поступил точно так же. Но тут он столкнулся с неожиданной трудностью: царь мог увести лишь священные предметы из храма, но статую Яхве взять в плен не мог, потому что ее не существовало — иудеи запрещали какие бы то ни было изображения своего бога. Таким образом, Навуходоносор не мог пленить его видимым способом, но взамен уничтожил его жилище. Результат был

---

* *Сеннахериб (Синнахирим, Синаххериб) (705—680)* — царь Ассирии, сын и преемник Саргона II, отец Асархаддона. Вел борьбу с Вавилонией и ее союзниками. Уделял большое внимание благоустройству столицы Ассирийской империи Ниневии. Был убит в результате дворцового заговора с участием его сыновей. (*Прим. ред.*)

** Эсагила (*шумер.*). Другой перевод — «Дом, в котором поднимают голову».

тот же: Яхве не мог больше обитать в своем святилище — оно стало непригодным для жизни; справлять там обряды также стало невозможно, так что бог Иерусалима был наказан наряду со своими почитателями — иудеями.

Было ли обхождение с мятежным «градом Иудиным» во времена правления Навуходоносора исключительным или же обыкновенным? У нас нет возможности ответить на этот вопрос. Что случилось со взбунтовавшимися и побежденными городами в Финикии и Филистимской земле, мы не знаем. Опустошение Иерусалима было не только официальным зримым знаком его политического краха, но и являлось мерой предосторожности против возможного нового антивавилонского мятежа. Совершенно очевидно, что вавилонский владыка воспользовался обстоятельствами, чтобы скрыть иерусалимские укрепления. Последовавший затем перенос административной власти в Мицпу тоже объясняется практическими соображениями. Древняя столица стала малопривлекательной для повседневной жизни, так что новые власти в ней не смогли бы сразу приступить к делам.

Глава 25 Четвертой книги Царств посвящает несколько строк судьбе Седекии и его близких после пленения. И тут поведение победителя нам объясняют вавилонские обычаи. Царь Иудеи имел право быть судимым перед лицом Навуходоносора, но вместе с тем (для вавилонян это само собой разумеется) перед лицом бога-солнца. Этот бог был особенно близок царю Вавилона. Среди многих эпитетов, дававшихся ему, главными были: «судья великий неба и земли, судья черноголовых, в ничто обращающий злых»; его «сеть превеликая» всегда была поставлена, чтобы улавливать нарушивших слово, как провозглашалось в посвященном ему гимне. Этот образ был известен и Иезекиилю.

Седекия был признан виновным; первым наказанием ему было — увидеть избиение своих сыновей. Этот акт не был вызван жестокостью и мстительностью победителя. Он приводил в действие традиционное проклятие, падавшее на клятвoprеступников: их дети навеки «убирались» или «искоренялись» с лица земли. Последствия такого наказания были очевидными и страшными. Эта катастрофа прерывала культ мертвых; виновный знал, что после его ухода из жизни никто не позаботится о нем, да и все покойники в его семье будут оставлены без почитания. То была непоправимая беда. Таким образом, иудейских царевичей казнили не за собственное клятвoprеступление, поскольку виновными в нем не сочли; их смерть была необходимым орудием кары. Сравним с этим жестоким поступком мягкость Навухо-

доносора по отношению к царевнам: им позволили остаться в Иудее и жить в окружении правителя. Седекии наглядно продемонстрировали, что бедствие, обрушившееся на его голову, стало заслуженным наказанием, последствием поднятого им самим мятежа. Только после этого ему выкололи глаза: он был не достоин более видеть свет бога-солнца, его грех против этого божества был непростителен. Должностных лиц, замешанных в мятеже, тоже казнили, но уже не в присутствии Седекии; в этом случае царь Вавилонский наказывал их самих, а не царя Иудейского.

Экзекуция была публичной. Так, в 597 году Иехонии сохранили жизнь, но отправили в Вавилон в оковах. Не важно, верны ли эти сведения — они в любом случае показательны. Дело было, конечно, не в том, чтобы помешать пленнику убежать; куда бы он мог спрятаться? Но по пути до Вавилона каждый встречный мог видеть, что пленник хотя и остался в живых, но всё же признан виновным и наказан соответственно своей вине.

Образ царя с выколотыми глазами служил для острастки подданных. Отныне Седекия носил на себе свидетельство наказания и милости Навуходоносора. Он до смерти оставался символом неотвратимости наказания, вроде тех отрубленных голов злодеев, что по традиции возили из деревни в деревню для вразумления вавилонян. В эпизоде со свергнутым иудейским царем «публикой», которую вразумляли, а на всякий случай и запугивали, были так называемые «сильные» — придворные из царского окружения; именно их вавилонский монарх и желал отвести от гибельного пути восстания против его власти. В Ассирии до VII века всех приходивших во дворец должны были призывать к послушанию находившиеся там барельефы: изображения сопровождалась надписями, обращенными к гораздо более узкому кругу лиц — писцам и чиновникам; но ведь именно от этих людей более всего и зависело, как пойдут дела. Вавилоняне на своих публичных зданиях рельефов не использовали. Их символическое место, так сказать, и занял Седекия. Впрочем, господа остались довольны — он исполнил свою роль. Наказание Навуходоносора было исчерпано с кончиной виновного — после смерти он получил право на обычное погребение. Вавилонский царь мог бы и отказать ему в похоронах, превратив тем самым в призрака, вечно скитающегося по земле, но милостиво не стал этого делать.

Как Навуходоносор со своими советниками представлял себе устройство империи, в доступных нам текстах можно разглядеть достаточно ясно. Однако что думали о ней ее

подданные — «сильные» и простые жители, — мы совершенно не знаем; до нас не дошло никаких документов, да и были ли они? «Благодатный полумесяц» принял вавилонское владычество; он оставался спокоен, когда Навуходоносор взшел на престол; последовавшая после его смерти частая смена царей в Вавилоне также не стала поводом для волнений в империи, и такое положение сохранялось до поражения Набонида в 539 году. Локальные кризисы в Финикии и Иудее были сильными, но, очевидно, не нашли отголосков в других покоренных царствах.

Но что знали племена о том, что такое империя? Навуходоносор специально знакомил всех, кто находился под ее властью, с ее символом, и этим символом был он сам. Он неумолимо разъезжал по всем областям между Евфратом и Средиземным морем. Конечно, иногда эти поездки были вызваны военной необходимостью. Но и не имея такой причины, вавилонский царь понимал, насколько важно перемещаться по империи из столицы в столицу; он намеревался сделать такие вояжи ежегодными. Согласно Вавилонской хронике, «он удалился <из Вавилонии> во славе своей». Царь совершал мирные торжественные путешествия в качестве верховного монарха, сопровождаемый двором и частью войска. Так политическая реальность империи становилась видна всем. Но являться перед всеми подданными физически было возможно лишь время от времени. Поэтому Навуходоносор велел изваять рельефы на скалах, чтобы они навеки засвидетельствовали его могущество. Эта традиция восходила к III тысячелетию, в VII веке ее соблюдали и ассирийцы, так что тут царь не выдумал ничего нового.

Нетленными памятниками «пастырства» вавилонского царя над азиатским континентом стали рельефы в Нахр-эль-Кельбе и Вади-Брисса.

Утесы к северу и югу от нынешней «Собачьей дороги» (Нахр-эль-Кельб) в Ливане неоднократно служили царям в этом качестве: до Навуходоносора там были выбиты три рельефа фараона Рамзеса II и шесть, приписываемых ассирийским царям (последний из них — Асархаддон).

Навуходоносор приказал поместить свое изображение на северной стене; выбора у него не было — весь южный утес уже был покрыт изображениями и надписями его предшественников. Но место оказалось очень удачным: вавилонский царь символично помещен лицом к лицу с побежденными врагами — египетским фараоном (бывшим господином Азии, откуда Навуходоносор изгнал его) и ассирийцами, уничтоженными его отцом. Очень оживленная дорога, свя-

зывавшая Бейрут с Библосом, в то время шла, нависая над морем, у самого подножия скал, так что рельефы были открыты для обозрения всем путникам.

Место, ныне называемое Вади-Брисса, было выбрано впервые. Эта узкая долина, протянувшаяся с запада на восток, связывает долину Верхнего Оронта со средиземноморским побережьем в районе современного ливанского Триполи. Проезжавший по ней в древности путник не мог не заметить две ниши, расположенные друг напротив друга, практически одного размера: около трех метров в высоту и пяти с половиной метров в ширину. Площади рельефов Нахр-эль-Кельба больше: их высота достигала четырех метров, ширины мы сейчас не знаем.

Царь везде изображен в одиночку. Напротив него в обеих композициях помещен лев в прыжке. Этот мотив в то время был ничуть не оригинален (в Вавилонии он встречается с середины II тысячелетия), но формы и композиция принадлежат VI веку. То, что хищник олицетворяет собой врагов Вавилона (возможно, непосредственно фараона), ясно само собой.

В Нахр-эль-Кельбе один из рельефов изображает царя, рубящего кедр; в Вади-Брисса он также стоит перед деревом, но какой оно породы, разобрать теперь нельзя. Законно ли соотнесение обеих сцен? В таком случае их можно рассматривать в качестве двух последовательных стадий царской рубки леса; возможно, Навуходносор действительно во время некоей религиозной церемонии подрубал дерево, а затем его сменяли лесорубы. Описание этого ритуала не существует; но изображенное действие царя настолько торжественно, что едва ли оно не сопровождалось теми или иными богослужебными обрядами.

Тексты пояснительных надписей почти наверняка совпали, но теперь, когда превратности погоды сильно разрушили скалу, судить об этом трудно. Надписи сделаны на вавилонском языке, но в обоих местах выбиты два параллельных варианта: в первом использована новая форма клинописи, во втором — архаическая. Одновременное применение двух шрифтов якобы разного времени имело очевидную цель: показать, что действия вавилонского царя связаны как с традицией, так и с современностью; причем, заметим, и традиция, и современность соотнесены только с вавилонской историей. Надпись, таким образом, приобретала вневременной характер; тексты Вади-Брисса и Нахр-эль-Кельба предназначались для созерцания почти в той же мере, что и для чтения.

Все четыре надписи очень мало говорят о событиях вне

Вавилонии: подвигам царя на остальной территории империи посвящен всего лишь один столбец из десяти, и рассказ о них довольно схематичен. Зато много раз встречаются упоминания (впрочем, заимствованные из местных источников) о религиозных и воинских трудах в Вавилоне и Барсиппе, а также перечисляются иные стольные города. В частности, Навуходоносор сообщает о строительстве священных ладей богов Мардука и Набу, излагает подробности жертвоприношений в главных храмах. В заключение он повествует о восстановлении отцовского дворца.

Очень скромное место отведено сюжету о хозяйственном освоении Ливанских гор. Но и тут главным предметом царской заботы выступает отправка кедров в Вавилон для украшения столицы империи. Такой перекокс удивляет; но он все не означает, что Навуходоносор не ценил собственных успехов. Царь (или составитель надписи, кто бы он ни был) явно подражает официальным надписям ассирийцев, а те любили предварять свое повествование рассказом — часто весьма многословным — о более ранних событиях, в то время как его центральная, с нашей точки зрения, часть излагалась кратко и сухо. Эта диспропорция не имела никакого значения, поскольку, хотя это сейчас и кажется странным, важность события тогда не измерялась числом строк, посвященных ему.

Рельефы и тексты высекались именно для всей империи. Их вдохновитель прямо говорит об этом: памятники на скалах изваяны затем, чтобы «ни один <чужеземец> не пришел угнетать» местные племена. Тем не менее взгляд на подвластные народы — явно вавилонский; а вавилоняне хотя, спору нет, были милостивы к подданным, но не считали необходимым говорить на их манер. Свою речь они обращали прежде всего к соотечественникам — жителям Месопотамии. Ведь если бы Навуходоносор имел намерение адресовать свои слова более широкой аудитории — всем подданным своей империи, умевшим читать, то он прибегнул бы в надписях к арамейскому языку.

Несмотря на то что в империи случались кровавые вооруженные столкновения, само ее существование, несомненно, благоприятствовало развитию экономики «Благодатного полумесяца»; мир позволял вести торговлю с дальними странами, а главное — обеспечивал населению спокойную жизнь. Однако вавилоняне не прикладывали никаких усилий для развития областей, расположенных между Евфратом и Средиземным морем. Их занимало только политическое доминирование, причем занимало, можно сказать, эгоистически. Надписи Вади-Брисса и Нахр-эль-Кельба наглядно демон-

стрируют уозость их интересов. Они прославляют исключительно Навуходоносора — его военные триумфы и достижения в мирное время. Причиной тому было представление вавилонян об империи, основанное на признании царя Вавилона ее олицетворением.

Это подтверждает одной любопытной деталью на рельефе Вади-Брисса. Даты в этой надписи нет, как и в других официальных надписях Навуходоносора. Видимо, она высечена после 597 года, так как в ней говорится о победе, одержанной вавилонянами в Ливане; впрочем, рассказ весьма расплывчат, так что можно предположить, что речь идет о военной кампании другого года. Как бы то ни было, позже (может быть, намного) в начале старого текста было добавлено обращение к богине Гуле. Она считалась прежде всего «целительницей», «богиней лечащей», так что ее влияние на жизнь людей было совершенно несоразмерно скромному месту, которое она занимала в божественной иерархии. Во всяком случае, универсальной богиней она не была. Эту странную «приписку», несомненно, можно объяснить одним эпитетом: как говорил сам Навуходоносор, Гула — богиня, «возвышающая славу царства». Тем самым он подчеркивал, что речь идет не о его реальной власти, а о его репутации верховного государя; именно она оказалась под угрозой, и не имело значения, что причиной тому был он сам, а не его враги. Эту угрозу можно понять однозначно: царь был так тяжело болен, что возникли сомнения, может ли он править государством. В сущности, Вавилонское царство, бесспорно, обладало военными средствами, чтобы держать империю в покорности и предотвратить ее распад; в этом никто не сомневался, несмотря на временную немощь «пастыря». Тем не менее отход Навуходоносора от дел ставил под сомнение саму идею империи — это-то и было важно. Милостью богов здоровье было возвращено Навуходоносору, и несколько строк, высеченных в Вади-Брисса, должны были сообщить об этом племенам «Благодатного полумесяца». Империя утвердилась вновь — не в географическом смысле (с этой точки зрения она и не распадалась), а в смысле укрепления ее идейных основ.

Эти единственные скреплявшие государство узы — в лице самого Навуходоносора — вполне могли казаться достаточными. Царь и его современники этим удовлетворялись. Они не боялись внутренней угрозы; обычный порядок ведения дел был проверен временем, и его результаты, в общем, оправдывали его сохранение. Значило ли это, что строительство империи было завершено? Преемники Навуходоносора усомнились в этом и озаботились поиском решений на будущее.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ ВАВИЛОНИЯ

«НАВУХОДОНОСОР, ЦАРЬ ВАВИЛОНА»

Так и правил Навуходоносор «Благодатным полумесяцем». Конституции у него не было; никакое твердое правило не регулировало выбор нового главы государства: когда старый царь сходил со сцены, руководством к действию служили тысячелетние обычаи. Жители Вавилона покорялись, потому что покорность государю всегда подразумевалась сама собой. Они считали царство, так сказать, естественным явлением, никогда не оспаривая его легитимность. Разумеется, они при случае старались защитить перед царем свои интересы, но сам принцип царства оставался всегда бесспорным. В конце II и начале I тысячелетия царская власть была очень слаба; фактически города Вавилонии обладали независимостью: они имели самоуправление и по собственному усмотрению строили отношения с другими городами. Однако их писцы по-прежнему датировали документы годами правления государя. Когда центральная власть показала свою силу, это ощущение лишь окрепло; с приходом к власти Навуходоносора оно уже было обеспечено. Эту мысль выражали и пословицы: «Народ без царя, что баран без пастуха» или «Народ без главы, что вода <в канале> без поливальщика».

Начало царствования наглядно и вместе с тем символически оформлялось коронацией. Обычно говорилось, что новый царь «воссел на престол». Сама церемония описана в одном-единственном и, к сожалению, поврежденном документе. Рукопись, без сомнения, относится к VI веку, но неизвестно, к тому ли времени принадлежит сам текст: он может представлять собой лишь копию более раннего доку-

мента. Во всяком случае, описание интронизации царя напоминает рассказ о восшествии на престол бога Мардука, содержащийся в одной из поэм о сотворении мира — «Эну-ма элиш»*. Именно таким образом другие боги признали его своим владыкой. Но был ли светский церемониал копией священного — или наоборот?

Лакун в тексте столько, что восстановить, и то по наитию, можно лишь основные эпизоды. Коронация проходила как нельзя более просто. Во дворце будущего царя встречало собрание «князей страны» (как можно предположить, дворцовых сановников его предшественника) и благословляло его именем Мардука. После этого царь восседал во славе. Затем входили «великие в Вавилонии» — очевидно, политический и административный штат провинций; они располагались перед царем и также одобряли его избрание. Считалось, что «князья» и «великие» выступают от имени всей Вавилонии; жители же остальной империи не были представлены вовсе. Процедура была чисто светской, никаким религиозным актом провозглашение нового царя не утверждалось. Любопытно, что поколением позже (в 556 году) Набонид о своей интронизации рассказывает совершенно иначе: «...<мои люди> ввели меня во дворец, и все пали ниц передо мною, и лобызали мои стопы, и провозгласили царство мое, благословляя». Возможно, четких правил проведения церемонии публичного признания царя вовсе не было.

На Древнем Востоке царский титул отражал и достижения, и задачи правления: по традиции в нем перечислялись свершения и направления будущих действий. Первые к тому же служили гарантией серьезности намерений, свидетельством того, что они не являются легковесными прихотями: прошлое предупреждало всякого, кто мог иметь неосторожность так подумать или на это понадеяться.

Прошлое Навуходоносора было обильно наполнено разнообразными событиями. Современному читателю подобные перечни часто кажутся скучной чередой наугад сцепленных громких слов, проявлением чуть ли не ребяческого тщеславия. На самом деле они чрезвычайно важны для историка: поскольку никаких других прямых или косвенных источников у нас нет, они становятся единственным средством, с помощью которого можно попытаться понять мысли государя. Именно таким способом Навуходоносор рассказывал, кем он являлся (по его собственному мнению), кем хотел бы стать или кем хотел считаться в глазах современни-

---

* «Тогда вверху» — по первым двум словам оригинала.

ков и потомков. Конечно, вавилонский царь, как и все правители его времени, не умел ни читать, ни писать и для сочинения писем и надписей был вынужден доверяться писцам; несомненно, тексты составлялись под его контролем — государю необходимо было всякий раз убеждаться, что запись соответствует его намерениям. Этим и объясняется неизменность государственной доктрины на всём протяжении царствования. Тем не менее при работе с документами следует соблюдать осторожность и отделять выражение царской воли от литературных прикрас сочинителей, даже если они и были, в сущности, направляемы владыкой. Мы не знаем, какие именно фазы проходило составление документов, но не приходится сомневаться, что слова для них подыскивались очень тщательно.

От Навуходоносора до нас дошло примерно 95 официальных надписей: в подавляющем большинстве они исполнены на глине, несколько — на камне. Даже при всех утратах и повреждениях текстов мы, видимо, располагаем более или менее полным корпусом документов, составленных писцами для своего царя. В первую очередь такие документы предназначались не для людей; доказательством служит тот факт, что часто они закладывались в ларцы, которые ставились у подножия возводимых стен; в конце строительства их запирали и зарывали в землю. Тексты становились недоступными для обозрения, но, строго говоря, не прятались: при будущей реставрации строители должны были без труда их найти; тогда старым табличкам воздавались почести, а на их место закладывались новые. Во всяком случае, именно такие правила предписывались традицией. В то же время истинные адресаты глиняных писем — боги — могли, как считалось, прочесть таблички, даже не имея их у себя. Таким образом, Навуходоносор и его писцы никак не злоупотребляли доверием богов: те, кого нельзя обмануть, немедленно открыли бы неправду и даже преувеличения. Впрочем, рельефы Нахр-эль-Кельба и Вади-Брисса были высечены для того, чтобы их прочла вся империя, а между тем их содержание не отличается от документов, составленных собственно в Вавилонии. Поэтому у нас сейчас есть все резоны пользоваться этими сведениями без скепсиса и опасений.

Некоторые надписи оставались доступными для чтения: они были отгиснуты на кирпичах, а кирпичи уложены в стены и, стало быть, всем видны; к тому же официальные архивы сохраняли их копии. Удовольствовался ли Навуходоносор надписями на глине — или стремился запечатлеть их

в камне, для чего возводил стелы? Некоторые фразы, оставшиеся на глине, позволяют это предположить: «Да прочтет и перечитает сведущий обо всех моих делах, которые я записал на скрижалях, и да не забудет хвалить богов» или «Я записал все мои превосходные дела на скрижалях и крепко утвердил их навеки». Слово, которое мы здесь переводим как «скрижали», могло означать и большую глиняную плиту, и каменный памятник. Но таких памятников не обнаружено, что, разумеется, не доказывает того, что их никогда не было.

Подавляющее большинство вавилонян не знало свершений и планов своего царя, которые доверялись только клинописи. Если бы политическая власть прибегла к рисунку, рельефу или круглой скульптуре, она могла бы гораздо шире распространить свои идеи и свою волю; у нее появилось бы средство влиять на общественное мнение и в конечном счете согласовывать его со своими планами. Но это средство не применялось. Впрочем, наше утверждение справедливо только для Вавилонии; на землях империи Навуходоносора, как мы видели в предыдущей главе, всё-таки поступал иначе. Ассирийцы же широко пользовались для пропаганды изобразительными средствами: барельефы, украшавшие их дворцы, наглядно представляли торжество монархов и наказание их врагов. Вавилоняне полностью отвергли эту практику прежних веков.

Навуходоносор приписывал или разрешал приписать себе всего около шестидесяти титулов. Он позаимствовал их примерно у тридцати различных ассирийских и вавилонских царей. При этом больше пятой их части восходит к Асархаддону. Если к этому прибавить титулы, взятые у других царей той же династии: деда Асархаддона Саргона II (721—705) и его сыновей, включая последнего ассирийского царя Синшарру-ишкуна (623—612), — доля ассирийских титулов становится подавляющей. Вавилонские же цари источников для составления титулатуры Навуходоносора почти не дали. Даже от своего отца Набопаласара и от Навуходоносора I, во многом служившего образцом для его царствования, он перенял совсем немного официальных прозваний. Таким образом, ассирийская политическая традиция пережила саму Ассирию. Она, правда, стала прикровенной, но могла и вновь войти в силу.

Что общего было между государями, титулы которых писцы Навуходоносора взяли за образец? Прежде всего то, что на практике их надписи сочинялись именно в Вавилонии и были легко доступны писцам VI века. Возможно, другие цари игнорировались отчасти и потому, что их офици-

альные документы на глине и на камне со временем были утрачены.

Кроме того, все цари, чья титулатура была позаимствована Навуходоносором, ставили перед собой одну и ту же задачу — активно и непреклонно стремились сохранять единство Вавилонии. Отдельные части страны могли им противиться, а Сеннахериб очень плохо обошелся даже с самим Вавилоном. Но Навуходоносору это было не важно, главное — ассирийский царь действовал в приемлемом для власти Вавилона направлении.

Из царей, правивших ранее I тысячелетия, он обратился лишь к одному — Хаммурапи. Чаще, чем к нему, делаются отсылки только к Асархаддону. Именно этот царь в XVIII веке впервые с начала тысячелетия объединил под своей властью всю долину Тигра и Евфрата. Дело его пережило своего создателя лишь на несколько лет, но память о царе осталась. Впрочем, посмертная слава Хаммурапи была скорее книжной или, точнее сказать, школярской. Его сборник законов, обычно называемый «Сводом», стал классическим; впрочем, в школах читали и толковали главным образом вступление и заключение к нему. Текст из века в век переписывался на глиняных табличках. У писцов Навуходоносора он явно был на уме; они очень любили припоминать его, не упуская случая повсюду и непрестанно делать из него заимствования. Об этом свидетельствуют и наскальные надписи Вади-Брисса, так что отголоски древнего кодекса дошли и до областей «Запада».

Самое длинное именование Навуходоносора, включающее 28 титулов, было употреблено при реконструкции храма бога-солнца в Сиппаре; на подписанных кирпичиках, найденных в Уре, титулов всего три. Пространность или краткость, бесспорно, имели смысл: Навуходоносор, как видно, был равнодушен к южным областям своего царства, все его интересы обращались к северным городам; писцы же были тем красноречивее, чем большее личное участие принимал царь в составлении текста. В текстах Нахр-эль-Кельба и Вади-Брисса употребляется 17 титулов — не больше чем в среднем по царским надписям. Можно было ожидать иного; между тем эти официальные надписи оказались скромнее, нежели рассказ, посвященный такому ничем не примечательному храму, как сиппарский, который хотя и назывался «Вечным домом», однако до VI века исследователям не известен. На самом деле содержание текста следует считать более важным, чем количество титулов. С течением времени пространность титулатуры не росла. Правда, две надписи, которые

сейчас считаются самыми ранними, содержат лишь самые основные титулы, но они же встречаются на всех кирпичных клеймах на всём протяжении царствования во всех местах, где при Навуходоносоре возводились монументальные постройки. Империя в них никак не упоминается; ее существование лишь подразумевается, когда к царю применяется определение «пастырь». Только таким образом она противопоставляется «стране», то есть Вавилонии. Составляя надписи, Навуходоносор явно думал лишь о ее жителях, а не о возможных читателях из других стран. Напротив, Кир — первый персидский властитель, правивший в Вавилоне, — захватив власть, сразу заявил о себе как о «царе Вавилона» и «царе стран». Впрочем, один писец и Навуходоносора однажды назвал «царем вселенной», что означает то же самое; но то была его личная, единичная инициатива, которая впоследствии не была подхвачена. По той же логике Навуходоносор отказался и от титула «царя могучего», хотя еще его отец Набопаласар позаимствовал его у ассирийцев. Это прозвание было не простой похвалой: приписав его себе, ассирийские монархи VII века официально поставили себя выше не только всех князей своей империи, но также и независимых государей, начиная с египетского фараона. Таким образом, речь шла о серьезнейших дипломатических амбициях. Отказавшись от этой формулы, Навуходоносор ограничил свои притязания пространством, над которым он фактически господствовал, подразумевая тем самым отказ от всемирного царства. Это было продиктовано не столько скромностью, сколько здравым смыслом.

Царские эпитеты можно подразделить на несколько рубрик. Мы это и сделаем, но порядок титулов в самих надписях постичь нелегко. Мы уже не в состоянии разобрать, по каким причинам то или иное именование занимало первое место в списке. Создается впечатление, что в этом смысле их составители были очень раскованны. Но есть одно важное исключение — такая последовательность: «Царь Вавилона, смотритель Дома с высокой кровлей и Дома правды, сын Набопаласара, царя Вавилона». Эти строчки представляли собой базовый титул, необходимый и достаточный. Все остальные дополнения вставлялись в эту неизменную раму. Этот краткий текст использовался в тех случаях, когда царь не отдавал повеления сочинить какую-либо особую надпись. Его можно найти на кирпичях вновь построенных зданий по всей стране.

Навуходоносор был — вернее, постоянно называл себя — царем «разумным», «мудрым», «глубокомысленным», «сведу-

щим», «заботливым», «сильным», «ученым», «умелым», «пекущимся о благе». Только один эпитет у него оригинален — «испытанный»; его надо понимать так: события выявили, каким был Навуходоносор на самом деле. Это столь наивно проявленное самодовольство сегодня вызывает улыбку, но ирония здесь напрасна. Ведь и предшественники вавилонского царя часто говорили о себе. Их умственные качества действительно были важны для всех. Надписи создавали не что иное, как образ идеального государя, указывали на одно из основных качеств, необходимых для исполнения его миссии — ум и даже «хитроумие». Вспомним, как Библия представляет нам Соломона: умение решать загадки — явно не последнее среди его дарований.

«Царь правды» — эпитет, касающийся не только нравственных качеств, но и царской власти. Официально Навуходоносор использовал его лишь в надписи Вади-Брисса (возможно, также и в Нахр-эль-Кельбе, но текст в этом месте стерся). Приписывая себе такой титул, вавилонский царь на деле брал на себя роль бога-солнца.

Зато, как ни странно, собственно политических эпитетов встречается немного. Титулы Навуходносора этого типа делятся на две категории. Большая часть заимствована у прежних царей, ассирийских и вавилонских, вплоть до XVIII века. Тем самым, ссылаясь на прежних властителей, монарх некоторым образом утверждал себя в качестве их преемника. Он публично показывал, что видит в них образцы, направляющие его действия. Но кроме того, он принял некоторые собственные именованья; другие, часто встречавшиеся в прежние времена, напротив, отверг, и такой отказ также поучителен.

Навуходоносор называл себя «вождем», но это не имеет большого значения. Отец его хвалился тем, что «укрепил основания страны», вторя в этом Навуходоносору I. И тот и другой, безусловно, имели право приписывать себе эти заслуги: разделенные шестью веками, оба вернули Вавилонии независимость и безопасность. Навуходоносор II на какое-то время принял эту формулу, но потом отбросил; ему казалось, что она больше не соответствует действительности. Царь был обязан соотноситься с реальностью, иначе он мог потерять всякое доверие современников.

Когда царь называл себя всего лишь «правителем Вавилона», пускай даже «неутомимым» или «непременным», это не было свидетельством его слабости. Так именовали себя ассирийские цари VII века, когда они царствовали в Вавилонии. Тогда этот титул должен был пониматься как обозна-

чение государя заботливого и преданного, власть которого была ближе и милостивее, чем более строгая власть «царя». Навуходоносор перенял этот титул у Набопаласара, а тому было очень важно показать свое благорасположение вавилонским городам, поскольку они ему не слишком доверяли.

Среди титулатуры Навуходоносора встречается мало эпитетов, относящихся к сельской жизни. Царь, между прочим, был «земледельцем Вавилона», «копящим огромные закрома зерна», и даже «поливальщиком, орошающим поля». Об этом аспекте политики Навуходоносора вряд ли можно говорить всерьез. Его деятельность в этой области не была настолько заметной, чтобы считаться достойной обязательств перед обществом, отраженных в титулах. Тем не менее Навуходоносор был «держателем земли». Такое именование политического деятеля восходит к самым истокам цивилизации Нижнего Двуречья: «держатель земли» тогда отвечал за городское поле, организовывал в каждом населенном пункте труд земледельцев и вследствие этого являлся в нем главным лицом. Его должность как таковая исчезла в III тысячелетии, но само словосочетание сохранилось; с тех пор оно обозначало правителя — постольку, поскольку он заботился о крестьянах.

Надписи лишь вкратце упоминают о Навуходоносоре как полководце (с оговоркой, что это утверждение справедливо для письменных памятников Вавилона и несколько меньше — для наскальных надписей). Однако он выступал в этом качестве часто и успешно. Легкомысленным был бы вывод, что он неохотно выполнял эту царскую функцию. Вавилонская хроника показывает его во главе войск своего отца, когда он еще являлся наследником престола. Уже тогда в трудной борьбе на Евфрате с египтянами он проявил твердость и хладнокровие, мужество и отвагу. Став царем, он никому не передоверил мобилизацию войска и руководство им в бою. В течение своего царствования он вел войны смело и решительно. Просто в качестве вавилонского царя он не считал нужным делать публичной эту сторону своей деятельности. Его отец, конечно, тоже был в этом отношении скромнен; но тут скромность, может быть, происходила от затруднительного положения: победитель ассирийцев предпочитал не слишком афишировать свою причастность к разрушению их городов и храмов. Два поколения спустя отголосок этой позиции отозвался у Набонида, решительно отрицавшего виновность своего предшественника: царь-де мидян, «без совести поступаая, разрушил жертвенники всех богов страны Ашшур. <...> Поклонение им он уничтожил,

всем без исключения, города их обратил в пустыню хуже потопа. Царь <же> вавилонский не поднял руки, чтобы уничтожить поклонение богу, не сделал дела, мерзкого перед Мардуком».

Навуходоносору же нечего было скрывать: всё, что он делал, делалось им по своей воле. Однако вавилонянам царь говорил лишь о том, какими трудными путями ходил. Он являл им себя неким неутомимым путешественником — и не более: царь предстал тем, кто «всегда подымался на далекие горы, взбирался на высокие вершины». Лишь в надписи Вади-Брисса он упомянул о военной цели своих разъездов: «...Дальние страны, далекие горы, от Верхнего моря до Нижнего моря, дурными дорогами, глухими тропами, где задерживался шаг, некуда было ступить ногой, тяжелыми путями, дорогами жажды я прошел, непокорных перебил, пленил врагов»*. В тексте, предназначенном для всей империи, обязательно должен был содержаться отчет о победах — его отсутствие сильно удивило бы племена, которые были их свидетелями; но отчет этот краток и тривиален. Да и в надписях, адресованных жителям своей страны, Навуходоносор выражается расплывчато: называет себя государем, «связавшим врагов», «убившим мятежных», «удалившим злых и угнетающих племена». Сделан ли здесь намек на его средиземноморские победы? Эти слова могут применяться и к каким-то мятежным вавилонянам, и даже просто к нарушителям правопорядка. Автора этих формул их двусмысленность нисколько не смущала. Навуходоносор просил того или иного бога даровать ему победу, но и эти просьбы сохраняли неопределенный тон. «Да сопутствует мне твое воинство яростное и безжалостное для врагов, вооруженное, бряцающее оружием!» — таким восклицанием завершается надпись Навуходоносора в честь «царя Марада» — бога-воина. Столь сухие выражения тем поразительнее, что в ассирийской традиции повествования о войнах, напротив, занимают первое место, чрезвычайно пространны и по-настоящему живописны. А ведь Навуходоносор совершил воинские подвиги, не уступающие достижениям ассирийских правителей. Таким образом, совершился полный разрыв с весьма близким прошлым, и случилось это по воле царя Вавилонского.

Навуходоносор утверждал, что был непосредственно сотворен богами. Однажды он выразился точнее: Мардук «зачал

---

* Цит. по: *Белявский В. А.* Вавилон легендарный и Вавилон исторический. М., 1971. С. 93.

существо <мое> в лоне матернем». Этот мотив на Ближнем Востоке был достаточно расхожим. В надписях вавилонского царя он трактуется очень сдержанно: Навуходоносор явно не придавал ему большого значения — с него хватало именоваться «сыном Набопаласара», было вполне достаточно человеческой генеалогии.

Царь говорит о своей «ревностности» к богам, их «почитании», о «страхе богов» (богобоязненности), о своей любви к благочестивым подвигам. Он утверждает даже, что «обратил суждения людей к должному почитанию богов великих». Всё это — не что иное, как традиционные формулы, к тому же их неоригинальность в большой мере предопределялась официальным религиозным статусом монарха. Когда царь говорил о себе, что «был паломником в храмах Набу и Мардука», это отнюдь не значило, что он в самом деле принимал участие в конкретном религиозном обряде. Вавилонские цари, подобно всем прочим мирянам, всегда стояли в стороне от храмовых ритуалов. В помещение, где обитал бог, имели право входить только жрецы.

Все вавилоняне были политеистами — в том смысле, что поклонялись многим божествам. Но эти боги принадлежали к разным мирам. Прежде всего существовали боги — покровители города, обитавшие в главном храме; такое божество было, так сказать, соотечественником, но в то же время оставалось достаточно далеким. Кроме того, вавилонянин почитал попечителя своей ремесленной гильдии; наконец, родители давали ему покровителя, когда нарекали имя. Впрочем, невзирая на их решение, каждый человек, достигнув совершеннолетия, мог свободно выбрать бога или богиню специально для себя; отныне это божество помогало ему во всех жизненных превратностях. Такой покровитель избирался каждым, кто имел возможность выбора; его имя упоминалось на личной печати человека наряду с именем отца и ремеслом. Это предпочтение всегда было личным делом каждого человека; за ним стояли мотивы или чувства, которых мы не знаем. В этом отношении вавилонянин не был связан ничем: даже жрец одного божества мог поручить себя милостивому попечению другого.

Навуходоносор вел себя точно так же, как любой из его подданных. Личным богом он избрал не Набу, в честь которого был назван, а солнечного бога города Сиппара. Он объявил себя его «слугой». Это непритязательное на первый взгляд слово означало в Вавилонии личные, а не установленные ритуалом отношения между человеком и богом (или богиней).

Бог-солнце долго оставался второстепенной фигурой пантеона. Правда, он пекся о нравственности всех, кто попадал в поле его зрения на протяжении его дневного пути; но он мог вызывать и неприязнь, поскольку ассоциировался со слепящим светом и палящей жарой Нижней Месопотамии. Его сравнивали со львом, ибо он «пожирал», как хищник. Однако во второй половине II тысячелетия популярность этого бога заметно возросла. Дело в том, что с этого момента и до конца тысячелетия вошло в обычай задумываться о добре и зле. Все ощутили потребность в божестве, отделяющем добрых от злых и хранящем добрых. Бог-солнце, справедливейший из богов, превосходно подходил для этой роли. Так и для Навуходоносора главной задачей было установить в своем государстве правосудие; среди его титулов встречалось и определение «пекущийся о правах приговорах».

Бог-солнце был главным и при обращениях к оракулу — он направлял действия прорицателя. Иными словами, к его совету прибегали перед всяким важным решением. Он (об этом упоминает Навуходоносор) «всегда несомненно отвечал утвердительно» на вопросы своего царственного почитателя. Таким образом, именно он в конечном счете направлял действия царя. Эта его функция была очень важна для монарха, который без божественного соизволения ничего не строил и не перестраивал. Бог даже побуждал его к этому: если верить его «слуге», именно он «велел восстановить стольные города богов и богинь».

Тон официальных надписей чаще всего был чопорным. Но когда речь заходила о боге-солнце, в них звучала искренняя страсть, непосредственное и глубокое религиозное чувство. Надо сказать, что этот порыв относился не к солнечному божеству вообще, но именно к тому представителю пантеона, который «жил в Сиппаре», в храме под названием «Блистательный дом»*. Навуходоносор велел восстановить храм того же бога и под тем же названием и в Ларсе; но контраст между сообщениями об этих двух событиях бросается в глаза: рассказ о северном городе одушевлен, о южном — сух. В Ларсе Навуходоносор представлен как «царь Вавилона»; в Сиппаре этого титула нет, как будто он действовал, так сказать, в качестве приватного благотворителя; в таком случае дело совершалось по благочестию частного лица, а не было актом монарха, исполнявшего государственные обязанности. По крайней мере именно такое впечатление хотел создать строитель храма.

---

* Эбара (*шумер.*).

Личный бог для каждого, естественно, был заступником за своего адепта перед теми божеествами, к которым он не смел обращаться прямо. Образным выражением этого посредничества была сцена, часто вырезавшаяся на печатях: стоящее божество держит за руку своего робкого почитателя, подводя его к великому богу, сидящему во славе на престоле. Так и божественный Судия был ходатаем за Навуходоносора. С его помощью царь решился в начале своего царствования, когда завоевание империи еще не было закончено, просить у Мардука покровительства своим войском. Навуходоносор был вполне уверен в попечении своего бога и с удовольствием подтверждал, что получал от него всё, о чем просил: «Вздыхал ли я руки <к нему>, вздымание рук моих он принимал и молитвы мои исполнял».

У Мардука, если можно так выразиться, была небыстрая карьера. Как ни трудились его жрецы в Вавилоне, чтобы его признали одним из величайших богов, их усилия растянулись на пятьсот лет, и при всём своем упорстве они добились не очень большого успеха, что было поводом для огорчений и зависти. Здесь нужно пересказать эту историю в основных чертах, иначе будут непонятны причины кризиса, сдерживаемого при Навуходоносоре и разразившегося в правление одного из его преемников, Набонида.

В конце III тысячелетия (о более ранних временах мы ничего не знаем) Мардук являлся сельским богом; его символом был инструмент садоводов — мотыга. Храм его находился в селе Памбали. Происхождение этого названия неизвестно, как и этимология других названий вавилонских городов. С течением времени его стали объяснять по созвучию: Памбали стало называться Баб-Или, «врата богов», по нашему — Вавилон.

В то же время этого деревенского бога стали считать изгоняющим злых духов, но он оставался фигурой местного калибра. Между тем поклонники Мардука упорно приписывали своему покровителю непререкаемый авторитет в этой области; так он был признан сыном (а значит, учеником) «господина земли»*, а этот бог пользовался огромной популярностью в качестве покровителя магических искусств. С тех пор «отец» льстиво уверял, что его «сын» знает не меньше его самого, что ему нечему было учить Мардука; во всяком случае, такие скромные уверения приписывались ему в гимнах. Город, где жил Мардук, стал столицей независимого княжества в XIX веке, затем Хаммурапи объединил вокруг

---

* Эа (Эйа) (аккад.).

него всю страну. Но даже это мало послужило на пользу вавилонскому богу: его сияние по-прежнему не распространялось за пределы его местопребывания. Впрочем, Хаммурапи и не проявлял особого преклонения перед ним. Тем не менее по такому случаю Мардука ввели в круг великих богов, однако иерархия вавилонского пантеона не изменилась.

Лишь в XIII веке вавилонские жрецы сочли себя в силах решительно возвысить своего бога. Они сочинили, среди прочего, гимны в его честь. Гимны эти имели большой успех (если не богословский, то поэтический) на всём пространстве до Средиземного моря. В 1157 году эламиты разграбили Северную Вавилонию и похитили статую Мардука из «Дома под высокой кровлей». В 1124 году, придя к власти, Навуходоносор I напал на Элам, взял Сузы и вернул бога в Вавилон. Забрать бога у врага — символическое действие, доказывающее, что государство вернуло себе силу; такие возвращения отмечают поворотные пункты вавилонской истории. Триумфальная церемония вызвала сильные чувства. Возобновление культа, прерванного вынужденным пребыванием божества в руках чужеземцев, вновь обеспечивало царству процветание. Prestиж Мардука в его стране тотчас стал огромен.

Тогда бог Вавилона был отождествлен с Энлилем, «господином дуновения». В действительности путь к этому тождеству показали ассирийцы, уже в XIII веке соединившие Энлиля и своего племенного, а потом национального бога Ашшура. Им было очень важно наделить его всемирной властью, ибо они желали господствовать над Ближним Востоком и, в частности, над вавилонянами. Выбор именно Энлиля был определен его чрезвычайной древностью; он являлся самым царственным персонажем пантеона, начиная от корней цивилизации в низовьях Тигра и Евфрата. Он представлял собой силу на службе власти и порядка; в частности, он обеспечивал легитимность любой политической власти. У поклонников вавилонского бога не было выхода лучше, чем взять у своих врагов одно из местных божеств и объединить его с Мардуком. С этого момента личные способности последнего расширились почти парадоксальным образом: он знал магию и имел средства облегчать страдания человечества; он был прежде всего богом «сострадающим». В то же время, как наследник «повелителя дуновения», он был малоуязвим и мог проявлять жестокость. Мардук стал космическим божеством; он повелевал стихиями и в конце концов взошел на вершину пантеона.

Между тем жители Вавилонии были крепко привязаны к

религиозной традиции и не понимали, как можно ее переменить, а внезапное возвышение Мардука полностью переворачивало всю божественную иерархию. Тогда служителям Мардука пришлось реагировать на непонимание, а может быть, и неприятие новшества. Чтобы объяснить и оправдать возвеличивание своего бога, они сочинили миф о сотворении мира — поэму «Энума элиш». Примерно в 1 200 стихах там излагалась вся история мироздания. Первые существа воспылали злобой к своему слишком, на их взгляд, шумному потомству — божествам, почитавшимся в храмах вавилонской страны. Молодые боги уклонились от боя, не смея сражаться с силами, породившими их и казавшимися неодолимыми. Тогда явился Мардук, предложил сделку: если боги отдадут ему первенство, он обязуется навсегда избавить их от беды, — и получил торжественное, нерасторжимое согласие. После этого автор описал разразившуюся грозную битву: очевидно, он хотел оправдать отход от власти тех, над кем теперь господствовал бог Вавилона, показав, в какой они находились опасности, и одновременно выставив на вид величие подвига, совершенного тем, кто вследствие этого стал их главой. Назначение всего рассказа — подчеркнуть, сколь громадна была ставка в этой игре и сколь доблестен победитель, причем поэма напирает на это довольно бесхитростно и неприкрыто. Одержав победу, Мардук получил свою награду: он вполне заслуженно стал «Господом богов, отцов своих» — те добровольно уступили ему первое место. Отныне только ему принадлежал этот титул.

Поэма использовалась в новогоднем ритуале. С тех пор ее читали на вавилонских религиозных церемониях; служители «Дома под высокой кровлей» ввели ее и в чин богослужения, откуда ее уже нельзя было изъять; далее они создали целую традицию, отказаться от которой тоже было недопустимо. Сторонники Мардука имели все основания полагать, что их дело выиграно. Но не тут-то было.

Богов в Вавилонии было немало: удалось обнаружить (правда, за всю историю страны) более трех тысяч имен. Некоторые из них были весьма почитаемы, большая же часть оставалась малоизвестной, и поклоняться им можно было только в приделе храма более важного божества. Богословы внесли в этот хаос кое-какой порядок: объединили богов в семейства наподобие человеческих. Эти группы были достаточно произвольны, но во времена Навуходоносора их состав уже давно не оспаривался.

Таким образом у Мардука появился сын Набу, который жил в Барсиппе. Поначалу значение его было скромным: го-

род у него был маленький, кое-как прозябавший поблизости от Вавилона, а харизма его отца подавляла значение всех иных божеств. Но с конца II тысячелетия вавилоняне начали всё более живо им интересоваться.

Дело в том, что Набу был богом письма. В этом качестве он сначала служил секретарем у своего отца. Затем ему было поручено в день новогоднего праздника записывать судьбы наступающего года на скрижали. Эта функция придала ему чрезвычайное, всеобщее значение: она касалась каждого вавилонянина, какое бы социальное положение тот ни занимал. Не оттого ли Набу получил исключительную известность? Это весьма вероятно, но у нас нет никаких фактов, которые позволили бы это однозначно утверждать. Тут могли сыграть роль и другие причины, остающиеся нам неизвестными. В религии есть своя мода; сейчас мы не в состоянии по-настоящему объяснить ее тенденции, а просто констатируем ее наличие. В середине I тысячелетия слава Набу возросла еще больше. Даже возвышение Мардука, целенаправленно проводившееся в то же время, не затормозило взлета карьеры его сына. В VII веке вавилонские писцы всегда ставили его имя перед именем отца. Есть и еще один недвусмысленный знак: личные имена вавилонян в равной мере включали имена как Мардука, так и Набу. Это доказывает, что простые жители одинаково почитали того и другого. Причиной такого паритета не могли быть только пристрастия интеллектуалов и богословов.

В VI веке вавилоняне считали само собой разумеющимся, что Набу — их национальный бог. Они даже отдавали ему преимущество перед Мардуком. Что же до официальных текстов Навуходоносора, в них для нынешнего читателя не всё ясно. На первый взгляд иерархия богов в них не установлена: первенство отдается то одному, то другому. Кажется, будто Навуходоносор поддерживал равновесие между ними. Быть может, в качестве главы государства он поощрял поклонение и тому и другому божеству, не проявляя собственных предпочтений? Или вавилонский государь почитал обоих вместе? «Я люблю поклоняться <обоим> богам», — говорил он. Но все эти уверения создавали лишь видимость, которая рассеивается при внимательном чтении. В действительности Навуходоносор — или те, кто влиял на него (хотя он так или иначе утверждал их выбор), — на протяжении всего его царствования неизменно держался одной доктрины. Нет сомнений, что в общих чертах она была разработана уже при Набопаласаре, а впоследствии вавилонские цари придерживались ее и применяли.

Мардук называется прежде «своего сына законного» Набу, когда речь идет о Мардуке всемирном. При обратном же порядке следования бог-отец понимается лишь как божество одного города — Вавилона. Уже Набопаласар различал эти две его ипостаси. Он также позволял себе называть божество двумя разными именами: Господин* и Мардук. Текст, посвященный Навуходоносору восстановлению дворца, воспроизводит это различие. В первую очередь Мардук в нем действует как бог Вавилона — столицы, долго остававшейся разрушенной ассирийцами, — в таком качестве «отмстивший» Ассирии. После этого на сцене появляется Мардук — владыка человечества; именно он «дал в руки <царя> народы всех стран целиком». Эти роли не смешивались; они хотя и приписывались одному и тому же богу, но в разное время.

Мардук был покровителем и инициатором восшествия на трон Навуходоносора. Его питомец не забывал об этом упоминать. «Без отдыха держу я бразды Мардуковы, и он воспитал меня», — провозглашал царь. Здесь имеется в виду бог космический, наследник и субститут древнего Энлиля. В этом качестве он мог даровать власть не только над Вавилонией, но и далеко за ее пределами — над всем человечеством. Он делал законной власть Навуходоносора повсюду, где она утверждалась. Впрочем, и Набу давал ту же самую власть над землями до Средиземного моря, вплоть до египетской границы. Но причина тому была другая: он имел полномочия делать это, потому что был верховным божеством Вавилонии, а Вавилония считала «Благодатный полумесяц» своей военной добычей — поколением ранее она с оружием в руках отобрала эти территории у Ассирии.

Это различие Навуходоносор всегда соблюдал: как «пастырь» империи он был «избранником неотменным сердца Мардукова», как царствующий в Вавилонии — «возлюбленным Набу». Между прочим, только Навуходоносор принял такой титул; его предшественники называли себя всего лишь «дорогими» для бога Вавилона. Когда же Навуходоносор вел вавилонское войско в бой, он, как и следовало, прежде искал покровительства божества, чьих почитателей вел за собой, то есть бога всех вавилонян — Набу. В этих случаях тот по протоколу и именовался первым. Так было всегда, когда Навуходоносор действовал только как царь «страны», а не глава империи. Как без обвиняков заявляет государь, «Набу всегда ведет подле меня войско могучее, не-

---

* Бсл (аккад.), Ваал (евр.).

сокрушимое, поражающее моих врагов, побеждающее моих противников». С этих же позиций объясняется первенство Набу в надписях Вади-Брисса и Нахр-эль-Кельба; вавилонский царь хотя и говорит там о своих главных свершениях, но лишь о тех, которые он предпринимал в Нижнем Двуречье. Его победы в западных областях также были победами государя, царствующего над Вавилонией. Поэтому он и их приписывал «силе» главного владыки своего царства — Набу.

Из-за этих теологических и политических тонкостей царские слова могли утратить ясность и простоту, из них никак не исчезала неприятная двусмысленность. Но при Навуходносоре писцы совершенно не пытались преодолеть ее. Быть может, им даже нравилась возможность от нее не отказываться. По здравому рассуждению, она устраивала всех: Навуходносора, жителей Вавилонии от севера до юга, служителей «Дома под высокой кровлей». Никто не был кровно заинтересован в том, чтобы защищать положение Мардука по отношению к его сыну, а их смешение делало спор на эту тему бесплодным.

Может статься, жрецы даже сознательно поддерживали этот синкретизм: в вавилонском храме Мардука они служили и на алтаре Набу. Его придел получил то же имя, что главный храм этого бога в Барсиппе: «Дом правды»*. «С паперти своей приходит Набу, сын могучий, идущий из Барсиппы <...>, на праздник Нового года» и, как изъясняет Навуходносор, остается там во время церемонии. И наоборот, придел под названием «Дом под высокой кровлей», соименный главному храму Мардука, был возведен на священной площади в Барсиппе. Таким образом снималось недовольство, развеивалось подозрение, которое могло возникнуть у обеих жреческих коллегий. О каком предпочтении можно было говорить, когда всегда именовались оба храма, поскольку в обоих соседних городах были святилища обоих божеств, носившие одинаковые названия? Устанавливать иерархию между ними было бы рискованно и, в сущности, никому не было полезно. Когда Набонид сделал это, разразился кризис, конец которому положила только война.

Навуходносор, как и его предшественники, неизменно отчитывался перед богами, закончив постройку или перестройку какого-либо здания — храма или дворца. Но возможности таких сообщений быстро исчерпывались, ведь подобные предприятия не совершались равномерно на всём протяжении царствования. Впрочем, государь последова-

---

* Эзида (*шумер.*).

тельно, из одной надписи в другую повторял сведения о работах, проводившихся прежде и в других местах; иногда он ограничивался простым перечнем, но, бывало, повторял сообщения своим божественным доверителям дословно. В предыдущие века ассирийские цари обходили эту трудность: желая уведомить бога об успехе в какой-либо области — например, о победоносном военном походе, — они писали ему письмо. Табличку приносили к статуе, а если была такая возможность, даже клали ей на колени. Пользовался ли таким приемом Навуходоносор? Если да, то это объясняет, почему в дошедших до нас надписях он сообщает лишь о строительстве зданий, культовых и светских, и почти не говорит об иных событиях. Возможно, на тридцать седьмом году правления он велел записать перипетии своей борьбы с фараоном; похоже, что рассказ о них содержится на одном фрагменте таблички. Предположительно это послание было адресовано богине Гуле, но имя божества сейчас прочесть невозможно. Да и вообще сохранность таблички настолько плохая, что нельзя сделать никаких выводов о характере этого документа.

С самого начала царствования Навуходоносора его победы обеспечили ему значительный авторитет; но не желал ли он раздвинуть пределы своей власти, оправдать и утвердить ее с помощью религии? Иными словами, не хотел ли он стать для своих подданных богом? Вообще вавилонские цари и при жизни не считались богами, и после смерти ими не становились. Они рождались, жили и умирали, как прочие смертные; правили людьми, но и сами оставались людьми. Известно лишь одно исключение — Саргон по прозвищу Древний. Безусловно, его личность и судьба были необычайны, по праву удивляя как современников, так и все последующие поколения. Выйдя из безвестности, он сумел создать империю — первую в истории Ближнего Востока; он объединил под своей властью всю долину Двуречья, где прежде существовали независимые города-государства, и присоединил к ней Сирию. Литература сделала из него героя; богословские руководства приводили в качестве примеров эпизоды из его жизни, в которой большие успехи чередовались с очень тяжкими неудачами. В VI веке его культ еще отправлялся, но был не очень распространен, так что Саргон стал не более чем второстепенным божком. Тем не менее его пример мог внушить Навуходоносор или его окружению мысль о том, что монарх может быть обожествлен. Никто из его предшественников не совершал таких попыток. А Навуходоносор? Ответ будет положительным.

Это желание родилось не сразу — оно проявилось лишь в конце царствования. Да и нигде в официальных текстах Навуходоносора прямо не представляет себя божеством. Царь всегда проявлял сдержанность и благоразумие. Сильно расширив отцовский дворец (он удвоил его площадь), Навуходоносор воздержался от того, чтобы резко подчеркивать величие совершённого дела. Наоборот — из отчета, составленного по этому случаю, можно было понять, будто новое здание стояло среди городских улиц довольно неприметно. Государь заботился прежде всего о боге Вавилона и о его храме: «Страх Мардуков поселился в моем сердце, и решил я не перестраивать улиц, расширяя обитель царства моего, и не уменьшать храма Мардукова <...>. Так делал я, чтобы расширить обитель свою».

Но эти строки говорят не просто об удачном архитектурном проекте. Внимательно прочитав их, современники не могли обмануться. Градостроительные планы были чрезвычайно обширны, воплощавшиеся в них амбиции — также очень велики, и слова подбирались так, чтобы это изящно подчеркнуть. На самом деле новое здание описано как храм. Слово «обитель» (чтобы не было никакой двусмысленности, при нем стоит определение «пречистая») обозначало тайное внутреннее помещение святилища, где жил бог и только он. До Навуходоносора только раз дворец был назван «обителью» — на такое отважился Сеннахериб. Совпадение не было случайным: ассирийский царь тоже хотел достичь обожествления.

Между тем Навуходоносор не ограничился одним разом; то же слово он применил и при более позднем расширении дворца к северу, за пределы городских стен. Хотя в тексте говорится больше об оборонительной роли сооружения, тем не менее цель и здесь была религиозной: «Чтобы не подлетела стрела к твердыням вавилонским <...>, я построил стену из асфальта и обожженных кирпичей, подобную горе, стену весьма крепкую, наружу обращенную. <...> Я построил наверху великую обитель из асфальта и обожженных кирпичей, чтобы там жило царство мое, соединил ее с дворцом отца моего, основания положил глубоко в земле, кровлю вознес, как вершину горы».

То строение, что возвел Навуходоносор, действительно конкурировало с храмом Мардука: и у него была «высокая кровля» (он так и назывался); и он имел «основания глубоко в земле», и он соперничал высотой с горами. И наоборот, храм Мардука именовался «храмом царским» и «дворцом». Мардук, безусловно, мог считаться «царем». Между тем сло-

во «дворец» в Вавилонии, за редкими исключениями, обозначало только светское официальное здание (в Вавилоне — жилище царя, в провинции — резиденцию правителя). Таким образом, оно употреблялось здесь не случайно: перекрестные отсылки именованной смешивали функции двух зданий. Даже зубчатое «увенчание дворца», сложенное из кирпичей, облитых синей глазурью, напоминало о ступенчатых башнях Вавилона и Барсиппы.

Воздавали ли царю божественные почести в его перестроенном, а потом расширенном дворце? Он заявляет, что там «великолепно» совершались «царские церемонии» и «владычные очищения». Но обе эти формулировки двусмысленны — может быть, намеренно. Мы не можем судить, то ли царь, как делали и его предшественники, поклонялся богам по особому (впрочем, совершенно нам неизвестному) чину в специальном приделе; то ли на религиозных церемониях он играл роль не их участника, а объекта поклонения. Текст, сообщивший нам о церемониях, относится к довольно раннему периоду царствования Навуходоносора. Уподобление царя божеству тогда существовало лишь в планах, и авторы этого проекта соблюдали всяческую осторожность. Но если даже Навуходоносору и не воздавалось поклонения, его дворец в конечном счете превратился в храм. Он был «исполнен красы», как обычно говорилось именно о священном сооружении; это словосочетание относилось к языку богословов и было не слишком знакомо мирянам. Даже окрестности царской резиденции вызывали священный «страх» и были окружены (как при появлении божества) «устрашающим светом», который сковывал приходивших: «злой не подойдет к нему и не войдет в него».

Вавилоняне (вернее, их представители) торжественно признавали нового государя в момент коронации; с этого момента подданные были обязаны почитать его и оставаться ему преданными. И наоборот: царское величество могло служить гарантией данного слова, а в случае нарушения обещания — залогом кары виновного. Таким образом, считалось, что царь действует подобно богам, которых призывали в свидетели в последних пунктах всех договоров. Это было не ново (еще задолго до конца III тысячелетия клялись как богами, так и именем правящего царя), но в середине II тысячелетия эта формула вышла из обыкновения. При Навуходоносоре в Вавилонии лишь немногие документы (во всяком случае, из числа писавшихся на глине) следовали такому образцу. Имя царя в эти годы присоединяли к богам лишь от случая к случаю. Видимо, ставить государя и боже-

ство почти на один уровень всё же не вошло в обычай. Поступать так или нет, всегда зависело только от воли нотариуса; совершенно ясно, что государство на сей счет не давало никаких распоряжений.

К осуществлению мер по обожествлению государя, вне всякого сомнения, приступили, но даже к концу царствования они остались сосредоточенными во дворце и вокруг него, а преемники Навуходоносора об этом уже и не помышляли. Мы не знаем причин тому; может быть, им просто не хватило целеустремленности — или они боялись какой-либо враждебной группировки. Возможно также, что такие планы не могли быть успешно реализованы просто потому, что были слишком чужды вавилонской традиции: страна не была готова поверить всему и принять всё, что говорит царь.

«СТРАНА ШУМЕРА И АККАДА»

Обычно Навуходоносор говорил просто о «стране». На самом деле ее полное название — «страна Шумера и Аккада». Оно восходило еще к концу III тысячелетия, но оставалось живо и в его царствование, хотя встречалось гораздо реже, чем раньше. В частности, вавилонский царь применил его в надписи по случаю перестройки отцовского дворца в Вавилоне; это значит, что для него, его писцов и современников оно сохраняло свой смысл.

В XXIII веке в Вавилонии пользовались двумя языками: жители юга говорили по-шумерски, жители севера — по-аккадски. Саргон Древний стал гегемоном севера, а юг покорил силой. Полтора века спустя Ур-Намму (2112—2095) решил воссоздать империю с центром в Уре, в шумерских областях, но способом действий избрал не насилие, а договоренность. Он уравнивал в статусе обе области, вошедшие в его царство, и придумал для низовьев Тигра и Евфрата новое обозначение — назвал себя «царем Шумера и Аккада». Тем самым он признавал их различие в рамках единой общности. Впрочем, в его время шумерский язык был сильно потеснен северным наречием; новый царь пытался спасти древнюю южную культуру, утвердив ее равноправие с северной. Но из этого ничего не вышло: всё шумерское неодолимо отступало. Начиная со II тысячелетия уже и само имя Шумер перестало употребляться — Аккад поглотил его. Тем не менее двойной титул царя сохранился, поскольку годился для любой политической ситуации. Когда в первой половине II тысячелетия Нижнее Двуречье было поделено меж-

ду враждующими княжествами, государи некоторых из них принимали этот титул; они не могли обосновать свои претензии, но выражали таким образом свои планы и обещали тем, над кем не властвовали (по их убеждению, временно), уважать их местные особенности. Еще в VII веке ассирийские цари, правившие в Вавилоне, по тем же соображениям именовали себя этим древним титулом. Набопаласар счел возможным принять его в конце царствования, когда вся страна оказалась в его власти. Он и сын его утвердились в качестве «правителей Шумера и Аккада». Как мы видели, этот термин обозначал более близкую и заботливую властную опеку, нежели царская. Таким образом Вавилония в разных политических документах вновь оказывалась «Шумером и Аккадом». Но этот пережиток сохранял определенное значение: власть признавала, что подчиненная ей «страна» не является однородным, нерасчлененным целым. Впрочем, это признание — чисто формальное, напоминавшее о древней истории царства, — не влияло на конкретные действия Навуходоносора; он сам уже не представлял себя «шумеро-аккадским» царем: с его точки зрения, под термином «страна» понималось прежде всего единство, особенно прочное, противопоставлявшееся империи. Его отец считал политически правильным сглаживать недовольства больших городов. Их названия он писал на кирпичках, применявшихся для крупных построек; таким образом, у каждого города был свой кирпич, например, в храмовом комплексе, что льстило местному патриотизму. Навуходоносор отошел от этой практики. При нем везде, в любом месте Вавилонии, включая Сузиану и острова Персидского залива, повторялся один и тот же текст, один и тот же неизменный титул.

Политическое объединение Вавилонии было завершено лишь после XV века; тогда и встал вопрос о ее административном устройстве. Оно складывалось мало-помалу, с течением времени, эмпирически и бессистемно. Видимо, власти считались с реальностью. К концу II тысячелетия структура власти сформировалась окончательно и до VI века уже не менялась. Такое постоянство объясняется несколькими причинами. Первая — и одна из главнейших — привычка чиновников к рутине. Впрочем, в их косности проявлялось и реальное уважение к местной ситуации, связанной с долгой и нередко славной историей. И действительно, административная структура проявляла хорошую приспособляемость к местным условиям. Вавилоняне терпели ее легко, да и она не особенно их отягощала: местные власти и их агенты не столько действовали, сколько надзирали. Они соблюдали

простое правило: как можно меньше мешать. Вмешательство государства считалось оправданным в одном-единственном случае — для предотвращения серьезных беспорядков. Серьезные меры требовались лишь в таких конфликтах, которые, как представлялось, не могли быть разрешены там, где зародились: внутри семьи, деревенской общины или храмового причта. Впрочем, в распоряжении властей на местах не было сил устрашения: ничего похожего на нашу полицию или жандармерию не было. Навуходоносор не имел причин менять общепринятые правила — он этого и не делал. Его властные запросы были весьма скромны: от подданных ему нужно было пассивное повиновение, то есть исправное выполнение общественных работ и уплата налогов; сверх этого он не требовал ничего — по крайней мере никаких обязательств разделять какую-либо политическую, экономическую или религиозную программу.

«Страна» делилась на 15 округов. Севернее Ниппура округа были меньше по размеру — иными словами, в Северной Вавилонии местная власть была ближе к подданным, чем в Южной. Большинство округов называлось по имени главного города, некоторые — по окружающей местности; так, имелся «округ Приморской страны», то есть самой южной части Вавилонии. Во главе каждого округа находился правитель с «подручным». Он назначался по воле царя, представлял его интересы, получал от него приказания и был подотчетен только ему. Его власть распространялась не только на граждан, но и на храмы; правитель по должности входил в их «собрание». В больших укрепленных городах находился также «комендант». Таким образом, количество высших чиновников было очень мало, зато они располагали большим числом контор для ведения дел. В администрации Вавилонии всегда было множество писцов, ведь всё полагалось записывать. Сейчас они представляются нам в чем-то мелочно-дотошными клерками, в чем-то — бестолковыми путаниками. Возможно, мы судим о них слишком строго, поскольку располагаем только частью плодов их труда и, конечно, не видим кое-каких этапов, придававших всей процедуре связность. Начиная с VIII века, а еще больше при Навуходоносоре, положение с документацией осложнилось из-за возникновения двойного делопроизводства. Поскольку наряду с вавилонским языком разговорным был арамейский, документы приходилось писать и клинописью (на глиняных или вошенных деревянных табличках), и алфавитным письмом чернилами на коже. Всё это сильно замедляло работу, ведь появились две корпорации писцов — своя

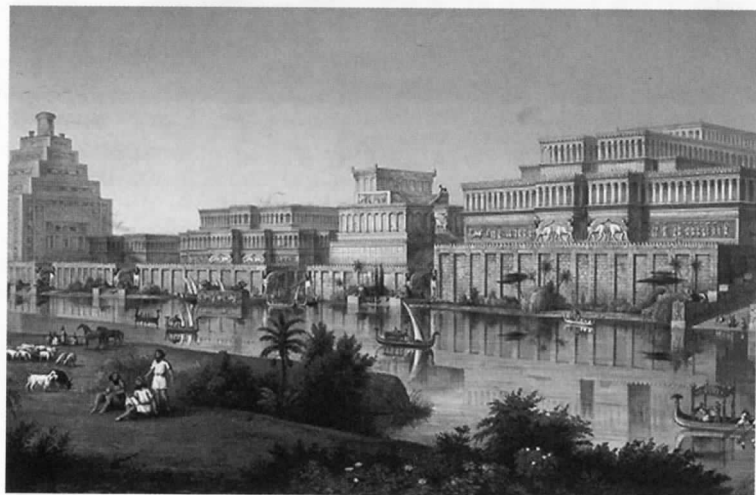

Агатовая гемма диаметром 41 миллиметр
с клинописной посвятельной надписью богу Мардуку

Один из покорителей Вавилонии, ассирийский царь Ашшурбанипал, с корзиной глины для ритуального изготовления первого кирпича. Стела. 669—665 гг. до н. э.

Ниневия, столица Ассирии. Реконструкция

Разрушение
ассирийцами
города Сузы.
Ассирийский рельеф
из Ниневии.
VII в. до н. э.

Ассирийские воины
и осадное орудие

Остатки стен
Иерусалима,
разрушенного
Навуходоносором

Увод иудеев в плен

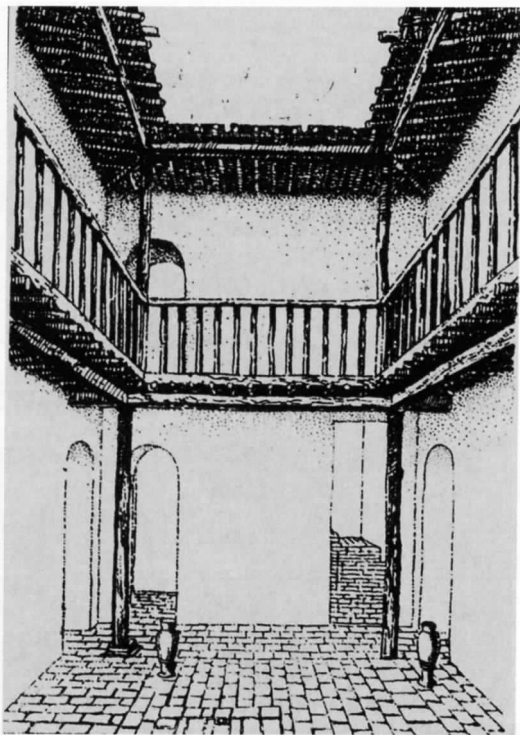

Убийство сыновей Седекии по приказу Навуходоносора.
Гравюра Г. Доре. 1866 г.

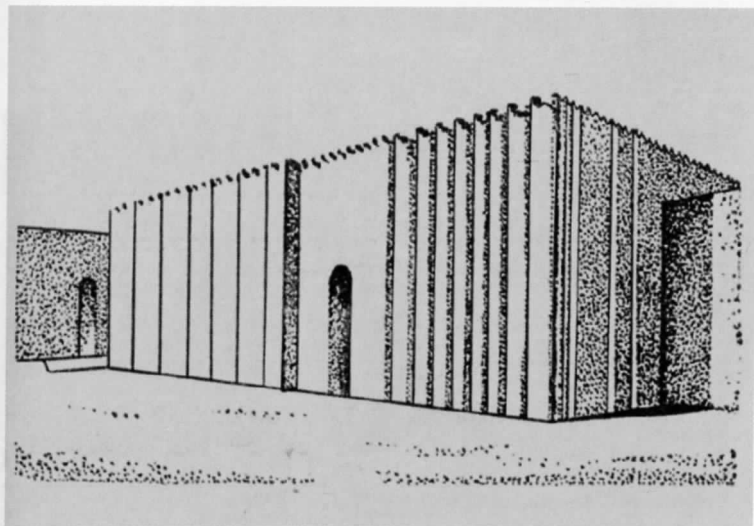

Вавилонская карта мира из Сиппара. I тыс. до н. э.

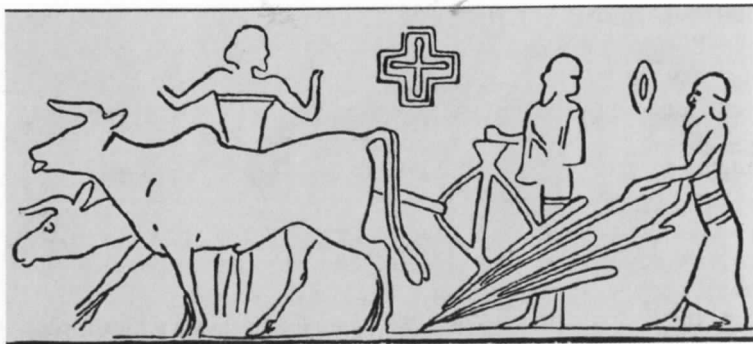
Внутренний двор
в доме вавилонского
горожанина.
Реконструкция

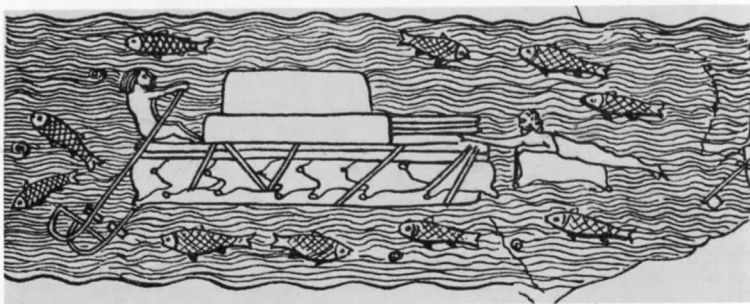
Внешний вид
вавилонского
особняка.
Реконструкция

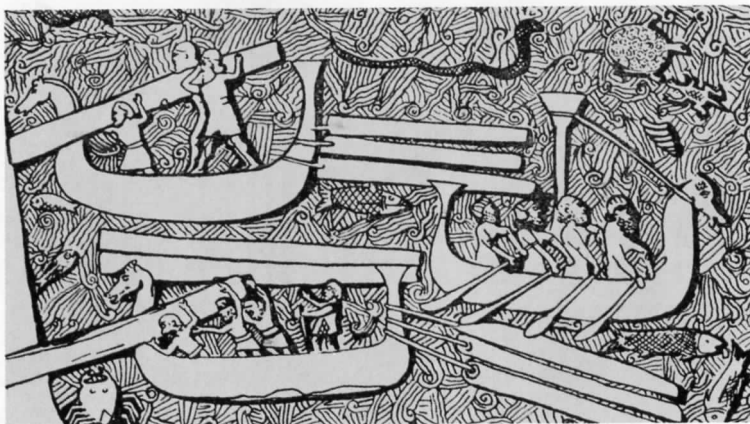

Пахота тяжелым плугом

Келек — круглое судно из тростника и кожи

Грузовые суда

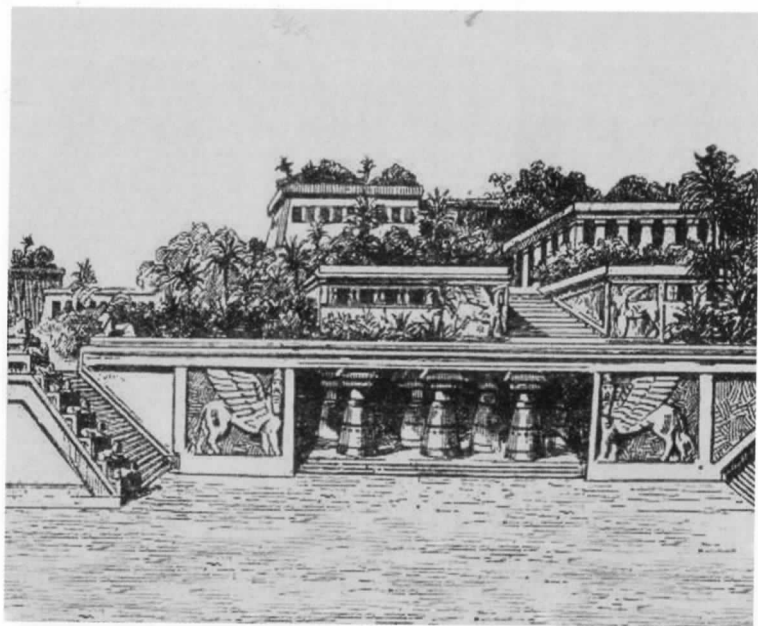

Мужская пирушка

Вавилонянка за прядением. *Рельеф. Сузы*

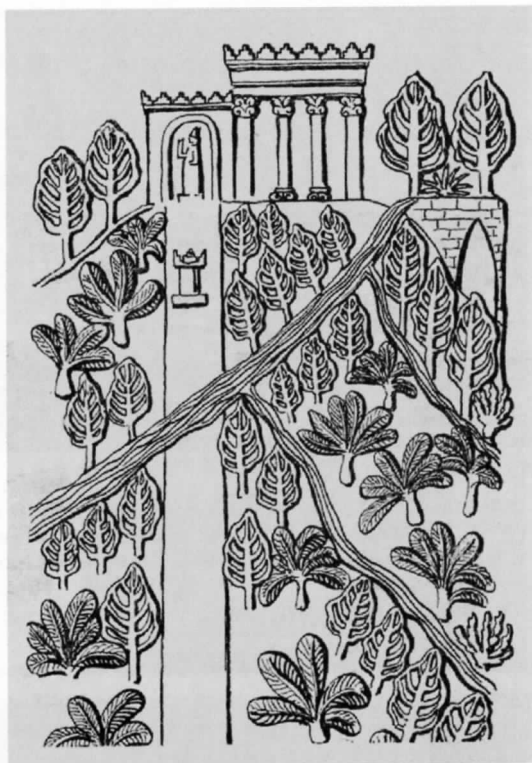

Висячие сады, построенные в Вавилоне Навуходоносором для своей жены Амиитис. *Реконструкция*

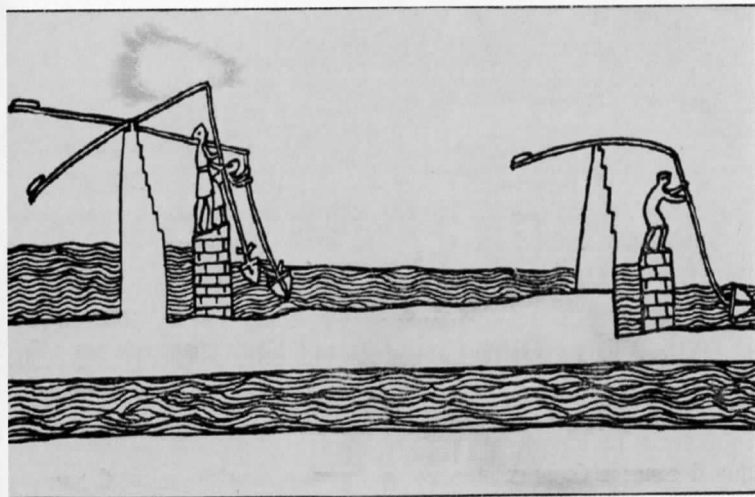
Остатки террас висячих садов

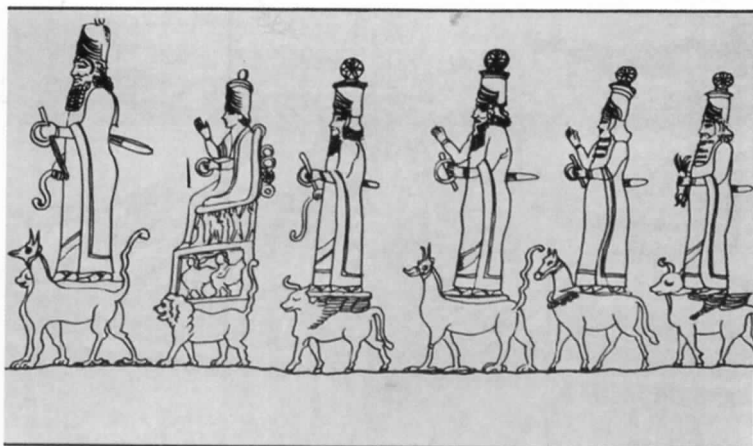

Имение
на храмовой земле
с финиковыми
пальмами
и каналами

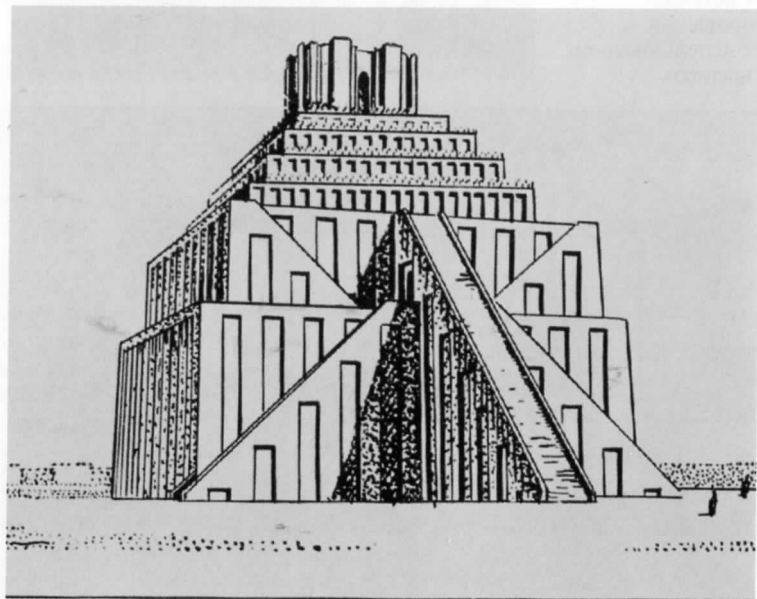
Система
орошения
с использованием
шадуфов

Вавилонские божества, увенчанные тиарами с соответствующими небесными светилами и стоящие на посвященных им животных. Слева направо: бог войны Ашшур, его жена Нинлиль, бог ветра Энлиль, бог луны Син, бог солнца Шамаш, бог грозы Адад

Семиярусная башня в Уре. VI в. до н. э.

Святая святых
вавилонского храма.
Реконструкция

Вавилонский жрец перед
алтарем с символами бога
Мардука — драконом
и копьём. *Оттиск печати*

Бог Мардук

Богиня Иштар, стоящая на льве.
Оттиск печати. Около 700 г. до н. э.

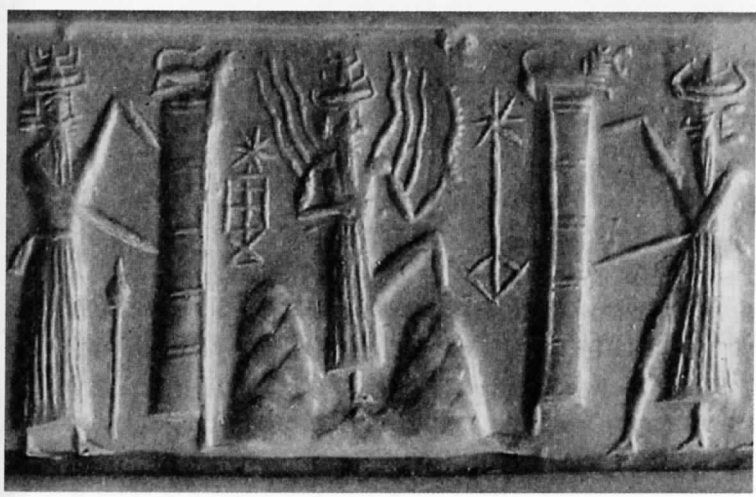
Битва Мардука с первозданным чудовищем Тиамат. *Оттиск печати*

Бог луны Син

Бог солнца Шамаш. *Оттиск печати*

Вавилонская башня. II. Брейгель Старший. Фрагмент. 1563 г.

собственная для каждого языка и писчего материала; их члены были узкими специалистами и даже при необходимости не могли меняться местами. Конторы не помышляли о реформе системы, как бы та ни была неудобна; политическим же руководителям, начиная с Навуходоносора, не знавшего грамоты, такие мысли и в голову не могли прийти. Но при всех своих недостатках вавилонские администраторы играли важнейшую роль. Их преданность и корпоративная преемственность служили обеспечению стабильности страны.

Высшим и единственным источником власти был государь. Так это понимали все, всюду и всегда. На рельефах Вадди-Брисса и Нахр-эль-Кельба выступает один Навуходоносор, только он в официальных надписях говорит от первого лица. Вавилонский царь поистине был центром «Благодатного полумесяца», всё исходило от него и приходило к нему; по крайней мере он желал, чтобы все так думали. Отражало ли это реальность? В этом можно усомниться, но никаких доказательств обратного у нас нет. Случалась ли в связи с разработкой политической линии полемика среди придворных сановников? В предшествовавшем веке споры и распри при дворе ассирийских царей были острыми. При Навуходоносоре, надо признать, никаких следов их не заметно.

Царя окружали приближенные. Тексты их не описывают, и можно лишь догадываться, что это было за сообщество. Всех их объединяло лишь одно — личная связь со своим господином. Он решал, кто на каком месте окажется и какую роль будет играть. Все подчинялись его воле. Так, Навуходоносор держал бывшего иудейского царя Иехонию вдали от двора; когда он умер, его сын «возвысил главу» пленника, «переменил темничные одежды его, и он всегда имел пищу у него, во все дни жизни его», как сообщает Четвертая книга Царств. Был ли то каприз нового государя или, как предполагали некоторые, политический маневр? Так или иначе, решение Амель-Мардука характерно для такого образа жизни, при котором всё зависит от человеческих отношений, основанных не только на рассудке, но и на настроениях. Мать одного из преемников Навуходоносора, последнего вавилонского царя Набонида, говорит о таких порядках как о само собой разумеющихся; с наивным бахвальством она рассказывает о том, как проводила жизнь: «Двадцать один год, что царь Вавилона Набопаласар, и сорок три года, что Навуходоносор сын Набопаласара, и четыре года, что царь Вавилона Нериглиссар правили царством,

шестьдесят восемь лет я почитала их всем сердцем, ис[полняла] их службу, [и] сына, рожденного из чрева моего, отдала во власть царей Вавилона Набопаласара, Навуходоносора и Нериглиссара, чтобы он днем и ночью всегда служил их благорасположению. Он не посрамил молвы обо мне перед ними. Они ставили меня высоко, как дочь свою от крови их». Как пишет Иосиф Флавий, Навуходоносор, еще будучи наследным принцем, без раздумий поручал основную часть своей армии «друзьям»; получив весть о смерти отца, он оставил войско в Сирии, а сам поспешил в столицу. Выходит, что в правящей группировке Вавилона царили отношения доверия со стороны господина и ответной преданности ему. Напрасно было бы искать в этой системе стройную организацию. Не только иерархия в целом не была четко выстроена, но и функция каждого царедворца в отдельности никогда не была строго определена. Это показывают бухгалтерские документы, составлявшиеся во дворце. Писцы фиксировали выдачу жалованья по мере того, как припасы поступали со складов; явно не существовало никакого поста, чей обладатель отвечал бы за бюджет. Ремесленники, курьеры, царь Иехония с сыновьями, начальники отрядов, садовники и даже кладбище (расходы на работы или на религиозные церемонии?) — все стояли в одном ряду. Прекрасный пример придворного, человека у власти являет собой Нериглиссар. Он был зятем царя, гражданским губернатором в Южной Вавилонии, и он же командовал войском при осаде Иерусалима в 587 году. Притом часто бывало, что различные функции он выполнял одновременно, а не последовательно. Более того, вполне допускалось, чтобы человек, исполняя публичные обязанности, вел вместе с тем свои частные дела, пользуясь государственной должностью для личного обогащения. Так и Нериглиссар стал компаньоном одного богатого вавилонского дельца, что было выгодно обоим.

Ближний круг царедворцев составляла царская семья в широком смысле слова. К ней следует прибавить Иехонию, пятерых его сыновей и его свиту — всего более тридцати человек. Рядом с ними жили сыновья царя Аскалона. Дворцовые службы должны были также содержать прибывавших в Вавилон сановников из Элама и Киликии, гонцов из областей империи и других держав.

Дворец управлялся наподобие большого частного дома, а его администраторы должны были кормить своих подчиненных и командовать ими. Один (к сожалению, поврежденный) текст дает их номенклатуру, сохранившуюся не полностью. Но его составитель не счел нужным указать, ис-

полнение каких конкретных обязанностей было связано с определенными должностями; об этом мы можем только догадываться, исходя из их названий. В той части списка, где текст разборчив, перечислены (очевидно, с соблюдением иерархического порядка): главный интендант, главный повар, главный оружейник, [...], смотритель дворца, [...], начальник дворца, главный интендант женского дома во дворце, начальник ближней стражи, начальник над скороходами, начальники женской прислуги (числом четыре), виночерпий, начальник над певчими, писец на коже при наследнике престола, два начальника над скотниками, начальник над лодочниками и, наконец, начальник над царскими купцами. В других местах упоминаются «начальник кинжальщиков» и «хранитель печати» — это явно был высокий пост в администрации. По разным случаям в тексте называются и некоторые из низших служащих, но, надо полагать, далеко не все: садовник, водочерпий, водонос, портомой, изготовительницы благовоний, плотники, лодочники, конюхи. Для увеселения царя с приближенными во дворце имелись певчие и обезьяны вожатый; наконец, для обеспечения порядка — стражи. Пятнадцать писцов на глине записывали и читали административные документы и письма. Наряду с ними работали их коллеги, знавшие по-арамейски; число их неизвестно.

Судя по провиантским ведомостям, во дворце было много ремесленников, местных и приезжих; это объясняется большим объемом строительных работ: при Навуходоносоре возводились как светские, так и культовые постройки. У каждой ремесленной гильдии был глава, иногда из иноземцев; его роль была велика, поскольку некоторые бригады целиком состояли из неавиловян. Весь придворный штат состоял из мирян, в нем не было ни одного жреца — клир жил только при храмах. Вполне может быть, что во дворце отправляли службы жрецы, практиковали прорицатели и заклинатели, но все они приходили из храмов и возвращались туда, сделав свое дело.

Власть Навуходоносора над его окружением была абсолютной. Как он управлял остальным государством? В храмы рассылались царские инструкции; они исполнялись и затем самым бережным образом сохранялись в архивах: на вавилонского царя ссылались даже тридцать с лишним лет спустя после его смерти. Зато у городов была вполне реальная автономия. В VII веке они получили от ассирийцев многочисленные и существенные привилегии; в частности, их жители освобождались от общественных работ. Набопаласар не

имел возможности отменить эти вольности, сын следовал его примеру.

Когда Набопаласар пожелал вновь отстроить ступенчатую башню в Вавилоне, он призвал «большие отряды от [своей] земли». Навуходоносор в начале своего царствования велел завершить восстановление этого здания «рабочим от Шамаша и от Мардука». Перифраза кажется вычурной, царь мог просто сказать: из Сиппара и Вавилона. Но ему было нужно прикрыться авторитетом этих богов; имелось в виду, что они дают оправдание его действиям. Таким образом, не царь, а боги налагали повинность на города. Видимо, сопротивление горожан мобилизации было достаточно сильным, раз Навуходоносор решил сослаться на авторитет богов. В то же самое время царь Вавилонский созвал для работ все народы империи с их правителями, так что повинность падала не только на Сиппар и Вавилон. Позднее Навуходоносор уже старался не провоцировать такими мерами недовольство городов своего царства. По случаю окончания перестройки отцовского дворца он созвал из Вавилонии и со всей империи на пир наместников тех территорий, которые волей-неволей участвовали в этих работах. Представителей стольных городов «страны» в официальном списке приглашенных нет. Не свидетельствует ли это о получении этими городами привилегии остаться непричастными к царскому предприятию? Эта гипотеза весьма вероятна.

Таким образом, пределы городских вольностей менялись в зависимости от обстоятельств. Дошедшие до нас тексты не говорят об этом ни слова. Это и понятно: льготы не фиксировались письменно, поскольку были, конечно, предметом переговоров при всяком очередном требовании власти. Однако послабления никогда не бывали фискальными. А вот обязанности работать на строительстве каналов и дорог жители стольных городов часто избегали.

Даже села не всегда подчинялись приказам сверху. В одном частном письме говорится, как о самом заурядном деле, о неповиновении согнанных для насыпки новой дамбы работников — то ли перепугавшихся, то ли чем-то недовольных: «Тогда все крестьяне ушли и пропали». В другом месте нам сообщают: рабочие разбежались из-за холода. Еще в одном случае начальнику пришлось доложить о своей бессилии самому царю: «Люди не хотят исполнять повинность». Требовалось схватить зачинщиков и заковать в кандалы. Но, предупреждает чиновник, если преступников арестовать и отправить в Вавилон, могут возникнуть большие неприятности. Вот еще одно дело: царский глашатай

наложил на урукцев обязанность выполнить работы в Ларсе, но они всячески уклонялись и упрямо возвращались к себе в Урук. Надо сказать, что центральной власти было достаточно сложно контролировать исполнение ее указаний жителями этого удаленного от Вавилона города. В данном случае, хуже того, некто, являвшийся получателем письма с новым приказом, решился на убийство посыльного. Уполномоченный чиновник, в чьей компетенции находилось решение этого дела, предпочел от греха подальше замолчать эту неудачу.

Всё это были только местные инциденты. Как бы серьезен ни был каждый из них по отдельности, о мятеже против государства никто и не думал. Были ли вообще какие-либо коллективные политические протесты, оспаривавшие законность власти Навуходоносора? Официальные надписи молчат, но, разумеется, их молчание ничего не значит. Однако и в частных документах нет подобной информации. Только Вавилонская хроника сообщает о заметных беспорядках; но ее рассказ ограничивается перечислением фактов, не давая комментариев, так что насчет этого кризиса нет никакой ясности: «В десятый год царь Вавилона был в своей стране. Был бунт в Вавилоне от месяца кислима до месяца тебета; он сокрушил оружием своим [...] его войска многие и взял врагов своими руками». Дело, таким образом, продолжалось от середины ноября до середины января по нашему календарю — не дольше. Досадная лакуна в этом уникальном источнике делает всё событие совершенно загадочным. В зависимости от того, что могло содержаться в пропавшем фрагменте, возможно одно из двух объяснений: либо войскам Навуходоносора, чтобы подавить мятеж, пришлось многих убить, либо избиение устроил его неизвестный внутренний враг. Первая гипотеза кажется нам предпочтительнее. В любом случае это выступление никак не было стихийным восстанием. У крестьян (и у горожан) никогда не было в обычае бунтовать, например, по случаю голода. Да в это время года недостатка в припасах и не бывало: их нехватка могла начать ощущаться лишь весной, когда зерно прошлого урожая уже кончалось, а время майской жатвы еще не наступило. Вне всякого сомнения, речь идет о кем-то организованном и направленном против царя мятеже. Хотя выражение «взять врагов своими руками» было расхожим, оно имело отнюдь не образный смысл. У него было вполне конкретное значение: состоялся бой, и глава победителей взял в плен главу побежденных. Вавилонский читатель так и понимал, что Навуходоносор лично сошелся с врага-

ми в бою и полонил их. Таким образом, по всей вероятности, царю пришлось столкнуться с вооруженным восстанием. Так быстро «взять руками» своего главного недруга ему удалось, вероятно, потому, что бунт — хотя, возможно, и многолюдный — реальной опасности не представлял. Конечно, раз недовольные дошли до такой крайности, возмущение их было сильным; но о их резонах мы не знаем ровным счетом ничего. Так или иначе, дело было быстро улажено, причем Навуходоносор не боялся рецидива: по сообщению немногословной, как всегда, хроники, менее чем два месяца спустя царь покинул Вавилон и «отправился в Сирию».

Навуходоносор считал своим долгом «умножать страну». Это была его собственная формула. Но здесь надо сделать оговорку. Мысль о расширении территории для соплеменников путем аннексии приграничных земель была совершенно чужда царю, его современникам и преемникам. Таким образом, это выражение понималось в экономическом и демографическом смысле: миссией царя было увеличение богатств и повышение рождаемости в стране. Вавилоняне хорошо сознавали связь между тем и другим: на их взгляд, благоденствие и многодетность сопутствовали друг другу. Их общество было абсолютно наталистским, да и не могло быть иным. Для родителей потомство было единственной гарантией обеспечения на будущее: дети станут их кормить, когда сами они не смогут работать — в старости или из-за болезни. «Сильный живет тем, что в долг дает, а слабый тем, что сын принесет», — говорили они.

Была ли у Навуходоносора продуманная социально-экономическая политика? По всему судя, не было. Тем самым он, между прочим, следовал не лучшим примерам: именно так вели себя ассирийские цари VII века. Многие же вавилонские государи из столетия в столетие, напротив, хвалились своим попечением о благоденствии подданных. Навуходоносор, можно сказать, порвал с этой традицией. Вся его программа сводится к общей формуле, выраженной книжными словами: «Правая палица для доброго пастыря, верный посох для процветания народов — таков поистине навсегда удел, выпавший царствию моему». Невнимание Набопаласара к этой области жизни объясняется обстоятельствами его царствования: ему надлежало восстановить державу и овладеть империей. Но у его сына время было — не было желания заботиться о подвластном ему населении. Царь проявлял равнодушие к этим делам — ко всем, за единственным исключением: он на деле заботился о том, чтобы население Нижнего Двуречья не сокращалось. Вави-

лоняне жили в мире и покое, которыми были обязаны царю; пользовались ими все, но больше всего их плоды пожинали сельские жители. Кроме одного — и то непродолжительного — кризиса на десятом году царствования, страна при Навуходоносоре не знала войн и разрушений, какие бывали до 612 года.

Точно известно, что Навуходоносор много внимания уделял метрологии. Возможно, официальное ведомство мер и весов в Вавилонии существовало уже во II тысячелетии. Но вообще изготовление эталонов веса и объема не было царской привилегией: право на это имели любые общества, обладавшие достаточной властью — политической или экономической — или даже моральным авторитетом (например, храмы).

Каждая гиря и мера были удостоверены царским именем с титулом; кроме того, писались имена двух верховных богов страны. Например, на одной из гирь, найденной в Сузах, но изготовленной, несомненно, в Вавилоне, читаем: «Дворец Навуходоносора, царя Вавилона, повсюду свободно ходящего, упование его на Набу и Мардука, сына Набопаласара, царя Вавилона». На другой, обнаруженной там же, стоит надпись: «Вес сорок мин (около 20 килограммов. — Д. А.), установленный. Адад-бани, великий певчий Мардука, был экономом, когда ставили этот памятник. Вес Мардука равен весу Дома под высокой кровлей, Дома правды и Царского дома». Таким образом, легенда гири подчеркивает единство между мирской властью и религиозным авторитетом двух крупнейших храмов Вавилонии.

Впрочем, от изготовления эталонов было не много практической пользы. И гирь, и сосудов такого рода было мало, они делались из дорогих материалов: гири обычно были гематитовые*, сосуды — алебастровые (металлические образцы времен Навуходоносора нам неизвестны). Все они делались с большим мастерством, становясь произведениями искусства. Их считали столь же драгоценными, как и печати. В повседневном ходу были только сикли (несколько менее 8,5 грамма) и их доли. К тому же и взвешивались только драгоценные металлы (по всей империи) и пурпур (на средиземноморском побережье).

Особый интерес вавилонского царя к метрологии имел более важную, на его взгляд, причину, чем регулирование

---

* Гематит — довольно часто встречающийся минерал, оксид железа, часто красно-бурого цвета; название происходит от *haima* (греч.) — кровь. (Прим. ред.)

экономической деятельности. Вавилоняне имели некоторое представление о том, что такое инфляция, и на опыте видели, каковы бывают ее последствия. Монетной системы они не знали, хотя изобретена она была в Лидии в последние десятилетия VII века. Поднимать цены они могли только одним способом — подпиливая эталоны, ведь при записи сделок общим эквивалентом служил вес серебра. Рассылая более тяжелые эталоны, этот процесс можно было направить вспять. Впрочем, царю нечего было опасаться инфляции на протяжении своего правления. Она была очень невелика — составила 100—150 процентов за период с VI по III век. Если считать в столетии примерно по три поколения, то в течение жизни каждого из них цены росли не больше чем на 15 процентов. Впрочем, будь инфляция и сильнее, основная масса населения этого бы не заметила и не пострадала бы от нее. Крестьяне жили натуральным хозяйством, покупая на местных рынках лишь очень немногие товары. Для них общим эквивалентом было не серебро, а ячмень. Его мерили на объем. Если же зерно начинали взвешивать, это было знаком катастрофического положения в сельском хозяйстве.

Стабильности цен способствовали и другие обычаи, ведь цены регулировались не только действием экономических законов. Стоимость — по крайней мере средняя — определялась традиционной арифметикой. Она была основана на шестидесятеричной системе счисления, основанной на ученых расчетах; но во многих случаях применялась и повседневная десятиричная система.

Цены должны были находиться в простом соотношении как с единицей (то есть шестьюдесятью), так и между собой. Применялась расчетная таблица, где все показатели соотносились в целое число раз. Пальмовая роща или сад стоили вдвое больше, чем поле той же площади. Дом был равен кораблю, и оба они приравнивались к единице. Дом сдавался в аренду за 20 сиклей, то есть за треть продажной цены. Ссуда обычно давалась под 20 процентов годовых; это значило, что за взятую мину (60 сиклей) надо было платить 12 сиклей в год, то есть сикль в месяц. Считать таким образом было просто. Годовой минимум ячменя для прокорма стоил два сикля — столько же, сколько баран. Бык стоил в десять раз больше — треть дома. Плата рабочим, как легко понять, бывала самой разной, доходя иногда до 60 сиклей в год; по видимому, чаще всего платили 12 сиклей (при харче за хозяйский счет). Тот же принцип соблюдался и для товаров, даже импортных: штука пурпурного полотна из Финикии

стоила 15 сиклей — четверть единицы; обычная одежда, сотканная в Вавилонии, — всего лишь тридцатую часть единицы.

Отказаться от этих расчетов — чисто теоретических, но весьма удобных (они легко запоминались и применялись) — было непросто; не принимать их во внимание значило оборвать вечную опору вавилонской жизни — уважение к преданию. Идеальная таблица не была обязательной, не опровергала закона соотношения спроса и предложения, но в определенной мере влияла на них и смягчала возможные колебания цен.

На самом деле для вавилонян главным в метрологии было не это. Эталон они считали прежде всего чрезвычайно важным политическим, а то и религиозным памятником. До Навуходоносора лишь немногие государи вводили новые стандарты; все они, без исключения, начиная с конца III тысячелетия проявляли себя как честолюбивые реформаторы, старавшиеся навести порядок во всех областях жизни. Навуходоносору это было известно; одна из гирь, обнаруженных в столице, говорит о желании вавилонского монарха продолжить традицию предшественников. На ней написано: «Мина установленная, принадлежит Мардуку, царю богов. Сделана с гири, поставленной Навуходоносором, царем Вавилона, сыном Набопаласара, царя Вавилона, сделанной с гири Шульги, древнего царя».

Ключ к пониманию этой надписи — прилагательное, которое мы за неимением лучшего переводим как «установленная». На самом деле его значение гораздо богаче: «надежная», «законная», «закрепленная» (де-юре и де-факто). Оно встречалось на эталонах мер почти всегда, ибо подтверждало одну из фундаментальных идей вавилонянской цивилизации. Это определение обозначало установление нового порядка, прямо указывало на то, что прежнее мироустройство отброшено; оно выражало волю царя сотворить начиная с настоящего времени нечто устойчивое; чем дальше во времени отстоял образец, на который ссылалась надпись, тем лучшим он представлялся. Реформа черпала авторитет не столько у царствующего монарха, сколько по возможности у самого дальнего из его предшественников. Навуходоносор не нашел никого лучше, чем Шульги, царь Шумера и Аккада (2094—2047). Даты его правления тогда знали наверняка, но сочинитель надписи благоразумно не уточнял их: главное, что это был древний царь.

Метрология Навуходоносора стала чрезвычайно знаменитой и впоследствии считалась абсолютной шкалой. Это

доказывается образом действий его преемников: сын и зять тоже изготавливали эталоны, однако им уже не нужно было ссылаться ни на какого гаранта — достаточно было назвать себя «царем Вавилона». Этот титул, позаимствованный у предшественника, давал их делам достаточную политическую и экономическую легитимность.

Когда война с Ассирией завершилась и страна перешла к мирной жизни, экономика Вавилона продолжала страдать от двух бед: засоления почв и недостатка квалифицированной рабочей силы. О второй напасти Навуходоносор прекрасно знал и делал всё возможное, чтобы от нее избавиться. На это по крайней мере его прозорливости хватало, и здесь результаты были налицо. Зато перед первым несчастьем царь оказался совершенно безоружен. Земли начали гибнуть за пару тысячелетий до него в связи с ирригацией. Без нее было не обойтись, ведь выпадающих осадков еле-еле было достаточно для злаковых культур. Пальмы же требовали очень много воды под корень (и именно под корень); ее мог дать только полив. Поэтому пальмы сажали по берегам каналов, а дальше размещали ячменные и полбяные поля. К счастью, от Персидского залива и как минимум до Урука действовали еще и приливы: дважды в день они нагоняли пресную воду в пальмовые рощи.

Засоление происходило медленно — настолько медленно, что вавилоняне его не замечали, тем более что и погода была всё время одинакова. Реки, правда, иногда меняли русло, но в целом природа, среди которой жили здесь люди, оставалась неизменной. У них просто не было никаких опорных точек во времени — например, статистики урожаев по столетиям. Да и пойми они, в чем беда, что они могли бы предпринять? Рост уровня засоленности почв был неминуем, падение урожаев, следовательно, тоже неизбежно. Вавилоняне думали, что борются с бедой, доставляя всё больше воды, но на самом деле этим только усугубляли положение: испарение становилось интенсивнее, скопление соли, поднявшейся из-под земли, больше. К тому же разлив Тигра и Евфрата приходился на неудачный момент — заканчивался в начале лета, так что на самое жаркое время приходилось копить запасы воды; от этого убытки становились еще больше.

Показателей демографии мы не имеем, но, думается, не больше нашего знали и современники Навуходоносора: у них также не было этих цифр. Нам, как и им, известно только то, что они видели своими глазами, а мы сегодня представляем по археологическим раскопкам: запустение деревень. Нынешние исследования не охватывают всей Вавилонии,

но, не входя в подробности, можно прийти к такому выводу: в конце II тысячелетия население страны было меньше, чем в начале; в начале следующего тысячелетия положение, видимо, не улучшилось, и лишь в VI веке намечается небольшой рост числа и площади населенных мест. Эта тенденция была, без сомнения, стойкой, она продолжалась и в следующем столетии. Свидетельства тому имеются и в округе Дияла, и в окрестностях Урука; можно полагать, что она действовала и на всей остальной территории Вавилонии. Запустение сельской местности было весьма огорчительным фактом, но для властей оно неожиданно оборачивалось одним важным преимуществом: для кочевников, разводивших овец и верблюдов, освобождалось пространство, на котором крестьяне уже не работали и, следовательно, не спорили из-за него. Распри между оседлым и кочевым населением были ожесточенными и в начале II тысячелетия не утихали во всех долинах Ближнего Востока. Для правителей того времени это была самая неотступная проблема: контроль за бродячими племенами, их закрепление на земле было неприятной и постоянно вновь возникавшей задачей. При Навуходоносоре таких столкновений, кажется, больше не было, ведь и причина для них пропала: теперь земледельцы и скотоводы могли уживаться рядом — земли хватало и тем и другим.

Царь пожелал вновь увеличить население Вавилонии и получить по возможности квалифицированных работников. Когда ремесленников в Вавилон привели из Сиппара, это было лишь временное решение. Сельских рабочих повсюду, вплоть до Сузианы, сдавали внаем храмы. Проблема в некоторой степени потеряла остроту, но не была решена.

После 605 года Навуходоносор стал принуждать селиться в «стране Шумера и Аккада» иудеев, финикийцев, сирийцев и египтян. В 597 году вавилонский царь вывел в свою страну из Иудеи от семи до десяти тысяч жителей (в библейских источниках цифры расходятся); десять лет спустя прибавились еще 829 человек, а в 582/581 году — 745. По другим областям империи цифр у нас нет. В тех документах, которыми мы располагаем, угледеть этих иноплеменников нелегко: они говорили по-арамейски, а значит, писали на непрочных материалах, так что их собственные архивы погибли. О них неизвестно почти ничего — ни кто они были, ни что думали.

Но не все переселялись принудительно — кое-кто ехал по своей воле, привлеченный процветанием Вавилонии. Таковы, безусловно, были специалисты из-за пределов империи: уроженцы Египта, Ионии, Киликии, Иранского нагорья;

они, очевидно, соблазнились высоким жалованьем. Должно быть, и часть выходцев из самой империи, трудившихся рядом с ними, приехала добровольно. Каково было их соотношение? Этого узнать никак нельзя. В действительности иностранцы, откуда бы они ни были родом, делились на две сильно различавшиеся группы: представители первой были прямо связаны с царской властью и жили обособленно во дворце или в военных лагерях, большинство же было рассеяно по всей стране далеко от царских очей.

Дворец использовал иностранных специалистов в очень большом количестве. Им доверяли полностью: охраной у властей на местах служили египетские гвардейцы, а ведь у Вавилонии никогда не было дружественных отношений с их родиной. Больше всего среди переселенцев было плотников и лодочников, что вовсе не случайно: этим мастерам лучше платили, иначе говоря, именно в них Вавилония испытывала самую большую потребность. Те и другие были родом из Средиземноморья: лодочники — главным образом из Тира (таких упомянуто более девяноста), Египта (вдвое меньше), Аскалона, Махазена и Сапона. Небольшие артели плотников (от трех до восьми человек) приходили из Финикии (Арвада и Библоса) и Ионии. Где они работали — на стройках или на верфях, — источники не считают нужным указывать. Из Иудеи были приведены «кузнецы» и «скобари». Как Иеремия, так и автор Четвертой книги Царств понимали: победителей интересовали рабочие, умевшие обращаться с металлом; в Вавилонии его не выплавляли, и у местных жителей было мало случаев упражняться в этом искусстве. Аскалон давал певчих, из Египта пришел обезьяний вожатый, лошадей же доверяли конюхам из Мидии.

Особую категорию иностранцев составляли греческие наемники на службе Навуходоносора. В том, что они были, нет ничего удивительного: солдаты удачи поступали на службу к тому, кто больше платил. В то же самое время их использовали и фараоны. Что-либо сказать о них нам очень трудно: армия Навуходоносора в истории VI века играла важнейшую роль, но тексты не сообщают про нее ни единым намеком. Тем более неизвестен процент ионийцев в общем числе воинов. Мы не можем даже узнать, находились ли они по окончании кампании на месте — в одном из гарнизонов империи, размещались на квартирах в самой Вавилонии или увольнялись. Так или иначе, в бою именно они были главной силой. Свидетельствует о том поэт Алкей Митиленский, который сочинил стихи в честь своего брата Антименида:

От пределов земли
Меч ты принес домой;
Рукоять на мече
Кости слоновой,
Вся в оправе золотой.
Знать, вавилонянам
Воин пришлый служил
Доблестью эллинской*.

Главным подвигом Антименида стала победа в Аскалоне над великаном,

Чей единый был дрот
Мерюю пять локтей.

Навуходоносор не просто брал невавилонян к себе на службу, гражданскую или военную. Царь изменил состав населения Вавилонии, расселяя среди него жителей империи. Впрочем, иностранцы были уже хорошо знакомы с местными жителями и легко приживались среди них. Уже много веков на юге страны обитали полукочевые племена; во времена Навуходоносора они стали почти совсем оседлыми; эти арабы и халдеи приняли активное участие в войне против ассирийской власти. Но с VI века в Вавилонии селились и вновь прибывшие чужеземцы. Очевидно, их было много, но мы лишь по именам можем признать их отдельных представителей. Впрочем, некоторые для удобства меняли и имена, так что на деле их было больше, чем представляется по документам.

В Вавилонии жили и компактные группы пришельцев; Навуходоносор не видел в их существовании ничего дурного. Эти люди сохраняли свой изначальный юридический статус и оставались свободными, если были таковыми до прибытия в Месопотамию. Разумеется, они сохраняли также свой язык, обычаи, письменность и религию. Так, арабы в Вавилонии по-прежнему пользовались алфавитом, принятым у них в стране — в Ятрибе и к югу от Теймы; то же можно сказать и о финикийцах. Однако, несомненно, всем им для сношения с внешним миром служил арамейский язык. Естественно, они заводили новые поселения рядом с вавилонскими деревнями. Там они вели тот же образ жизни, что и местные уроженцы, и те не проявляли к ним никакой враждебности. Не конфликтовали с пришельцами и образованные люди. Скажем, писцы ставили перед именами иностранных богов (например, египетских Амона, Гора,

---

* Перевод Вяч. И. Иванова.

Исиды) значок, отмечающий бога в клинописи, как будто речь шла о их собственных божествах, то есть признавали их пусть чужими, но всё же богами.

Самыми заметными народностями Вавилонии при Навуходоносоре были четыре: евреи, арабы, египтяне и финикийцы. Среди их представителей были ремесленники, но большинство занималось земледелием. Государь соблаговолит выделять переселенцам самые «благодатные» области — по крайней мере так утверждает предание. Больше всего царь селил их вокруг Ниппура, где они восстановили поля, разоренные ассиро-вавилонской войной при жизни предыдущего поколения. Но мы встречаем их также и на севере Вавилонии, и в Уре, и в Уруке, причем основанные ими поселки получали названия на их родных языках.

Эти общины были официально признаны и имели самоуправление из «советов» или «старейшин». Выбираемый их членами представитель служил посредником между соотечественниками и вавилонской властью, защищая их интересы.

Таким образом, демографическую проблему удалось решить хотя бы отчасти. Но, кроме того, подданные империи должны были поставлять средства существования царю, дворцу и всем коренным и новым жителям Нижнего Двуречья.

Собственные доходы государства были не очень велики. Прежде всего царские вотчины составляли довольно небольшую долю сельскохозяйственных угодий и не пользовались никакими привилегиями: у них был тот же статус, что у земель храмовых или частных. Царь сдавал их в аренду и в этом смысле вел себя так же, как любое частное лицо; он торговал и давал деньги в рост, не освобождая себя от соблюдения общих правил. При дворе жил начальник царских купцов; судя по имени (Ганун), он был финикийцем. Несомненно, Навуходоносор пользовался его услугами, чтобы вести торговлю на средиземноморском побережье; тем самым он вступал в конкуренцию с частными дельцами.

С вавилонян царь получал налог — «десятину». Несмотря на ясность происхождения названия, налог, возможно, не исчислялся именно этим процентом с дохода. Он взимался с продуктов земледелия и скотоводства, но не касался финансовых сделок. Им облагались физические лица и храмы. Пошлины — таможенные, мостовые и ввозные (на водных путях) — также поступали к царю если не прямо, то косвенно. На самом деле мы не знаем о вавилонской налоговой системе почти ничего; есть лишь сведения, как определялся размер налога: незадолго до жатвы зерновых или сбора фи-

ников по селам ездила комиссия из представителей заинтересованных сторон и оценивала будущие поступления. Это было удобно и сборщикам, и плательщикам; так же определялись отношения между частными собственниками (в том числе храмовым начальством) и работниками. Но вдобавок вавилонский государь имел право использовать рабочее время своих подданных: то была трудовая повинность. Существовали также некоторые особые обязательства перед ним: так, «Дом неба»* в Уруке, наряду с другими поставщиками, отправлял снедь к царскому столу; происхождение этой обязанности неизвестно. Царь, со своей стороны, платил десятину храмам и был их неумолимым благодетелем. Для кого в конечном счете это было более прибыльно — для государства или жрецов? Из документов создается впечатление, что выгоды от таких взаимных обязательств получали именно религиозные служители; но мы не располагаем сводными статистическими данными, чтобы утверждать это однозначно.

Большую долю средств доставляла вавилонской власти империя. В «западных землях», над которыми Навуходоносор осуществлял политическое господство, он видел только источник доходов. Он получал их, не давая взамен ничего. Впрочем, одно доброе дело для них он всё же делал: при жизни двух поколений центральная вавилонская власть обеспечивала безопасность на дорогах; таким образом она способствовала становлению обширного рынка от Загроса и Сузианы до Средиземного моря с востока на запад и от Тавра до Аравийской пустыни и острова Бахрейн с севера на юг.

Следует четко различать военную добычу и дань. Та и другая собирались в одном месте. Но первая символически отмечала одержанную победу и, кроме того, безотлагательно возмещала расходы, понесенные во время кампании. Надо сказать, что взимание добычи с побежденного было принято повсеместно. Вавилоняне отправили в свою столицу из Иудеи сокровища храма Яхве и дворца Иехонии. Разграблению подвергся Аскалон, как и Кедар в Аравии. Нет сомнения (хотя источники ничего не говорят об этом), что победители подобрали египетское оружие, брошенное на Хаматской равнине в 604 году. Забирать можно было всё.

Когда царь Вавилонский со свитой и армией путешествовал по землям империи, все участники вояжа питались за счет местных жителей, благодаря чему разъезды обходились намного дешевле; таким образом, несколько месяцев в году

---

* Эанна (шумер.).

империя кормила его. Это условие соблюдалось, когда Навуходonosор вступил в Тир; те же порядки действовали во время войн, которые он вел до самой египетской границы.

Военная добыча по природе своей была экстраординарной. А вот на дань в качестве источника пополнения казны Навуходonosор мог рассчитывать: это по определению был регулярный доход. Ее должны были платить все цари территорий, входивших в империю. Ежегодно отправляя дань в Вавилон, они, во-первых, исполняли свои финансовые обязательства, во-вторых, публично свидетельствовали верность Навуходonosору. В своей последней надписи вавилонский владыка объявляет о желании взять «дань тяжкую от царей вселенной, правящих над всеми племенами». И в самом деле государь — по крайней мере в начале своего царствования — лично взимал дань по империи, получая вместе с ней и знаки почтения от данников; так было в Сирии в первый год его правления. Вавилонская власть строго требовала регулярной уплаты, означавшей, что дела на присоединенных территориях в порядке. При недоимке виновный оставался должен всю сумму дани целиком.

Общий объем дани нам неизвестен. Тяжка или легка она была для жителей империи? Мы не в состоянии подсчитать бюджет царств, подчинявшихся вавилонянам, а значит, и абсолютную величину его части, взимаемой в качестве дани. В любом случае налагалась она по одному простому правилу: вавилоняне требовали привозить всяческие товары, которые в их стране не производились, зато поставлялись теми или иными областями империи. Их не интересовали скот и продукты земледелия (кроме вина) — всё это было и в Вавилонии; если вавилоняне их и брали, то для потребления на месте.

Писцы Навуходonosора делили страну на три большие части: «море», «горы» и «страны» (надо понимать — равнины). Каждая из них давала Вавилонии нечто свое. «Данью моря» была, несомненно, рыба; вместе с ней, возможно, присылались и кораллы, которые использовались в прикладном искусстве, фармакологии и магических ритуалах. Из Загроса (впрочем, точно это неизвестно) поступало «горное масло»; что оно собой представляло, не уточнялось. Можно думать, что это масло было более качественным благодаря тому, что горная вода лучше вавилонской, вечно заиленной*. Вино-

---

* Более вероятно, что речь идет о нефти, которая добывалась в горах Загроса и использовалась для заправки глиняных светильников, а также в медицине. По достаточно обоснованным предположениям ученых, слово «нефть» происходит от аккадского «напту», что означает «горючий».

дельческих районов мы знаем восемь. Все они находились в предгорьях Загроса и Тавра, от Диялы на юге до Арпада на севере и еще дальше, в Средиземноморской Сирии. Из долины Среднего Евфрата прибывало «сладкое вино». К сожалению, вавилоняне не объясняли, какой именно напиток они имели в виду.

Остальная империя поставляла золото, серебро и «камни дорогой цены и очень большой ценности». То был не строительный камень — вавилоняне сооружали свои постройки из глиняных кирпичей и тем довольствовались. Но Навуходоносору был нужен материал для изготовления статуй, эталонов веса, печатей, украшений (например, ожерелий): гематит, корналин*, хрусталь и т. п. Лазурит в этот список не входит, а между тем то был самый любимый камень вавилонян; но его привозили издалека — с территории нынешнего Афганистана, лежащей за их географическим горизонтом, и прежде чем к ним попасть, он проходил через целый ряд неизвестных им посредников. Вавилонянам приходилось покупать его; так же приобретали они железо в Киликии и квасцы в Египте. Последние служили для дубления, окраски тканей, а иногда их применяли и фармацевты.

Особой статьей была кедровая древесина. На азиатском Ближнем Востоке к этому дереву питали настоящую страсть, живую и постоянную, по меньшей мере с конца III тысячелетия. Ни одно сколько-нибудь важное здание — дворец или большой храм — без использования кедрового дерева возвести было невозможно. Для остальных построек годились тополь и олива в западных областях, а в Нижнем Междуречье применялись пальмовые стволы.

Но кедр не просто давал древесину превосходного качества. Это дерево восхищало людей своим видом; в вавилонской символике его рубка считалась, с одной стороны, дурным делом, но вместе с тем — героическим подвигом. Начиная со II тысячелетия эту мысль разнес по странам Средиземноморья «Эпос о Гильгамеше». В четвертой песне поэмы ее заглавный герой со спутником решают пойти в «Лес кедровый», чтобы стяжать «вечную славу». Лес сторожило некое полубожественное существо**; с виду это было чудовище, но сердце его было чистым и праведным. Когда два искателя приключений стали рубить деревья единого удальства ради, страж попытался удержать их от такого не-

---

* Корналин — полудрагоценный камень, разновидность халцедона оранжево-красных оттенков. Известен также под названиями карнеол, сардер, сердолик. (Прим. ред.)

** Хумбаба.

честивого поступка. Он был убит, но Гильгамеша поразила кара богов: с тех пор его преследовала неудача за неудачей. Чтобы избавиться от неприятной двусмысленности и оправдать рубку кедров, вавилоняне настаивали, что их древесина предназначена для самых благородных построек, и в качестве неоспоримого довода ссылались на высокие помыслы: лес приносился в жертву славе страны, а еще того лучше — богов.

Так, Навуходоносор в надписи из Вади-Брисса утверждает, что он «собственными руками срубил могучие кедры, леса гор Ливанских», что должно было произвести сильное впечатление на народы империи. Но в то же время царь руководствовался в своих поступках и практическими мотивами: он хотел облегчить доступ к местам добычи леса. Навуходоносор так описал это достижение гражданских инженеров — единственное предприятие, осуществленное им не в Вавилонии: «Я раздвинул крепкие горы и разбил скалы, чтобы открыть проходы: устроил дорогу для кедров». За этой похвальбой, возможно, стояло решение реальной проблемы. Кедры росли на западном горном хребте, от Амануса до северных окрестностей Тира. Эти места были легкодоступны, и, насколько нам известно, в VI веке леса еще не были истреблены даже на небольших высотах. Навуходоносор думал прежде всего об экономике и политике. Вырубка хвойных деревьев до того была делом приморских городов, в первую очередь Тира. Получив возможность самому посылать лесорубов на восточные склоны гор, Навуходоносор переставал зависеть от них. Кто конкретно руководил порубками? Употребляемые в надписях выражения позволяют предполагать, что эти работы могли быть организованы непосредственно центральной властью, а иногда поставки древесины осуществлялись местными царями. Но обе системы могли существовать одновременно: горцы и лесорубы, подчиненные царской администрации, могли работать на разных участках. Для больших построек царствования Навуходоносора (а позднее и во времена Набонида) требовалось много бревен. Вавилонские архитекторы не использовали для поддержки потолка столбов или колонн, так что балки шли от стены до стены, и именно от их длины зависела площадь помещения. Набонид утверждал, что на перекрытия храма бога-солнца в Сиппаре употребил 1015 кедров. Но в другом месте он говорил об использовании пяти тысяч бревен, а еще в одной надписи упоминал даже шесть тысяч стволов. Эти сведения остаются единичными, они явно не слишком точны, но все же дают примерное представление о порядке цифр.

Жизнь вавилонской деревни к VI веку немногим изменилась с конца неолита: в технике не происходило заметного прогресса. Лошадей на территориях «Благодатного полумесяца» стали использовать в начале II тысячелетия, но применяли в основном в войске — для колесниц и кавалерии. Лишь в царствование Ашшурбанипала у крестьян появился новый рабочий скот — одногорбые верблюды. До тех пор они обитали лишь на Аравийском полуострове; царь решил ввезти их в Ассирию. Оттуда верблюды стали распространяться до устьев Тигра и Евфрата, но, кажется, довольно медленно. Единственным механизмом, облегчавшим тяжелейший труд подъема воды для полива, оставался шадуф — рычаг с ведром на одном конце и противовесом на другом, подвижно укрепленный на столбе, изготовленном из ствола пальмы. К счастью, большинство каналов было устроено в насыпях выше уровня почвы: для того чтобы вода потекла на поля, достаточно было открыть заслонку. Впрочем, понемногу всё шире распространялись металлы: в начале II тысячелетия — бронза, в конце — железо, но оно даже при Навуходоносоре использовалось мало. Во всех своих вавилонских постройках он, судя по надписям, применил железо лишь один раз — для изготовления решетки, которая закрывала вход в канал, называвшийся «Истинно приносящий процветание»*, отведенный от Евфрата (благодаря ей никто не мог проникнуть в канал и добраться от реки до города). Скромный масштаб применения металлов порождал парадоксальную ситуацию: они привозились издалека — из Анатолии, с Кипра, из Египта, а между тем стоили в Вавилонии довольно дешево, поскольку спрос на них был невелик. В текстах всегда специально указывается, что такое-то орудие изготовлено из железа. Это указание имеет смысл лишь в том случае, если все остальные железными не были. Но даже при невысокой цене железных сошников для мотыг только богатые землевладельцы снаряжали ими своих рабочих. Остальные пользовались примитивными инструментами из пальмовых стволов (дерева на вавилонской равнине почти не было); единственным аргументом в пользу такого инвентаря была его большая дешевизна.

Освоение залежных земель в VI веке велось без общего плана и, во всяком случае, оставалось инициативой землевладельцев. Они получали от арендаторов треть урожая. Порядок платы за использование заброшенных земель был другой: в первый год арендатор не платил ничего, во вто-

---

* Паллукат (*аккад.*).

рой — условленную часть, а всю сумму по контракту начал платить лишь на третий год. Проводило ли и государство на своих землях ту же политику? Никаких подтверждений этому мы не имеем.

Питались вавилоняне так же, как их предки, а может быть, даже несколько хуже: площади, засеянные полбой, уменьшались в пользу площадей под ячмень, который лучше переносит засоленную почву. Прежде всего людям служила финиковая пальма. В пищу шли горох, чеснок, кресс-салат и кунжутное масло. Вавилоняне употребляли рыбу, птицу и мелких грызунов, иногда — мясо домашних животных. Как бы то ни было, все жители Месопотамии существовали примерно в одинаковых условиях, и образ их жизни не сильно разнился. Большие и малые дома не отличались по архитектуре: разным было только число помещений, но не их декор, которого почти и не было. Все они строились исключительно из глиняных кирпичей, а покрывались тростниковыми циновками.

Установление мира в Вавилонии и по всей империи, вне всякого сомнения, благоприятствовало развитию экономики; очень сомнительно, чтобы Навуходоносор сознательно этого добивался, но факт налицо. Он удостоверяется числом обнаруженных экономических и юридических текстов (контракты и сделки с недвижимостью обязательно фиксировались письменно). Сейчас известно около 1 800 документов этого рода, относящихся к временам Навуходоносора; это вдвое превышает число подобных актов, дошедших до нас от царствования его отца. Не говоря уже о том, что продолжительность их пребывания на престоле была разной, переменилась также внутренняя и внешняя обстановка. И всё же количество сохранившихся глиняных табличек довольно показательно, как и тот факт, что они связаны со всеми городами Вавилонии. Очевидно, подобные тексты записывались и на коже; но в какой пропорции использовались эти материалы для письма, мы сегодня не представляем.

Процветание распространялось на всё общество. Размеры состояний не были одинаковыми, но наследство, которое целиком оставалось в семье, у самых богатых и самых бедных различалось лишь количественно, а не качественно. Из поколения в поколение богатство то росло, то иссякало. У одного завещателя наследство с 575 до 520 года увеличилось: перед смертью он владел тремя домами, тремя участками для застройки, полями и скотом. То был всего лишь зажиточный владелец недвижимости: он богател, продавая, покупая и обменивая ее. Он ссужал деньгами и торговые

компании, не вступая в них сам, но специально денежным оборотом не занимался — тогда не знали такой профессии, как банкир. Лишь ради важных клиентов он иногда пускал капитал в оборот. Так поступали многие его современники, хотя и в более скромных масштабах — по мере своих возможностей.

Нововведением VI века были командитные товарищества, участие в которых позволяло замужним женщинам размещать свои средства и участвовать в делах. Вообще говоря, они поощряли предприимчивость; в них вкладывались подчас значительные суммы, эквивалентные стоимости нескольких килограммов серебра. Вкладчики получали большую прибыль — от 20 до 50 процентов. Иногда такие товарищества существовали несколько десятков лет. Они инвестировали средства в местное производство: пивоварение, изготовление пальмового вина, сельское хозяйство, скотоводство; главное, эти компании являлись очень удобной юридической рамкой для торговли: у купцов, вступивших в товарищество, были деньги, чтобы вести дела по всей Вавилонии, а самые предприимчивые распространяли поле своей деятельности на весь Ближний Восток.

Обмен между разными областями империи, а также с зарубежными странами был, без всякого сомнения, очень скромен как по экономическому размаху, так и по социальной значимости. В распоряжении государства уже и так была иноземная продукция, которую оно получало в виде военной добычи (от случая к случаю) и дани (достаточно регулярно). С дальней торговлей имели дело — и в качестве купцов, и в качестве клиентов — лишь немногие частные лица. Основную массу жителей Двуречья она не интересовала; к примеру, повседневную одежду ткали женщины в своих домах. Кругозор вавилонских крестьян был неширок, внешний мир ничего для них не значил.

С тех давних пор, как «Благодатный полумесяц» объединили ассирийцы, основные внешнеторговые пути не менялись. При Навуходоносоре независимые вавилонские купцы частично импортировали то, что царь велел доставлять для себя. В Египте они закупали квасцы, лен-сырец и льняные ткани, папирус, слоновую кость. В Сирию и Финикию отправлялись за синей эмалью (дешевой заменой лазурита), пурпурными одеждами (славились тирские, с разноцветной вышивкой), деревом; с тамошними медом и вином конкурировали хмельные напитки из восточных и северных предгорий. Кипр продавал медь — так было всегда, с начала II тысячелетия. Кипрское железо конкурировало с киликийским

и добытым в Ливанских горах. Для производства бронзы требовалось олово; откуда оно привозилось в ту пору, точно неизвестно; возможно, с Иранского нагорья или из Восточной Анатолии. Торговля с Западной Аравией началась незадолго до описываемой эпохи. Свидетельства есть только о связях между Уруком и Теймой; кажется, дорога, проходившая по северу Аравийского полуострова, была очень оживленной. Караваны везли в Месопотамию серебро. При Навуходоносоре еще не знали ладана; он получил распространение лишь поколение спустя и стал главным богатством Аравии. Для обрядовых курений пользовались обычно кедровой, сосновой, еловой или можжевелевой смолой, которую собирали в лесах на севере и западе империи.

Все привозные товары, попадавшие на рынок, как и дань, взимавшаяся царем, были предметами роскоши. В Вавилонии их или вовсе не было, как слоновой кости, или они были малодоступны, как лен. Объем импорта при Навуходоносоре мы оценить не можем, так как не располагаем источниками. Немногим позже, в середине столетия, некий купец привозил в Ур ежегодно примерно 300 килограммов меди, 148 килограммов железа, 14 килограммов олова, 115 килограммов квасцов и 25 килограммов лазурита. Добавим сюда еще два «кувшина» красок неизвестного объема и около 150 литров смолы. Цифры указаны точные, но относиться к ним надо всё же с осторожностью: они даны только за два года деятельности, а каковы были объемы поставок до и после столь краткого отрезка времени? Обычным или исключительным был масштаб деятельности этого купца? Какими бы ни были ответы, о том, как вавилоняне занимались большой торговлей, нам не известно вообще ничего. Однако о том, какие иноземные товары чаще всего продавались в «стране» и каковы были их доли в структуре импорта, мы всё-таки можем судить.

Вавилонское общество не любило потрясений; при Навуходоносоре оно их и не знало. Его стабильность ничем не нарушалась. В конечном счете причиной тому была, видимо, его однородность. По крайней мере именно так клинописные тексты изображают существование оседлых жителей. Как строилась жизнь полукочевых племен, мы совсем не представляем, если только их культура не была общей с тем народом, среди которого они жили (они поселились там слишком давно, чтобы ничему не научиться у соседей). Напряженность между одними и другими снималась в большой мере благодаря представлениям вавилонян о человеческой природе. Они всегда видели в ней две стороны: рабочую си-

лу и собственно человеческую личность. Рабочая сила ценилась в соответствии с рыночными законами спроса и предложения: если ее было много, она теряла цену, если же на рынке ее становилось меньше, она в цене росла; так оно и было при Навуходоносоре. Человеческая личность могла быть слабой, но оставалась при этом неустранимой. Соотношение этих двух частей человеческой природы было различным у разных людей и определяло их положение в обществе. На вершине иерархии находился государь: его человеческое достоинство достигало наивысшей степени; бедняк, стоявший внизу, оставался личностью, но ценили его главным образом по тому, какой он работник. Законы в Месопотамии не предполагали никакого деления жителей на классы, касты и тому подобные социальные группы. Жизненные удачи и неудачи зависели от самого человека. Ремесленники не объединялись в какие-либо профессиональные кланы — разве что представители каждой профессии прибегали к защите своего покровителя — бога или богини.

Вавилонянам казалось нелепостью, если человек жил обособленно от себе подобных. Каждый находился в составе некоторой общности — прежде всего семьи, над которой стояли село или городской квартал. В этих пределах и проходила человеческая жизнь. Как гласило изречение, «кровь есть кровь, другой есть другой, а что снаружи, то снаружи». Такое положение вещей существенно ограничивало возможность внешнего воздействия, даже со стороны самого государя, несмотря на весь его личный или официальный авторитет. Если всё шло своим чередом, вавилонянин повиновался только обычаю, который он унаследовал от отцов, дедов и прадедов. Обычай был неоспорим и управлял всей жизнью людей от рождения до смерти: не только такими делами, которые мы бы сочли подлежащими правовому регулированию (собственность и ее переход из рук в руки), но и распределением воды из каналов, отношениями мужчин и женщин, родителей и детей. Поэтому общество VI века было весьма открытым. Семейная переписка показывает нам примеры свободных и непринужденных отношений — как ссор и перебранок, так и семейной любви.

Всякий человек в Вавилонии — как, впрочем, на территории всего «Благодатного полумесяца» — относился к одной из двух социальных категорий — являлся либо свободным, либо рабом. Его положение не зависело от того, был он местным уроженцем или мигрантом. Свободные — как местные, так и переселенцы, — как правило, несли трудовую

повинность; от нее освобождались только жители больших городов. Но хотя статус обеих групп был одинаков, различие между ними всё же существовало: неавилоняне, естественно, не участвовали в выборных собраниях и не исполняли никаких обязанностей, связанных с политикой.

Зато противоположность между рабским состоянием и свободой приводит современного человека в недоумение. «Человек — тень бога, раб — тень человека», — говорили в Вавилоне. Однако действительность была гораздо сложнее, и сегодня мы должны отказаться от надежды понять, как было на самом деле.

Прежде всего обычное словоупотребление приводит к некоторым затруднениям. Термин, который мы за неимением лучшего переводим как «раб», на деле означал всякое отношение подчинения между двумя личностями, кем бы они ни были: царь покорялся богу, автор письма из вежливости звал себя «рабом» адресата, всякий низший — всякого высшего; это же слово использовалось как самое обиходное ругательство. Таким образом, каждый являлся чьим-то «рабом»; человек неизбежно был «рабом» начальника общины, в которой жил. Итак, вавилонское общество было устроено в виде пирамиды: от самого последнего его члена до государя каждый кому-то приходился «господином», а кому-то — «рабом».

Такая неопределенность была донельзя обременительной. В VI веке писцы попытались преодолеть ее: для обозначения лица, лишённого части прав свободного, они использовали прилагательное «ничтожный». Эти попытки продолжались недолго: ведь для закрепления этой формулы должно было существовать общепринятое понимание того, что есть рабство. Но его не было, поэтому путаница никуда не исчезла.

Читая тексты, мы никак не можем узнать, что же вкладывалось тогда в понятие «раб»; да и сами вавилоняне едва ли смогли бы растолковать нам это. Для нас рабом является тот, кого документы прямо так называют. В отличие от свободного человека, к его имени обычно не присоединяли отцовское, но такое правило было далеко не обязательным: если в тексте юридического или экономического характера надо было избежать двусмысленности или одноименности, имя отца ставили. Ведь рабы имели право создавать семьи, и родители рабов были известны. Допускались и смешанные браки. По общему правилу свободные и рабы получали одинаковую плату за работу. Одинаковы были у них и жизненные чаяния. В повседневной жизни между ними не было

никакой разницы: при любом юридическом статусе богатые жили в роскоши, а бедные — в нужде.

Мы располагаем многочисленными свидетельствами о побегах рабов, но этому явлению не стоит придавать чрезмерного значения: письма современников упоминали о них так часто потому, что и писались именно с целью зафиксировать эти случаи. Да и свободные люди также могли нелегально покинуть место жительства. И те и другие были чаще всего нищими сельскохозяйственными рабочими, слабо связанными со своими общинами. Никак не может быть, чтобы таким образом они стремились избавиться от жизненных тягот; к сожалению, до сих пор еще никто не задался вопросом о причинах их действий.

Беглецу надо было просто оставить дом и сменить место жительства. Вавилоняне были большими домоседами, путешествовали очень редко; поселиться в другом городе значило для них попасть в другой мир. Как правило, при желании находился свободный сообщник, готовый предоставить убежище. Отлучка виновного, пока его не задерживали, могла длиться десятилетиями. Притом беглецы, кажется, ничем не рисковали — им не грозило никакого наказания. Все убытки нес их собственник. Прибегнуть к помощи центральной власти было совершенно невозможно — она не вмешивалась в эти дела; так что хозяину приходилось отыскивать свое одушевленное добро на свой страх и риск. Только у храмов было достаточно служителей, чтобы посылать на розыск пропавших. Остальным оставалось ждать доноса или полагаться на удачу (или неудачу — с какой стороны посмотреть).

Осуществить побег было очень легко еще и потому, что по внешнему виду свободные жители Вавилонии от рабов ничем не отличались. В начале II тысячелетия несвободные носили особые головные уборы, но потом этот обычай забылся. В VI веке рабу или рабыне иногда ставили на руке имя владельца, но такой способ удостоверения принадлежности раба был неудобным, так как хозяин мог меняться. Поэтому к нему прибегали редко, за исключением случаев, когда хозяином был храм. Для храмовых рабов «господином» или «госпожой» было только местное божество. Рабов для храма приобретали навсегда: продавать или перепродавать их не было резонов. К тому же новый хозяин, даже при обнаружении такой отметины, мог ею не заинтересоваться либо (если он был нечестным человеком) не согласиться с ней считаться. Поэтому в ряде случаев юридический статус человека устанавливался в тяжелейших спорах; нередко су-

ды могли определить, раб перед ними или свободный, только на основании случайных свидетельств.

Раб нес ответственность по гражданскому и уголовному законодательству. Его свидетельство принималось в суде, он мог выступать и истцом. Он бывал свидетелем при заключении контрактов и сам их заключал. Кроме того, он мог являться поручителем за собственного хозяина, давать в долг, брать займы, вступать в торговую компанию вместе со свободными. Некоторые рабы в качестве деловых агентов защищали интересы своих хозяев. Бывали они и арендаторами, и субарендаторами, так что нередко случалось, что рабы эксплуатировали свободных в качестве наемных рабочих. Они владели домами, полями, пальмовыми рощами, мастерскими и, наконец, сами имели рабов.

Чем же в таком случае рабы принципиально отличались от свободных? Кажется, было лишь одно осязаемое отличие: раб, независимо от пола и возраста, не имел права противиться своей продаже; в общем, он был приписан к тому или иному недвижимому имуществу. С его положением в обществе и деловыми успехами при этом не считались. Но в случае продажи семьи рабов не разлучались: это запрещали если не законы, то обычаи.

Почему же положение рабов было таким сравнительно благополучным и, если угодно, двойственным? Понятно, что порабощенные сохраняли в себе неустранимую частицу личности. Но в пользу такой мягкости в обращении с рабами были и экономические доводы: рабов и рабынь, как вавилонского происхождения, так и привезенных издалека, было по-прежнему немного. Нам сейчас нелегко определить среди них иноземцев, поскольку хозяин мог дать им вавилонские имена. У многих семей рабов вовсе не было, и даже самые богатые имели всего от двух до пяти человек. Оценить долю рабов среди всего населения сейчас невозможно; назывались цифры от половины до трети жителей «страны», включая сюда и частных, и царских, и храмовых рабов; но это не более чем гипотезы. Однако достоверно установлено: хотя в Вавилонии рабский труд использовался, вавилонское общество не существовало за счет эксплуатации этого труда.

Немногочисленность рабов объясняется тем, откуда они брались. Рабами были дети рабов, в том числе рожденные от смешанных браков — независимо от того, был свободным отец или мать. Кроме того, люди подбирали детей-подкидышей и делали их своими рабами; такой способ практиковали в начале II тысячелетия, но потом почти вовсе перестали использовать. Чаше же родители, вынужденные оставить де-

тей, поручали их храмам. В VI веке несостоятельные должники и их жены уже не продавались в счет уплаты долгов, как было прежде, ни по собственной воле, ни по требованию кредитора; впрочем, оставалась еще оговорка, что в рабство можно было обратить их детей. Значит, эти источники не могли дать значительного количества рабов для Вавилонии; извне рабская сила при Навуходоносоре также не прибывала в массовом количестве. Царь и не собирался ее поставлять: отказ от порабощения свободных людей из побежденных народов был его постоянной политикой; они оставались дома или переселялись, но всегда в прежнем своем качестве.

Таким образом, рабы были дороги. В среднем раб стоил 60 сиклей — одну «единицу» (рабыня — вдвое дешевле). Цена говорила не только о стоимости в экономическом смысле. Она имела и символическое значение: в клинописи число 60 обозначается вертикальным «гвоздем», но тот же знак ставился как определитель и перед всеми собственными мужскими именами. Итак, графически «60» означало «человек», но в то же время выражало и его денежную стоимость. Предполагалось, что свободный человек не может задолжать больше этой суммы. Так что раб был капиталом. Он стоил в пять-шесть раз больше расходов на свое содержание; если он приносил в качестве капитала обычную среднюю прибыль в 20 процентов годовых, то владелец окупал расходы на его покупку за пять лет. Ремесленников в Вавилонии не хватало, а между тем правилом оставалась передача ремесленных навыков по наследству; профессионального обучения вне семьи почти не существовало. Поэтому запросы рынка не удовлетворялись в полной мере. Для обучения нужному ремеслу оставались только рабы: их хозяева рассчитывали, что затем они принесут гораздо большую прибыль. Конечно, это было рискованное вложение: раб мог убежать, заболеть или умереть.

Поэтому владельцы очень неохотно расставались со своими рабами. Некоторые рабы накапливали солидное состояние и имели средства себя выкупить, но, кажется, такое случалось нечасто. Впрочем, если рабу давали свободу, он не избавлялся от всех своих обязанностей: несмотря на новый статус, бывший раб должен был оставаться при хозяине до его смерти. Существовал и еще один способ прекращения рабского состояния — усыновление. Человек, не имевший семьи и детей, на склоне лет давал вольную рабу, с тем чтобы тот жил при нем, заботился о нем и в конце концов становился его наследником.

Но зато всякий житель Вавилонии, если бы его спросили о ее населении, не задумываясь разделил бы жителей Нижнего Междуречья на две основные группы — крестьян и горожан; полукочевников, живущих в шатрах, он бы вовсе не принял в расчет. На деле место проживания говорило о человеке больше, чем его юридический статус, местное или иностранное происхождение, социальное положение. Внутренняя политика Навуходоносора была основана на тех же представлениях: он полностью игнорировал неоседлых жителей. Крестьянам он тоже почти не уделял внимания, а вследствие этого проявлял совершенное безразличие к административному устройству «страны Шумера и Аккада». В сущности, она для него состояла только из больших городов — тех, которые царь в своих надписях называл стольными.

Город причислялся к стольным (их было всего около дюжины) не по размерам и не по числу жителей; современники Навуходоносора принимали во внимание исключительно его религиозную значимость. Безусловно, в VI веке знаменитые культовые центры находились как раз в самых крупных городах. Но вавилоняне судили не по материальному состоянию: в ранг стольного города они возводили всякое поселение, в котором издавна высился храм славного божества. У всех таких центров была очень долгая история, все играли определенную политическую, экономическую и культурную роль уже с середины V тысячелетия и ни один не был построен позднее. Некоторые города были прежде столицами больших царств (например, Исин и Ларса в XIX—XVIII веках) или даже империи (Киш в конце III тысячелетия). Их древняя история была неотделима от истории всей Месопотамии и даже всего Ближнего Востока. Но для тех, кто жил там, судьба города в первую очередь была судьбой священного пространства, где стояли храм главного божества и ступенчатая башня. В этом отношении Навуходоносор разделял мнение, принятое всеми его подданными.

ХРАМ — ЦЕНТРОБЕЖНАЯ И ЦЕНТРОСТРЕМИТЕЛЬНАЯ СИЛА

Города Вавилонии были не чем иным, как лабиринтом улочек, переулочков, тупичков с одно- или двухэтажными домиками; в них не было ни больших улиц, ни площадей (их роль играли перекрестки). Поэтому храм верховного божества был самым крупным зданием, намного превосходяв-

шим остальные, а ступенчатая башня, стоявшая при каждом большом храме, — архитектурной доминантой города; ее внушительные размеры делали ее видимой далеко окрест. Вавилоняне явственно ощущали это; они говорили, что кровли их храмов «высоки, как горы», и представляли, будто они «касаются неба». Вдобавок по всему городу были разбросаны другие культовые постройки: жертвенники, временные алтари, ниши со статуями на углах улиц; одни содержались лучше, другие хуже, одни процветали, другие прозябали; их было много, но площадь они занимали незначительную. Однако они вплетались в ткань города, а священное пространство было тщательно отделено от наружных светских строений длинной глухой стеной, за которую можно было попасть лишь через несколько хорошо охраняемых ворот. Таким образом, храм находился и в городе, и вне его. Описание Урука в «Эпосе о Гильгамеше» не упоминает знаменитого «Небесного дома» Иштар; это нельзя объяснить забывчивостью автора или пренебрежением богиней, ведь поэма отводит ей определяющую роль в фабуле. Урукцы конечно же гордились своей святыней, но были от нее так далеки, что она казалась им иным миром, заключенным в стенах их города.

Святилище бога-луны в Уре представляет собой в плане неправильную трапецию со сторонами 140, 248, 348 и 187 метров; общая площадь огороженного пространства — 440 гектаров. На севере Вавилонии, в Сиппаре, бог-солнце жил в гораздо более просторном помещении: 320 на 240 метров. Главный храм Ниппура — один из важнейших в стране — имел площадь 942 квадратных метра, а святилище «Верховной госпожи» в Вавилоне — примерно вдвое большую. Впрочем, эта богиня была известна лишь в самом городе, а ниппурский бог тысячелетиями стоял во главе пантеона. Так что этим цифрам стоит придавать важности не больше, чем признавали за ними сами вавилоняне: они действительно не видели связи между значением божества и величиной посвященного ему храма. Размеры культовых зданий, где служили Мардуку, в Вавилоне были больше, чем на остальной территории страны, но всё же не чрезмерно обширны. Святость места вполне уживалась с невеликим пространством; объем помещения отражал не столько значимость бога, сколько первоначальную архитектуру этого памятника; часто его ограничения налагались условиями землепользования.

Традиционный план вавилонского храма установился еще в V тысячелетии: здание в форме параллелепипеда, сто-

явшее в огороженном наглухо дворе. Тут же на эспланаде высилась ступенчатая башня. Век от века прибавлялись второстепенные алтари, возводимые отдельно или в составе главного храма, а кроме того, колодцы и служебные строения. В толще стен устраивались длинные комнаты, имевшие только дверь и пару отдушин под самым потолком; они служили ризницами, мастерскими и жильем для служащих.

Основным материалом даже для самых роскошных построек издавна были кирпичи из сырой глины, высушенные на солнце; обожженные кирпичи клались только в тех частях здания, которые чаще всего соприкасались с влагой. Камень использовался лишь для выкладывания ступеней и водостоков. В Вавилонии камень встречался очень редко, чем обычно и объясняют историки почти исключительное применение глины. Такой взгляд не совсем верен. Пользуясь местным материалом, строители прежде всего стремились продемонстрировать свою верность традиции, не прерывавшейся от возникновения первых поселений в долине низовий Тигра и Евфрата. Никаких практических преимуществ этот материал не давал. Конечно, такое сырье было под рукой всегда, везде и в неограниченном количестве; для его использования требовалась лишь рабочая сила — многочисленная, но не нуждавшаяся в особом обучении. Но, несмотря на все предосторожности (ряды кирпича перекладывали тростниковыми матами и заливали вместо раствора асфальтом), кирпичи плохо переносили вавилонский климат. Разбитый кирпич уже не мог идти в дело, а его обломки занимали немало места. Ветры и дожди неумолимо разрушали строения; храмы требовали постоянной реставрации — примерно с каждым новым поколением.

Разумеется, сегодня нельзя оценить, в какую сумму обходилось стране поддержание религиозных сооружений в хорошем состоянии; в Вавилоне традиционно считалось, что она равна стоимости рытья каналов и ухода за ними. Вложенный требовалось так много, что большинство храмов в течение значительной части своей истории находилось в упадке и даже разрушалось. Лишь когда наступал период политической стабилизации и экономического подъема, они могли вернуть себе прежний блеск. Мир, наступивший после победы над Ассирией, привел их к новому расцвету. Навуходоносор с неумолимой энергией отдался решению задачи их возрождения; его надписи в общем-то и говорят только об этой стороне его деятельности.

Изначальным и постоянным ядром храма была «святая святых». Там, по обиходному выражению, «жило» божество.

Как бы ни было велико священное огороженное пространство, «святая святых» везде была мала: в Ларсе, к примеру, ее площадь составляла четыре на пять метров, в Барсилпе — четыре на восемь. Кроме того, она — как, впрочем, и все остальные храмовые помещения — была сильно загромождена. Каждый человек имел право поставить там статую от себя. Туда, под божественное покровительство, помещали посвященные стелы и надписи. Там на скамьях вдоль стен стояли ритуальные предметы, сосуды для омовений, курильницы, жертвенные столики, священная ладья божества, его драгоценная колесница для выездов и ложе. Время от времени жрецы выносили менее ценные и самые ветхие предметы в ризницу или на двор. В глубине помещения, у короткой стены, лицом к двери в полумраке высилась на пьедестале статуя, в которой был воплощен бог.

«Святая святых» была местом безмолвия. Звуки могли отвлечь божество, и тогда оно не склонило бы слуха к молитвам людей (по-вавилонски одно слово означало и «услышать», и «исполнить» молитвенную просьбу). Но безмолвие для вавилонян обладало не только этим достоинством — оно имело и собственную ценность. Городской шум, оглушавший жителей, стал богословским символом: то был звук хаоса, беспорядка испорченной цивилизации, доходивший до богов и мешавший им спать; из-за него они гневались на людей. Только Потоп избавил богов от этой какофонии, да и то лишь на время. Поэтому в храме не допускалось никаких восклицаний. Радость и скорбь выражались музыкой и пением; языком богослужения оставался шумерский, хотя в начале II тысячелетия он вышел из обихода, что позволяло в храме при чтении молитвы еще больше отдалиться от суеты человеческих чувств и житейских забот.

Таким образом, «святая святых» была непохожа ни на какое другое место — ни мирское, ни даже храмовое; она предназначалась для того, чтобы обеспечить возможность непрерывного тесного общения с богом, которого нельзя было беспокоить ничем, кроме установленного богослужения. Замкнутое пространство было архитектурным способом охранить и оградить божество от внешнего мира. Этим объяснялось сооружение оборонительной стены, ничем не отличавшейся от городских укреплений; священное жилище пространственно и визуально не выделялось и даже не замечалось ходившими по храму людьми. Его ритуальная неприкосновенность подкреплялась местоположением. Строители храмов при проектировании никогда не допускали осей, которые могли бы открыть далекую зрительную перспективу.

Дорога от ворот до статуи божества всегда образовывала кривые и ломаные линии. В самых крупных святилищах цепочки закрытых дворов не давали увидеть даже порог, за которым жил бог. Впрочем, «святая святых» не прятали — о ней, так сказать, просто не вспоминали. Парадоксальным образом этот хозяйственный, ритуальный и мистический центр не являлся композиционным, архитектурным центром освященного пространства.

При всяком значительном храме находилась ступенчатая башня. По-шумерски она называлась «княжеским зданием», а по-вавилонски — «остроконечной вершиной». Эти названия не разъясняют нам предназначения этих оригинальных сооружений, характерных для Междуречья. Археологические раскопки позволили вполне удовлетворительно восстановить их архитектуру, кроме устройства помещений с жертвенником, венчавших вершину: ни одно из них не выдержало испытания временем. Довольно много сохранилось и древних изображений башен; они обычно выполнены довольно плохо, но всё же полезны для современных реконструкций. Однако тексты не говорят о башнях почти ничего: там сообщается лишь об их реставрации и приводятся кое-какие технические подробности. Но для чего возводились эти башни? Древних данных об этом у нас нет, и мы можем лишь выдвигать рискованные гипотезы. Точно известно одно: вавилоняне сами не знали их первоначального назначения; они пользовались ими для некоторых обрядов, но достаточно редко; чаще они проводили богослужения на плоских крышах храмов, которые были доступнее и просторнее, нежели маленькое пространство с алтарем на самой верхушке башни. Нет сомнений, что «остроконечные вершины» явились результатом долгого развития, а началась эта эволюция в IV тысячелетии. При восстановлении храма старые стены разрушали подчистую, делали из их обломков платформу, чтобы не ставить лесов, а затем строили на ней. Так из века в век культовые сооружения поднимались всё выше на скошенных по бокам террасах, а сами становились всё меньше. К концу III тысячелетия жертвенники на вершине стали уже чересчур малы. Тогда решили возводить здание главного храма в более удобном месте — у подножия ступенчатой башни. Сама башня продолжала существовать, но богослужения, за малым исключением, теперь были вынесены из нее и тоже спустились на землю. Башня сохраняла силуэт нескольких стоящих друг на друге усеченных пирамид, уменьшающихся в объеме и соединенных лестницами, внутри была сплошной, сложенной из сырцовых кирпичей,

а снаружи облицовывалась кирпичом обожженным. С течением времени вавилоняне стали считать, что каждый стольный город непременно должен иметь ступенчатую башню. Так столетиями делали их предки — так должны были делать и они.

Характерно, что в вавилонском языке одним словом обозначались и священное здание, и обычное человеческое жилье: то и другое было «домом». Тексты просто говорят: «дом такого-то бога» или «такой-то богини». Для существования такого дома нужны были пространство и люди; задача содержания храма направляла неустанную — подчас весьма солидных масштабов — деятельность, подчинявшую себе всех, кто так или иначе принадлежал к храмовым служителям.

Не будет ошибкой отделить хозяйственную деятельность от религиозной. Конечно, хозяйство обеспечивало возможность отправления культа — или культ требовал ведения хозяйства. Но люди, ведавшие делами, и те, кто совершал богослужения, принадлежали к совершенно разным категориям. Хотя цель у них была одна, повседневные заботы, поручавшиеся им, были строго разделены и даже несовместимы; одни служители не могли подменять других.

Во главе всякого большого храма стояли три персоны; в разных городах они назывались по-разному, но разделение их полномочий повсюду было одинаково. «Эконом» стоял на вершине иерархии и являлся перед всеми людьми олицетворением нравственного авторитета храма. Вторым в иерархии был «начальствующий»; он занимался в основном делами вне освященного пространства, общался с работниками, трудившимися на храмовых землях. Наконец, «писец» управлял канцелярией, но и он по нуждам своей службы покидал святилище. Их власть распространялась на всех служителей, в больших храмах была даже своя темница для тех, кто нарушил их указания. Эти трое были мирянами и занимались мирскими делами, но служили они только своему божеству.

Под их управлением были две отдельные группы храмовых служителей. В первую входил клир: жрецы, певчие, прорицатели, заклинатели. Вторую, гораздо более многочисленную, составляли земледельцы и скотоводы (работали на храмовых землях), ремесленники, охрана и служки (в храмовой ограде). Эти разнорабочие, которых иногда бывало очень много, обеспечивали повседневные нужды замкнутых в себе корпораций. Правда, само место придавало их трудам в их собственных глазах некую богоугодность, но жили и работали они так же, как миряне за стеной. Только среди этой

категории служителей встречались женщины; ни к каким собственно религиозным обязанностям они не допускались уже с конца III тысячелетия.

Начиная с VII века значительную часть рабочих составляли храмовые рабы (обычно говорили конкретно: «рабы такого-то бога»). Они поступали из трех источников. Рабы-родители передавали свой юридический статус детям. Иногда, спасаясь от голода, свободные люди отдавали своих детей в храмы; так святилища становились благотворительными учреждениями, облегчавшими страдания населения, поредевшего в тяжелые времена экономических неурядиц. Одна вдова так объясняет свою просьбу начальствующим в «Небесном доме»: «Муж мой <...> умер, голод был в стране; и отметила я знаком звезды <двух> моих младших детей <...>, и отдала их Госпоже Урука <и сказала>: корми их, и да будут они рабами Госпожи Урука!» Этот документ был составлен много позже смерти Навуходоносора (датирован 544 годом), но представляет собой пример традиционной процедуры.

Были и другие источники пополнения числа храмовых рабов. Так, хозяин мог пожелать отдать своего раба богу, чтобы получить его благословение; такой дар вступал в силу только после смерти владельца или его супруги. Наконец, заемщик мог возместить храму долг, предоставив ему своего раба.

Храмовые рабы обоего пола были собственностью божества и носили его знак, как скот и даже неодушевленные предметы, ему принадлежавшие. На руке у них татуировались или выжигались железом атрибуты божеств: звезда (символ Иштар), мотыга (Мардука), заостренная тростниковая палочка для письма (Набу) и т. п.

Положение таких рабов было относительно прочным; по крайней мере они были застрахованы от продажи. Им не грозил и голод: когда кончались припасы по всей стране, у храмов продовольствие было. В придачу к жалованью им выдавали еду, одежду и обувь; они могли сами назначать себе жалованье, ибо имели самоуправление и право голоса при выборе старосты — такого же храмового раба. Обычно храмовое начальство не поручало им важных обязанностей, но этот факт никоим образом не был связан с их статусом: один из рабов храма Набу в Барсиппе дослужился до писца. Впрочем, иногда они так же, как и рабы, принадлежавшие мирянам, выказывали неповиновение. Письма начальствующих над ними то и дело сообщают об их лени, небрежности, воровстве.

У нас нет достаточно полных архивов, чтобы реконструировать храмовые бюджеты. Но можно утверждать, что персонал канцелярий повсюду был многочисленным, а управление делами — четко организованным. В нем применялись те же административные и бухгалтерские приемы, какими пользовались при царском дворе и в богатых домах. Так, в «Небесном доме» Урука служили 20 писцов по глине (и, очевидно, столько же их собратьев, писавших на коже), а в вавилонском дворце Навуходоносора их было всего 15. Всю свою жизнь администраторы проводили при храме за высокое жалованье. Правда, и работа у них была нелегкая.

Почти все храмы были земельными собственниками. Основную часть их доходов поставляли земледелие и скотоводство. Самые богатые имели огромные земельные владения; но было, конечно, много и совсем небольших храмов, чей единственный служитель имел для жизни и богослужений только поле да сад. Впрочем, Навуходоносор на такие места явно не обращал внимания. Некоторые храмы стольных городов были намного богаче любого мирянина, не исключая самого царя. «Небесный дом» владел пятью—семью тысячами голов рогатого скота и 100—150 тысячами овец. Овцы давали ему пять тысяч килограммов шерсти в год*. Начальствующие над храмовым хозяйством не занимались содержанием пальмовых рощ, садов, выращиванием зерновых на полях. Они делили их на малые участки, на каждом из которых поселяли семью. Такие рабочие имели разный юридический статус: среди них были, конечно, храмовые рабы, но были и свободные. Участки передавались по наследству из поколения в поколение; кроме того, все арендаторы были обязаны участвовать в общих работах на потребу землевладельца, причем совершенно бесплатно. Иногда участки храмовой земли отдавались арендаторами в субаренду. Условия землепользования были те же, что на царских и частных землях.

Административное управление, то есть учет и контроль, в храмовых владениях было налажено хорошо, но приемы ведения сельского хозяйства были рутинными и отсталыми. Прежде всего, безусловно, следовало заниматься ликвидацией разрушений, причиненных ассиро-вавилонскими войнами. Но и после восстановления оставалось слишком много пустошей и мало финиковых посадок, а хороший доход давали только они. Этот недостаток не был исправлен за вре-

---

* Вероятно, автор приводит неточные данные. При таких расчетах получается, что с каждой овцы имели по 20—30 граммов шерсти в год.

мя царствования Навуходоносора. Храмовые власти не находили выхода из положения; власти же политические, которые могли бы побудить их к действию, этим не интересовались.

Храмы выходили на рынок труда: отдавали своих рабов внаем на сторону и вместе с тем широко прибегали к найму на сельскохозяйственные работы свободных рабочих, иногда даже прибывших из Сузианы. Их ремесленники работали только на богов, но их не хватало; поэтому и здесь обращались к посторонним специалистам: мастерам по изготовлению глазурованного кирпича, кораблям и, по мере надобности, знатокам всяких других ремесел.

Так же, как царь и частные лица, храмы давали денежные ссуды под обычный процент, торговали в кредит и вкладывали капиталы в торговые товарищества. Самые богатые из них имели недвижимость во всех концах страны: Иштар Урукская владела землями и на севере — под Сиппаром, и на юге — в «стране моря». Сиппарский бог-солнце, наоборот, имел земельные участки под Уруком. Такая мешанина объясняется тем, что земли передавались храмам в дар; жрецы со временем накапливали их всё больше: земли эти жертвовались из благочестия и закреплялись за храмами, в какой бы части Вавилонии те ни находились. Отсюда рождалась некоторая солидарность, выражавшаяся в перераспределении средств между процветавшими храмами и теми, что не имели достаточного дохода: первым приходилось предоставлять для вторых жертвенный скот. Так, «Небесный дом» Урука посылал стада в Ларсу и Дер.

Святыни стольных городов получали также регулярную «десятину»; она равнялась (если не на практике, то в теории) 10 процентам дохода. Ею облагалась продукция сельского хозяйства, так что она была аналогична «десятине» царской, но обозначалась другим словом. Этому обложению подлежали все земли — не составляли исключения даже царские владения. Налог собирался ежегодно и платился натурой; но как именно функционировала эта система, нам сейчас неизвестно.

Третьим источником храмовых доходов были разовые жертвования. Они по самой своей природе были непредсказуемы. Между Навуходоносором и любым из его подданных разница была только в размахе подношений. Можно предполагать, что «Дом под высокой кровлей» получил, как сказано во Второй книге Паралипоменон, «большие и малые» культовые предметы, взятые в 597 году в Иерусалиме из подвергнувшегося разрушению храма иудейского бога Яхве. Го-

сударь распоряжался также размещением прочей утвари и статуй. Так, для богини Гулы он «велел одеть балдахин в палисандр, дерево вечное, в золото червонное, и украсил ее камнями драгоценными, и растянул его <над статуей>. Я велел одеть стол жертвенный, достойный ее сосудов, в золото блестящее. Я велел поставить у самого основания на земле у врат ее святых двух собак серебряных и двух собак бронзовых, с огромными лапами, с дебелыми телесами». Мардук и его сын получили из царских рук по барке для плаваний по каналам во время процессий. Барка Мардука была от носа до кормы обшита золотом и повсюду украшена эмблемами бога — мотыгами и драконами. На барке Набу рубка была сделана из палисандра, а каюты отделаны червонным золотом.

Храмы принимали всё, что им давали. Дочь Навуходоносора подарила «Небесному дому» в Уруке земли; частные лица отдавали им рабов и всякого рода добро «для спасения живота», как было принято писать. У входа в священную ограду постоянно стояли охраняемые корзина или ларец для небольших денежных приношений.

Средства храма расходовались прежде всего на богослужения: пищу и одежду для статуй, производство или поновление самих статуй. Этим занимались мастерские в храмовой ограде, но материал покупался на стороне. Богам нужна была трапеза: еда и питье. Требовалось платить жалованье служителям культа и наемным работникам. Впрочем, оно не всегда выдавалось пунктуально: был по крайней мере один случай, когда храмовые рабы письменно пожаловались на неуплату. Акционеры-пребендарии требовали своей доли дохода. Для ведения сельского хозяйства приходилось тратить на орудия труда, семена и скот; следовало поддерживать в порядке каналы. Кроме того, храмы должны были считаться с возможностью привлечения их ресурсов для выполнения в пользу государства некоторых повинностей (правда, неизвестно, на каких основаниях светская власть могла этого требовать). Так или иначе, «Небесный дом» принимал участие в больших строительных работах в столице. Каждый храм должен был поставлять еду для царского стола путем отправки некоторой части жертвоприношений в Вавилон. Таким образом, служители, принадлежавшие богу, не избавлялись от царской трудовой повинности.

Храмы придумали оригинальную форму ведения хозяйства: продажу пребенд*. Эта система была разработана в на-

---

* Пребенда (*новолат.*) — доход духовенства в Западной Европе от церковной должности (с земель, домов, церковных сборов, треб и т. д.).

чале II тысячелетия, а впоследствии получала всё большую популярность. Наивысшего развития она достигла в VI веке. Говоря по-нынешнему, это была просто эмиссия акций. Капиталом был храм — всё его имущество, движимое и недвижимое, и всякого рода доходы. Храмовая администрация продавала на определенное время «доли» жреческих обязанностей, исполнявшихся в стенах святилища. Как бы именно ни обозначались эти обязанности, они всегда были чисто формальными: покупатели на самом деле не несли службы, обозначенной в контракте, — за них это делали специальные члены клира. Да и физически это было бы невозможно: «доли» составляли несколько дней, а то и часов, так что такую службу было бы до неразрешимости сложно организовать. Вследствие этого собственно религиозные функции в точном смысле этого слова продаже не подлежали — за них должны были отвечать компетентные люди; от покупателя же, естественно, никакой квалификации не требовалось. Пребенды были наследственным достоянием: давались в приданое, завещались, продавались и покупались по рыночному курсу (как участники сделок оформляли их, мы не знаем). Вот пример документа из Ларсы, датированного 29-м годом царствования Навуходоносора: «Запись пребенды пивоварни на службе бога-солнца и Аيي (его супруги. — Д. А.): два дня месяца шабат (середина января — середина февраля. — Д. А.), 24-й и 25-й день. Шамаш-зеру-либши, сын Этеллу, у Шамаш-зера-ициса узнал ее цену: 12 сиклей серебра в брусках, и купил ее».

В зажиточных семьях пребенды всегда высоко ценились: это было превосходное вложение денег, поскольку доход, по-видимому, был высок. Проценты выплачивались натурой соразмерно стоимости «обязанностей». Таким путем пребендарии делили между собой бенефиции храма — то, что оставалось от жертвоприношений после получения своей доли храмовыми служителями. Впрочем, конкретный механизм распределения нам неизвестен.

Институциональную связь между главным храмом стольного города и самим городом с его округой выражало «собрание». Оно окружало храмовое управление «старейшинами» и «гражданами»; это были только мужчины (рабы и иностранцы в него не допускались) разного социального положения: в их число входили сами горожане и жившие за городскими стенами селяне, миряне и жрецы, чиновники, ремесленники и лица «свободных профессий». Все они были ответственны перед государственной властью. Государство в «собрании» тоже было представлено, часто в нем пред-

седательствовал сам царский правитель. Заседания проходили внутри священной ограды, что, впрочем, имеет простое и рациональное объяснение: только в храме было достаточно пространства, чтобы удобно разместить участников стольного многолюдного сборища. Других подходящих зданий в вавилонских городах обычно не имелось.

Именно в храмовых «собраниях» проявлялся местный патриотизм, ими же он и подпитывался. В начале II тысячелетия это чувство было очень сильным, тем более что большинство стольных городов тогда являлось столицами независимых царств. В конце этого и в начале следующего тысячелетия они, сами к тому не слишком стремясь, обрели фактическую независимость: царь в Вавилоне тогда был лишь номинальным правителем. Хотя потом царствовали уже сильные государи, прежняя политическая гордость сохранилась. Она подкреплялась всеобщим, с незапамятных времен, поклонением главному божееству города. В течение тысячелетий в каждом вавилонском городе такое божеество всегда было одним и тем же. Эти союзы были неразрывны. Как гласила пословица, «Шамаш скрепляет Ларсу, как асфальт корабль».

Но для жителей бог, живущий в самом великолепном храме, был защитой, воплощением и символом города. Светская и духовная власти старались сотрудничать и даже мало-помалу обмениваться ролями, бок о бок исполняя одни и те же обязанности. Пребендарии блюли свои экономические интересы: им был прямой резон желать возможно большего процветания религиозной организации, чью финансовую судьбу они разделяли, и способствовать этому процветанию. Все вместе эти обстоятельства приводили к тому, что население каждого стольного города как можно теснее сплачивалось вокруг своего святилища.

Навуходоносор не мог не признавать этого слияния; так же поступал его отец, ко времени восшествия на престол которого слияние было уже полным. По одной из формул стольные города были «городами великих богов», а потом уже «страны Шумера и Аккада». Таким образом, даже в царских надписях религиозная дефиниция была важнее политической. Правда, то была уступка больше на словах, чем на деле. В реальности на всём протяжении царствования Навуходоносора полномочия храмовых «собраний» держались в узле. Царский авторитет без видимых усилий не давал им возможности выйти из первоначальных рамок. Они позволяли себе разбирать лишь гражданско-правовые споры да наказывать преступления, сочтенные не слишком тяжкими.

В любом случае можно было обратиться и к светской власти. Но всё было готово к тому, чтобы при соответствующих обстоятельствах эти учреждения стали играть роль настоящего правительства, соперничающего с центральной властью или заменяющего ее.

Теоретические основы вавилонской религии были просты и установлены искони. Боги и богини были бессмертны. Внешне они были подобны человеку — только великолепны обликом; они передвигались с нечеловеческой скоростью и не знали препятствий; они представляли перед верующими, окруженные сияющим нимбом. Правда, если почитать мифы, там боги не являли собой пример ни ума, ни доброты, ни даже нравственности. Притом все они, несмотря на неизмеримое превосходство над человеком, имели те же нужды. Люди, построившие им дома, должны были и заботиться о них. Ведь у храмов была лишь одна функция — совершать богослужения, иными словами — непрерывно кормить, одевать и развлекать божество. Если люди самовольно пренебрегали этими обязанностями, им грозили самые страшные последствия. Такой определенный антропоморфизм не вызывал никаких трудностей и сомнений; что бы ни случилось, никому в Вавилоне не приходило в голову критиковать его. Служение богам решительно уподоблялось служению человеку, только превосходило его, насколько позволяли средства. Хлеб, сладости, пиво и вино, рыба и мясо (от говядины до голубятины) составляли основу меню всякого вавилонского богача. Так человеческая община гарантировала себе стабильность и процветание; но храмы добивались этого лишь строжайшим обособлением сакральной зоны от остального городского пространства. Миряне, населявшие это пространство, оправдывали существование священной ограды: они не имели права участвовать в обрядах и даже присутствовать при них.

Стоило прерваться культу, как общество, можно сказать, распадалось. Поэтому на жречестве лежала особая ответственность, но и для мирян его труды имели большое значение. Что же до государя — гаранта общественного порядка, — то его настоятельным долгом было обеспечить возможность постоянного совершения обрядов в каждом божественном «доме» по всей стране. Навуходоносор, как и его отец, решительно принял на себя эту наивысшую обязанность.

Божество физически присутствовало в «святая святых» — там стояла его статуя. Никогда (за исключением совсем маленьких храмиков) божество не было одиноко — его сопровождала семья по образцу мира людей: жена (или муж), де-

ти, слуги. Ни одну из этих статуй не пощадило время: они были чрезвычайно непрочны. Самые грандиозные истуканы делались из деревянной арматуры; на этом каркасе держались роскошные вышитые одежды, скрывавшие его; из-под них видны были только лицо и кисти рук, сделанные из слоновой кости, золота и серебра. Небольшие статуи были металлическими или каменными.

Вавилоняне так хорошо отдавали себе отчет в том, что их культовые статуи — материальные предметы, что позволяли себе рассказывать об их изготовлении — правда, с должным почтением. Хотя ремесленники в процессе работы над статуей молились божеству, но делали ее человеческие руки. Законченная и вышедшая из мастерской статуя «оживлялась» при помощи магической церемонии: в простую вещь «вдувалась душа». Совершалось пресуществление: вещь становилась богом, столь же реальным и живым, как этот бог вне храма, в небесах. Вот почему «пресвятой тамариск» называли «костью богов».

Итак, обряд состоял в том, что богам и богиням подносили трапезу, приготовленную не на глазах у них, а на храмовой кухне, как делалось в доме любого высокопоставленного человека. Служба сопровождалась музыкой и пением. Созерцая жертвенные блюда, боги тем самым насыщались ими. Затем вся еда убиралась и делилась между служащими соответственно рангу. Иногда к приготовленным блюдам прилагались груды сырых продуктов. Время от времени — очень редко — боги, то есть статуи, выходили из «святых» помещений, отправлялись участвовать в процессиях или гостить друг у друга. Круг богослужений следовал за лунным календарем, особыми церемониями отмечались полнолуния и новолуния. Кроме того, литургический год каждого храма включал особые праздники в честь главного божества и второстепенных, окружавших его. Все прочие ритуальные действия лишь дополняли основной культ. Эту роль играли прорицатели и заклинатели: первые замечали грозящее зло, вторые отгоняли его.

Богослужение осуществляли специалисты и только они. Жрецы занимались своим делом так же, как любой ремесленник. Никакого особого «призвания», «благодати» от них не требовалось — божественный голос к ним не обращался. Часто эта профессия была наследственной; за людей решала семейная традиция — так же, как в семье гончара или матроса. Конечно, жрецы должны были соответствовать кое-каким требованиям: быть свободными, происходить из хорошей семьи, не иметь физических недостатков. Но вне

богослужений они вели мирскую жизнь: женились, не носили особенных одежд, не соблюдали ограничений в пище или каких-либо иных. Перед посвящением в сан проверялась их пригодность, после чего они поступали в храм.

Служители храма занимались культом статуи; они были, так сказать, ее домашними слугами. Обучение они проходили в устной форме у старых жрецов, перенимали у них молитвы и священные действия, а потом точно так же сами передавали их своим преемникам. При этом они не пользовались записями. Найдено очень мало официальных служебников, и объясняется это тем, что жрецы знали все тексты наизусть. Духовное пение преподавалось таким же образом.

Прорицатели и заклинатели, напротив, были учеными писцами: читали, издавали и комментировали свои руководства. Они в основном работали в храме, но в отличие от жрецов им случалось заниматься своим ремеслом и «в городе» — выполнять заказы мирян, когда те считали необходимой их помощь. Вавилоняне в повседневной жизни непрерывно обращались к ним, чтобы узнать будущее; отвести злые чары, благословить новый дом, изгнать беса из больного. Тем самым заклинатели и прорицатели становились посредниками между двумя мирами: обиталищем божества внутри священных оград и городом, окружавшим его и отделенным от него.

Мирянам очень редко случалось приходиться в храм. Делали они это по личной инициативе, поодиночке, по случаю: испросить божественной помощи или поблагодарить за исполнение молитвенной просьбы. Так или иначе, во всех случаях между богом и его почитателем, не знавшим установленных формул и ритуалов, стоял «технический» посредник — жрец.

Хозяйственная система храма позволяла очень легко сводить баланс бюджета, поскольку соотношение доходов с расходами было всегда неизменно: когда обильные приношения или умелое ведение хозяйства увеличивали поступление средств, богослужения становились пышнее, при этом и служащие получали больше, кроме того, можно было увеличивать вложения капитала. Текущий ремонт зданий жречество могло осуществлять своими силами. Но полная реставрация всегда требовала больших финансовых ресурсов. Сами столичные города не имели средств на нее, и тогда в дело вступал государь.

Навуходоносор понимал важность этой своей роли. Только у него в Вавилонии была обязанность и возможность решить эту гигантскую в масштабах страны задачу. Его отец

этого просто не успел. Навуходоносор хотел показать современникам и оставить потомкам образ царя-строителя: «Я надписываю имя свое на том, что восстановил из развалин».

Храм каждого стольного города Вавилонии был приведен в порядок и в случае надобности перестроен; то же было в Сузах и на островах Персидского залива (Файлаке и Бахрейне). Государь обратил взор на все города своего царства без исключения; объектами его попечения оказались 12 городов. Храмов, в которых велись работы (без учета тех, что находились в самом Вавилоне), насчитывается 21, причем некоторые из них к началу восстановления лежали в руинах. Конечно, не все здания были велики, но некоторые достигали внушительных размеров. Например, «Блистательный дом» бога-солнца в Ларсе имеет в длину 320 метров, а в ширину, в самом широком месте, 80 метров. Добавим сюда столичные храмы — их было 15. Но надписи составлены лишь в честь пяти богов: Мардука в Вавилоне, Набу в Барсиппе, бога города Киш, «Царя Марада» в Мараде, бога-солнца в Сиппаре и бога-солнца в Ларсе. Список богинь еще короче: «Верховная госпожа» (нечто вроде богини-матери) в Вавилоне и Гула.

Иштар, лунный бог Ура, Нергал и бог Дера не удостоились «именных» надписей. Между тем эти божества были фигурами первостепенными: им поклонялись по всей Вавилонии, а отнюдь не только в родных городах. Этот пробел объясняется географическими факторами: Навуходоносор составлял особые надписи лишь для северных городов — для бывшей «страны Аккада». Кроме столицы и ее города-спутника Барсиппы, это были Сиппар, Марад и Киш. Южные города обошлись «простой» формулой. В действительности работы в Уре были очень значительными, но сообщалось о них всего лишь шестью краткими строками. А ведь вавилонский царь перестроил там священную ограду, сделав ее настоящей внутренней крепостью: общая толщина двух ее параллельных стен достигла теперь 12 метров. Внутри нее Навуходоносор построил придел бога-луны в главном храме, храмовый двор и еще несколько жертвенников. Одновременно государь велел перестроить и почти весь город и обнести его стеной для защиты жителей и храма.

Навуходоносор особо почитал сиппарского бога-солнце, и это почитание распространилось на такого же бога на юге. В Ларсе, как и в Сиппаре, был «Блистательный дом», также посвященный солнцу. Кажется, большого интереса к южной части страны (древнему Шумеру) у Навуходоносора не было; но для Ларсы он, ради ее бога, сделал исключение. На-

до сказать, сам Мардук проявил благосклонность к новому храму и засвидетельствовал свое покровительство царскому предприятию посредством необыкновенного происшествия — можно сказать, явления чуда (сохраняем несогласования оригинала): «Тогда Блистательный дом, храм бога-солнца, расположенный в Ларсе, давно ставший в развалинах, и где навалило песка, расположение его нельзя было узнать. При моем царстве Мардук, господь великий, заключил мир с этим храмом. Он поднял четыре ветра, чтобы поднять его из земли и чтобы расположение его стало видно. Меня, Навуходоносора, царя Вавилона, верного слугу своего, он высочайше послал заново отстроить этот дом».

Когда здания снова становились пригодными для богослужений, Навуходоносор заботился о том, чтобы в них приносились жертвы. Он велел написать: «Я благоустроил храмы великих богов много лучше, чем мои царственные предки». Он давал баранов для жертвоприношения, справедливо названного в служебниках «царской жертвой». Делал ли он что-то сверх того? Во всяком случае, такое впечатление создается при рассмотрении некоторых фрагментов его надписей. В них Навуходоносор особенно настойчиво говорит о том, какие роскошные пиршества устраивались тому или иному богу; так, он велел ежедневно давать Мардуку «двух быков сильных и жирных, одного красивого быка, прекрасно сложенного, жирного барана, прекрасно сложенного, без пятен, сорок восемь превосходных откормленных длинношерстных баранов <...>, четырех уток, сорок голубей, тридцать птиц, четырех утят, трех мышей, связку рыб из глубокого моря, украшение болот, овощей во множестве, плоды садовые, финики обыкновенные и лучшие, фиги, изюм, пиво доброе, масло и сладости, молоко, вино, семена <...> и <разные> вина». Список этот то и дело повторяется в разных царских текстах с вариациями. По-видимому, в нем нет преувеличения: стол Мардука и Набу, безусловно, был чрезвычайно обилен. Менее влиятельные божества питались не так великолепно и разнообразно. Так, Нергал с супругой занимали в пантеоне почетное место, однако в своем храме в Куте получали в день только восемь баранов. К тому же царь обходит молчанием вопрос, кто же на самом деле поставлял эту снедь. На нем или на жречестве лежала обязанность добывать ее? Царские формулы двусмысленны, причем составитель сделал их такими намеренно. Тем самым делался намек (достаточно прозрачный) на реальное положение дел: государь регламентировал, что должны совершать жрецы, а те были обязаны за свой счет исполнять

царские повеления. Одним словом, Навуходоносор выстав- лял себя перед страной в наилучшем свете: он был царем, заботящимся даже о мелких подробностях удовлетворения потребностей богов. Если бы случилось небрежение, оно было бы поставлено в вину только храмовому начальству.

Будучи к нему благосклонен, Навуходоносор в то же вре- мя пристально за ним надзирал. От его имени этим занима- лись правители во всех стольных городах; в частности, они могли, если считали необходимым, вмешиваться в деятель- ность храмовых «собраний». Царь наблюдал даже за распре- делением провианта среди храмовых рабов. Дело было отнюдь не в том, что его волновала их участь; он не интересовался тем, в каком они, собственно, находились положении. Царь, адресуясь к их начальству, требовал от него лучше управлять работниками. Может быть, он тем самым замышлял полити- ку, которую персы 100 лет спустя стали проводить открыто: поддерживать рабов против жрецов, ослабляя власть послед- них изнутри, однако не доводя до явного конфликта? Наву- ходоносор мог иметь такую мысль, но нигде ее не выразил.

На публике царь всегда соблюдал позицию строгой спра- ведливости. С одной стороны, он следил за тем, чтобы хра- мы исполняли свои обязанности. С другой стороны, он рас- сматривал их судебные тяжбы. Царское решение от января 593 года, к примеру, показывает, как энергично он следил за тем, чтобы не ущемлялись их права на земельную собствен- ность. Некий землевладелец захватил землю, отданную в дар Набу из Барсиппы, а затем завещал ее сыну по имени Баба- аха-иддин. Тот, приняв наследство, тем самым совершил преступление: «Решился он на преступное дело. Тогда Наву- ходоносор, царь Вавилона, царь разумный, пастырь прост- ранных народов, озирающий все страны, подобно солнцу, основатель права и справедливости, гроза дурных и злых, посмотрел на дурные дела Баба-аха-иддина <...>; он уличил его в преступлении, которое тот совершил среди добрых лю- дей; он посмотрел на него сурово и гневно; он приговорил его к смерти, и тому перерезали горло». Половина поля бы- ла возвращена законному божественному собственнику, по- сле чего храм по всем правилам продал это имущество. Вто- рая же половина возвращена не была, и составитель текста (написанного, надо сказать, очень невнятно) странным об- разом забыл указать причину.

Меры, проводимые Навуходоносором в пользу храмов, были необычного рода, ведь благодаря им царь соприкасал- ся разом и со священным, и с обычным миром. А для его подданных граница между хозяйственной деятельностью и

богослужением была вполне отчетливой. Здания, которые он восстанавливал из развалин, давали приют богам; одушевленные статуи покровителей города находились под защитой стен, которые он богато украшал. Из всего, что царь делал в вавилонской провинции, он не упоминал почти ни о чем, кроме богоугодных дел, ведь они имели две стороны — культовую и политическую. Так государь максимально приближался к святилищам, не становясь при этом жрецом и ни на минуту не покидая светского состояния.

Вавилонский царь переносил свою славу на великие постройки. Его покровительство поддерживало храмы, обеспечивало им господствующее положение в жизни царства. Навуходоносор ясно видел здесь выгоду для себя и для государства, однако создавалась вероятность того, что в будущем каждый из храмов мог стать единственным центром, хозяином стольного города, над которым доминировал, и поглотить всю его жизнь: сначала — религиозную, потом — светскую, наконец — сам город и его окрестности. Царская власть рисковала оказаться слабой по отношению к возвысившимся благодаря ей храмам, которые могли перестать считаться с ней. Стоило ей хотя бы частично утратить силу, как борьба за влияние завершилась бы в пользу храмов, а централизованное светское государство потеряло бы мощь. Повсеместное сплочение городских жителей вокруг главных святилищ на деле имело два разнонаправленных последствия: обеспечивало во всех городах реальную консолидацию общества, но в то же время грозило раздробить «страну Шумера и Аккада» на автономные княжества; местный эгоизм мог привести к тому, что они стали бы безразличны друг другу, а то и враждебны. Словом, центростремительная сила в каждом городе оборачивалась центробежной для всей Месопотамии. Боялся ли Навуходоносор подобной ситуации? Видел ли он хотя бы ее возможность? Его престиж был так высок, что при его жизни эта опасность была совершенно невероятной. Но, судя по его отношению к Вавилону, он вначале смутно предвидел, а потом смиренно признавал ее.

СВЯЩЕННЫЙ ГОРОД ВАВИЛОН

Вавилоняне не знали такого понятия, как «столица государства». Навуходоносор ясно говорит об этом: «Прежде, с давних дней до царства Набопаласара, царя Вавилона, отца, родившего меня, многие цари, царившие прежде меня, богами на царство призванные, строили дворцы в городах по вы-

бору своему, в своих местах возлюбленных, строили их, жили в них, собирали там добро свое, копили там сокровища свои. Только в день новогоднего праздника, когда выходит <на процессию> царь богов Мардук, входили они в Вавилон».

Итак, на деле вавилонские государи со всем двором жили в том городе, который был удобнее всего для их насущных планов: на востоке, если опасность грозила оттуда, или на севере, если вавилонянам угрожали враждебные намерения ассирийцев. Победив Ассирию, Набопаласар не вдруг выбрал Вавилон, чтобы управлять оттуда долиной Тигра и Евфрата и всей империей. При этом он уже тогда был самым большим городом в Вавилонии и всех подчиненных ей государствах.

Но решение царя было вызвано еще двумя причинами. В VIII и VII веках ассирийцы сделали Вавилон средоточием своей власти: оттуда они могли надзирать за страной — от северной границы до южных болот. С их точки зрения, географическое положение города было идеальным: он находился как раз на полпути от столицы их метрополии, Ниневии, до Персидского залива. Притом он находился достаточно далеко от их врагов — эламитов Сузианы и полукочевых племен юго-запада. Поэтому ассирийцы возвысили город; именно они создали представление о Вавилоне как столице «страны Шумера и Аккада». Так что Набопаласар уже не мог поселиться в другом месте.

Им двигал и еще один довольно сильный мотив: огромный престиж, которым Вавилон и его храм Мардука пользовались с конца II тысячелетия. Тогда началась политика возвышения этого бога; она, в свою очередь, способствовала славе города, где он был хозяином. Вавилон был старейшим, а значит, важнейшим из стольных городов. С тех пор стала классической идея города, созданного прежде сотворения мира.

Одна из космологий, датируемая концом II тысячелетия, говорит об этом энергично и безыскусно. Это небольшое стихотворение включено в одно из заклинаний, так что для вавилонян оно имело и утилитарное назначение. Но ценность его для нас состоит в том, что здесь неприкрыто излагается мотив, до тех пор мало разработанный:

Дом святой, дом богов, в месте святом не был построен,
Тростник не рос, дерево не стояло,
Кирпич не лежал на месте, форма кирпичная не создана,
Дом не был выстроен, город не стоял,
Город не был построен, живых никого не было.
<...>

Дом святой, дома богов обитель не отстроены были,
Были все страны морем,
Источник в море был, труба, бьющая вверх:
Тогда Эриду был построен, Дом под высокой кровлей создан.
<...>
Вавилон был построен, Дом под высокой кровлей окончен,
Боги небесные, созданные <Мардуком> в числе равновесном,
Поклялись звать его градом святым, градом возлюбленным.

И только после этого бог нагрузил плот земель, чтобы создать мир, людей, растения и животных. Дальше текст на табличке отбит. С литературной точки зрения сочинение не слишком удалось; автор не замечает элементарной логической неувязки: в другом месте он прямо говорит, что храм Мардука стоит на перевозданных водах; но на чем же был основан город вокруг него, если земли еще не существовало?

Эриду был одним из древнейших стольных городов Нижнего Двуречья; его бог почитался чрезвычайно широко. Его древнее имя было Энки — «господин-земля». Начиная со II тысячелетия его чаще всего называли Эа (этимология этого имени не установлена). Его сын Мардук уже давно унаследовал его магические познания, так что почти вобрал в себя свойства своего отца и господина. Так же слились и два города: Вавилон превратился в Эриду. Кроме того, писцы придумали и объяснение происхождения этого названия — безусловно, искусственное, но это их несколько не смущало: Эриду был «добрым городом». Такое расплывчатое толкование вполне подходило и к Вавилону. Тем самым на него переносились древность и слава южного стольного города. Тот никак не мог этому сопротивляться: уже во II тысячелетии он стал понемногу угасать, а затем был почти занесен песками.

Сторонники Мардука были крайне заинтересованы в том, чтобы связать судьбу бога с судьбой своего города; в «Энума элиш» они не преминули это сделать. Согласно его тексту, когда мир был приведен в порядок и человек сотворен, боги отдали своему спасителю Мардуку Вавилон «в знак благодарения». Год ушел у них на формовку кирпичей, еще год — на постройку зданий. Лишь в самом конце рассказа читатель замечает подвох: на самом деле боги построили город на небе. Уже потом люди выстроят его на земле, и только тогда сотворение мира будет завершено. Таким образом, Вавилон становится «связью неба и земли», все «страны» выстраиваются вокруг него. Его центральное положение было отмечено топонимикой: каждые из восьми главных ворот Вавилона носили имя одного из божеств — того, чья статуя была ввезена через них в город, чтобы вслед за

Мардуком участвовать в новогодней церемонии; тем самым бог или богиня для всех присутствующих на ней признавали свое подчинение. Город именовался также «узлом», «мачтой» вселенной, «основанием населенной земли». О сочетаемости этих образов не думали — желали только показать исключительное положение Вавилона среди всех городов: он единственный имел «двойника» на небе.

Очевидно, Навуходоносор не разделял этих восторженно-мистических взглядов. Он даже колебался в выборе «царского города», следуя в этом примеру своего отца. Правда, надписи обоих царей не датированы — мы можем определить их последовательность лишь предположительно. Результат не вполне достоверен, но это неизбежно; в любом случае хронология в общих чертах просматривается. Набопаласар прежде всего занялся восстановлением «Блистательного дома» — храма бога-солнца в Сиппаре — и лишь затем перешел к возведению оборонительных сооружений Вавилона, желая сделать его неуязвимым для вражеского нашествия. Наконец, он уделил внимание и священной ограде Мардука. Навуходоносор сразу продолжил осуществление этого плана.

В Вавилоне требовалось закончить строительство как внешних, так и внутренних городских стен, довершить начатое Набопаласаром, ведь угроза нападения египтян продолжала оставаться вполне реальной. Однако Навуходоносор обратил свой взор к Сиппару. В этом — своем любимом — городе он заново отстроил первый большой храм в стране. Государь прямо указал, что работы велись именно по его инициативе. На деле их начал еще его отец, но любопытно, что сын не проронил об этом ни слова, оставляя всю заслугу себе. Почин восстановления храмов он приписывает Мардуку, но это была чистая любезность — царь искал одобрения именно бога-солнца: «Храм солнца в Сиппаре, долго стоявший на земле и ставший развалинами, мой великий господин-солнце ни одному из царей прежде меня не давал отстроить. Я же, его мудрый и боголюбивый слуга, преданный божеству его, захотел вновь построить этот храм; я воздел руки и молил, чтобы восстановился “Блистательный дом”; я его просил; господь мой великий бог-солнце дал мне воздеть руки мои и исполнил молитвы мои, чтобы восстановился этот храм». Бог выступает здесь не только в традиционном образе «Великого судии»; далее в тексте к нему обращаются как к божеству воинскому. Такая его ипостась превосходно соответствовала городу, предназначенному стать столицей империи, которую требовалось удержать. Да и за-

ключительные моления относятся только к этому городу: царь просит о его процветании и о вечности своего престола; бог Сиппара, а не Вавилона достоин стать покровителем его царствования.

Выбор Сиппара как «города царства» Навуходоносора имел очевидные стратегические выгоды. Город изначально стоял в том месте, где Тигр и Евфрат ближе всего подходили друг к другу; таким образом, он преграждал путь к сердцу страны врагам, которые могли явиться с северо-запада (тогда это были египтяне). Но русло Евфрата со временем отделилось от города, и он оказался в стороне от главной дороги Западной Вавилонии. Набопаласар исправил и это. Он говорит: «Я вновь прорыл русло Евфрата к Сиппару и дал всегда течь чистым водам благоденствия для господа моего бога-солнца; я укрепил берега реки асфальтом и обожженными кирпичами и установил там набережную мира для господа моего бога-солнца». Но Сиппар к тому моменту уже не мог соперничать с Вавилоном, который находился всего на 50 километров южнее.

Невзирая на то что вековая слава Вавилона побудила Набопаласара принять решение, его сын вовсе не сразу сделал Вавилон столицей. Объяснить эту перемену невозможно — для этого у нас нет текстов. Можно понять беспокойство сторонников Вавилона. Нет никакого сомнения, что жители опального стольного города или хотя бы самые влиятельные из них предприняли какие-то действия. Тех, кому по должности или из выгоды (пребендарии) была небезразлична слава «Дома под высокой кровлей» и города, в котором он сиял, было много, и они пользовались большим уважением в обществе. Что они сделали? Отношения между царской властью и жрецами (а также их сторонниками) были таковы, что для современной науки их изучение практически недоступно: то были личные отношения, действия групп влияния; понятно, что от всего этого источники не сохранили и следа. Но для объяснения переноса политического центра из одного города в другой был введен в обращение миф, удобный в том отношении, что не обижал никого. Согласно ему, когда подступил потоп, сиппарцы зарыли в надежном месте глиняные таблички и тем спасли цивилизацию. Когда катастрофа закончилась, оставшиеся в живых вырыли их и принесли в Вавилон. Мардук и сотворенные им люди построили стены столицы, а затем храм бога и башню при нем. Так и началось воссоздание всей Вавилонии. Мы имеем лишь краткий пересказ этого текста и не можем судить, как объяснялись нестыковки в нем. Миф от-

кровенно и безыскусно слепил вместе два обособленных рассказа: сиппарскую версию повести о потопе и богословское (вполне обыкновенное) повествование о сотворении Вавилона. Согласно первому сюжету, Сиппар был единственным городом, пережившим потоп; во втором являлись Мардук и первобытные люди, построившие Вавилон прежде всех остальных городов. После космического катаклизма Вавилон оказывался первым восстановленным городом, а также наследником допотопного мира. Тем самым он связывал оба эпизода истории человечества.

Навуходоносор вел работы во всех стольных городах страны, не возбуждая ревности жителей Вавилона. Это не было угрозой господству Вавилона: на севере новые храмы были не так велики и престижны, на юге — находились слишком далеко от центра империи. Кроме того, царь всё же не забывал и о Сиппаре, но принял меры, чтобы не оскорбить местный патриотизм населения столицы. В Сиппаре он построил храм «Госпожи набережной»*. В Вавилоне у этой богини тоже был храм, который восстановили раньше. Посвятительные надписи обоих сооружений тесно связаны между собой: сочинитель второй переписывал целые параграфы из первой. Но в нескольких пунктах они не совпадают. Во втором тексте Навуходоносор более ясно дает почувствовать свое могущество; кроме того, здесь он усерднее хвалит Мардука и Набу, подчеркивает оборонительную ценность укреплений Вавилона и, наконец, упоминает множество богов, чьи святилища возобновил. Он желал дать понять, что стройка в Сиппаре включена в общую имперскую программу, столица же с ее храмом остается во главе его забот. Надпись должна была и утвердить царский авторитет, и вместе с тем дать оправдание прежним делам государя.

Но главное было в том, что этот текст вводил важную религиозную тему «примирения». Храм считался оскверненным, если божество по каким бы то ни было причинам покидало его. Но здесь этот тезис нехарактерным образом трансформирован — об удалении богини даже не упоминается. Ее место занимает Мардук; следом за ним является и бог-солнце как господин Сиппара и, следовательно, глава меньших богов, живущих там. Читателю сообщается также, что именно Мардук дал изначальное согласие на дело, а бог-солнце затем принял конкретное решение. Что же до самой «Госпожи набережной», то она лишь приняла эти beneficia-

---

* Нинкаррак (*шумер.*), в аккадской мифологии богиня-врачевательница, отождествлялась с Гулой.

ния, самой же ей никакой роли в деле не приписывается: «Ибо господь мой Мардук любил меня и вручил мне заботу о возобновлении мест святых, поднять их из развалин в царство мое прочное, Мардук сострадательный примирился с этим храмом, и бог-солнце, судия великий, решил возвести его. Мне, пастырю, преданному им, велели они вновь поставить его». Таким образом, Навуходоносор дал обеты обоим богам одновременно. Но это, что ни говори, означало официальное (но неявное) отречение от плана устроиться в Сиппаре; так же прежде поступил Набопаласар.

Реконструкции Навуходоносора были не только грандиозными, но и систематическими; его мероприятия распространялись на всё пространство Вавилонии, поэтому похвалы, которые он расточал себе, обоснованны: масштаб его строительной деятельности подтверждается археологическими раскопками. Но то, что Навуходоносор делал в Вавилоне, имело еще более поразительный размах, так что для современников и потомков он поистине стал в первую очередь «царем Вавилона». Этот титул был принят повсюду в «стране Шумера и Аккада», о чем свидетельствуют тексты контрактов. Его упоминали по всем городам; он сохранен даже в самых кратких надписях. Его было достаточно для легенды клейм, ставившихся на кирпичах при возведении даже самых почитаемых зданий: в Уре, к примеру, встречается только он. Кирпичи «Дома величия»* — храма, расположенного в самом центре Вавилона, всего в нескольких десятках метров от дворца, — тоже несут лишь эту краткую редакцию царской титулатуры. Очевидно, ее хватало, в ней резюмировался главный смысл власти вавилонского государя. Он был царем Вавилона для вавилонян; им же он являлся для подданных империи и для иностранцев на всём Ближнем Востоке; авторы библейских текстов употребляли только этот титул.

Приняв решение выбрать Вавилон вместо Сиппара, Навуходоносор стал настойчиво говорить о своих чувствах к столице — «городу возлюбленному». Он с полным основанием уверял Мардука: «Не велел я блистать во всех землях населенных ни одному городу паче города твоего стольного Вавилона». Правда, такие заявления относятся к концу царствования. К этому времени покорность судьбе превратилась в радость. Но то, что Вавилон будет «вечной славой <его> царствия», Навуходоносор понял уже достаточно рано. Перемены в технике строительства отражают перемену

---

* Храм богини Нинмах.

его отношения к столице. Сначала при возведении зданий, как было принято по всей Вавилонии, кирпичи просто скрепляли глиной и асфальтом, в конце же царствования строители стали применять более прочный известковый раствор. Наследники Навуходоносора вернулись, однако, к традиционному способу — очевидно, из соображений экологии.

В отличие от северного соседа Вавилон всегда был крепостью. Он играл важнейшую роль в VII веке, когда страной правили ассирийцы. Набопаласар поспешил восстановить его оборонительные сооружения; Навуходоносор, как только взшел на престол, решил еще усилить их. «Я закончил <...> его могучие стены», — по праву утверждал он. Как ни грандиозна была эта работа, археологи обнаружили только руины; но результаты раскопок всё же позволяют правдоподобно реконструировать оборонительную систему.

Стены Вавилона представляли собой неправильный четырехугольник периметром 1 810 метров. Две стены шли параллельно: внешняя имела толщину 3,7 метра, внутренняя — 6,5. Между ними был семиметровый промежуток. По стенам с правильными интервалами стояли башни. На наружной стене между ними было около 20 метров, а из стены они выступали на полтора метра. Внутренняя стена была устроена сложнее: расстояние между башнями везде равнялось 17 метрам, но чередовались метровые и трехметровые выступы. Все они построены из сырцовых кирпичей. По всей вероятности, внешняя стена была ниже; по верху обеих стен шел круговой обход, прикрытый зубцами. С трех сторон держал в отдалении неприятельскую пехоту и конницу, не позволяя подойти и использовать осадные орудия (в частности, колесные тараны), ров с водой шириной 12,5 метра. С запада водной преградой служил Евфрат.

Однако Навуходоносор счел эти укрепления недостаточными. «Как ни один царь прежде не делал, я обнес Вавилон с востока стеной могучей, отнес ее на расстояние не менее четырех тысяч локтей (около двух тысяч метров. — Д. А.) от города <...> Я выкопал ров до уровня воды, построил его из асфальта и обожженных кирпичей, и связал его накрепко с набережной отца моего, и построил на берегу его стену могучую, подобную горе, из асфальта и обожженных кирпичей». Несмотря на огромный размах строительства, особенно длину стены (около 17 километров), об этом деле упоминается мало; кажется, оно не привлекло внимания современников. Это также были два ряда стен толщиной соответственно 7,8 и 3 метра, изнутри сложенных из сырцовых

кирпичей, снаружи — из обожженных; строители, как и для стены самого города, предусмотрели также башни и ров.

Гораздо скромнее царь описывает возведенную им «дамбу», соединявшую Тигр с Евфратом. Она тянулась между Описом и Сиппаром на «четырнадцать двойных лиг» (около 150 километров), перегораживая дорогу неприятелю, идущему с севера, и становясь, таким образом, передовым укреплением столицы. Согласно официальным надписям, она сделана всего лишь из «груды плотной земли», хотя и защищена «потоками вод обильных», растекшихся перед ней, как «открытое море». В действительности дамба была гораздо внушительнее. Как показали раскопки, она представляла собой настоящую вертикальную стену из кирпичей (подписанных именем Навуходоносора) толщиной 1,65 метра (высота ныне неизвестна). С севера действительно тянулось глубокое болото; с южной стороны вдоль подножия стены шла проезжая дорога для движения пехоты и колесниц. Чтобы защитить столицу с востока и юга, Навуходоносор просто возобновил укрепления Барсиппы и Куты.

Ассирийцы тоже всегда укрепляли свои города, а внутри, вплотную к городской стене, непременно устраивали возвышенную площадку, также обнесенную стеной. Там находились дворец, храмы и ступенчатые башни; это место служило последним оплотом в случае, если нижний город, несмотря на защиту стен, будет взят. Набопаласар и сын его в своей столице отчасти подражали такому устройству города; дворцы (сначала старый, потом и новый) были не только резиденцией властителя, но в первую очередь имели военное назначение: они усиливали оборону Вавилона. Вот почему Навуходоносор так настойчиво говорит о них; в то же время об их планировке и украшении дворцовых интерьеров он распространяется гораздо меньше.

Сначала Навуходоносор всего лишь обустроил дворец отца в северо-западном конце города, вплотную примыкавший к городской стене. Только в конце царствования он принялся за постройку новой резиденции. Прежняя, объяснил он, была слишком бедна, чтобы вместить царскую славу. При этом государь имел возможность наглядно продемонстрировать свое исключительное почтение к Вавилону, хотя он мог бы перенести средоточие своей власти в любое место Вавилонии и даже всей империи: «Чтобы не ставить место царствия моего в другом стольном городе, я не строил царского жилища в других населенных местах. Не поместил я сокровища, достойные царствия моего, в других странах».

Прежде всего он окружил новой стеной большое пустое пространство к востоку от дворца Набопаласара до Священной дороги*. Это было сделать довольно просто, тем более что на этом месте не было сооружений или в крайнем случае стояли частные дома. Когда там на насыпном холме был построен новый дворец, царь поднял до той же высоты старые отцовские постройки. Все дворы при этом были хорошо вымощены. Здание (скорее всего, одноэтажное) имело в периметре 900 метров. Оно было возведено только из кирпичей, как и все другие царские памятники — гражданские, военные, культовые. Кое-где надписи намекают на применение каменных глыб, но их следы сохранились лишь на Священной дороге; возможно, они использовались еще у ворот Иштар. Раскопки не выявили ни мебели в большом количестве, ни архивов; очевидно, сменявшие затем друг друга завоеватели выбрасывали архивы за ненадобностью, а подвижность, вплоть до времени запустения Вавилона в I веке, уносили с собой. Поэтому мы плохо представляем себе назначение помещений. Без особых трудов можно распознать три ансамбля. Главный вход находился на востоке, являясь продолжением Священной дороги. Через него входившие попадали в расположение гарнизона. Затем через первый двор можно было пройти в помещения канцелярий Вавилонии и империи. Далее через монументальные ворота путь вел в центральную часть дворцового комплекса; по левую руку открывался тронный зал — прямоугольник размерами 52 на 17 метров; это было самое просторное помещение обоих дворцов. Трон стоял в нише у стены, на одной оси с единственной дверью. Следовательно, его местонахождение не было подражанием расположению статуй божеств: те всеми способами скрывались от глаз непосвященных, государь же восседал у всех на виду. Фасад этого почетного зала, выходящий во двор, был отделан глазурованным кирпичом. Зал был украшен рядом колонн с капителями в виде волют**. Вверху по фризу шел бордюр из двух рядов пальметт***. На синем лазуритовом фоне выделялись оранжевые и белые детали. Вся восточная часть дворца до Евфрата, как можно предположить, служила личными апартаментами царя, его супруги (или супруг), детей и, возможно, высших сановников.

---

* Обычно она называется Дорогой процессий.

** От *voluta* (*ит.*) — завиток; архитектурный элемент в форме спиралевидного завитка с кружком (глазком) в центре. (*Прим. ред.*)

*** Деталь декора в виде стилизованного веерообразного пальмового листа. (*Прим. ред.*)

Ансамбль довершался северным бастионом за двойной стеной, то есть уже за городом: «Возвел я крепкую насыпь в шестьдесят локтей (около 30 метров. — Д. А.) на Евфрате, чтобы там было сухое место, и укоренил основания ее асфальтом и обожженными кирпичами в земле глубоко, на подземных водах, и поднял над ней кровлю. С дворцом <старым> соединил ее. Воздвигнул ее как гору из асфальта и обожженных кирпичей; кедры могучие насадил, да покроют ее. Я поставил откосы кедровые, одетые в бронзу, у больших ворот, <сделал> пороги и петли из литой бронзы. Назвал я это здание: “Да живет Навуходоносор, многая лета надзирающему за Домом под высокой кровлей и Домом правды!”» На самом деле царь не сразу решился придать новому сооружению такие размеры: отчетливо видно, что уже в ходе строительства оно было увеличено вдвое. С другой стороны, симметрично, также был сооружен форт, защищавший монументальные ворота Иштар, обращенные к востоку. Именно там строители применили самые прочные обожженные кирпичи из всех, использовавшихся при возведении вавилонских памятников. Дворы были вымощены камнем: песчаником, известняком и базальтом. Наконец, дворцовый комплекс довершался еще одним укреплением, которое было построено прямо на левом берегу Евфрата, запирая реку при входе в Вавилон. Его стены достигали огромной толщины — до 25 метров — и были обмазаны асфальтом, чтобы их не размывало течением. Старый и новый дворцы вместе стали грозной крепостью, господствовавшей над городом.

Руины, найденные археологами, не дают представления о том, чем были эти здания во времена Навуходоносора: даже облицовка укреплений не уцелела; не сохранилось почти ничего, кроме голого кирпича. Но мы можем частично составить представление об их прежнем великолепии, опираясь на свидетельства их строителя. Дворцовые потолки были сделаны из кедра, пихты и кипариса. Все внутренние двери дворца имели бронзовые пороги и петли. Кедровые дверные косяки были обложены или бронзой, или медью, а на самых роскошных имелись инкрустации из черного дерева и слоновой кости в серебряных и золотых окладах. К сожалению, ничего больше о внутреннем убранстве царь не сказал.

Много фантазий связано с так называемыми висячими садами. Однако вавилонские источники ни словом на них не намекают, а раскопки не обнаружили от них ни малейших следов. Если они всё-таки существовали, то, очевидно,

представляли собой посадки фруктовых деревьев или пальм в горшках, устроенные на террасах. Остальное является плодом воображения потомков.

Наконец, у северо-восточного угла внешней стены Навуходоносор устроил летний дворец; благодаря выдвинутому расположению он играл ту же роль, что двойной дворец в Вавилоне, но находился двумя километрами севернее. Он представлял собой почти квадратное сооружение, все двери которого выходили в два двора. Он находился, собственно, уже не в столице: большое пространство между дворовой оградой и двойной городской стеной было незастроенным — лишь кое-где на нем могли располагаться хутора или деревушки.

Зато сам город Вавилон выделялся тем, что внутри ограды был сплошь застроен. Другие стольные города царства были не такими: там росли сады и пальмовые рощи, пасся скот. Так, Урук традиционно описывался как город, на треть состоящий из жилых домов, на треть — из плодовых садов и на треть — из заброшенных кварталов; то же было и в Уре. В столице улицы — точнее, переулки — как и везде, были очень узки, но параллельно Евфрату, северной и южной стене шли два широких проспекта. Таким образом, уличная сеть в основном следовала ориентации, заданной дворцом и храмом Мардука. Общая планировка была наследием прошлого — она возникла задолго до Навуходоносора. К планировке города царь не имел отношения. В начале II тысячелетия Вавилон, вероятно, был овальным, но уже в те времена, как и позднее, Евфрат протекал прямо через него. По крайней мере так говорят тексты — археологических данных для их подтверждения у нас недостаточно. Прямоугольная планировка была заложена одним из государей конца II тысячелетия, имя которого нам неизвестно. Подобные очертания оказались для всех пригодны и удобны; так или иначе, их придерживались все последующие архитекторы.

Оценить численность населения города невозможно; предполагают, что в нем жило около ста тысяч человек. Во всяком случае, в VI веке количество жителей росло, поскольку тогда застраивались пустовавшие места. Такое скопление людей давало столице господствующую роль в экономике. Чтобы представить себе ее детально, нам не хватает документов. Расположение Вавилона на Евфрате уже само по себе было серьезным преимуществом. В империи были проложены сухопутные дороги, функционировавшие тысячелетиями, но в «стране Шумера и Аккада» все города без

исключения между собой связывались сетью водных магистралей — двумя главными реками и судоходными каналами. Это означало, что сухопутные перевозки там играли второстепенную роль — использовались лишь на малых расстояниях; товары, люди и боги (их статуи) передвигались по воде. Понятно, почему Навуходоносор такое пристальное внимание уделял обустройству русла Евфрата в черте города; уже за много веков до него река была там превращена в канал и носила даже особое название: Арахта. Из Вавилона гораздо лучше, чем из Сиппара, можно было контролировать всю торговлю от Хита на севере до Бахрейна на юге.

Навуходоносор продолжил и усовершенствовал работы, начатые Набопаласаром: «Я, старший сын его, любезный ему, построил из асфальта и обожженных кирпичей набережную Арахты и сделал ее прочнее, чем сделал отец мой. Я сделал ее из асфальта и обожженных кирпичей, чтобы уберечь Дом под высокой кровлей и Вавилон. Я поставил ее основания на водах глубоких и возвел над ней кровлю, как гору». Ему не пришлось строить мост через реку — он уже существовал, длиной в 123 метра; его деревянный настил шириной в два десятка метров лежал на быках из обожженных кирпичей, скрепленных асфальтом. Очевидно, рядом с ним был и понтонный мост. По ним вавилоняне переправлялись в западное предместье.

Последним благодеянием, совершенным Навуходоносором для города, был канал под названием «Истинно несущий процветание»*. Чаше его называли попросту «Прекрасный канал». Он пересекал весь Вавилон в форме буквы S. До Навуходоносора из него брали воду, несмотря на то что в домах были колодцы. Царь велел очистить его и одеть его берега в обожженный кирпич. Теперь он мог играть роль в обороне города, служа в качестве рва дополнением к южным укреплениям старого и нового дворцов, которые, таким образом, оказывались полностью окружены водой.

Однако более всего авторитет Вавилона для Ближнего Востока держался на его богатствах. Сохранился список городских памятников и улиц VI века. Он заканчивается так: «Всего сорок три храма богов великих <...>; пятьдесят пять жертвенников Мардука <...>, триста жертвенников богов вышних и шестьсот жертвенников богов нижних, сто сорок восемь изображений Иштар, двести сорок восемь малых жертвенников <посвященных малым богам и созвездиям> в самом городе». Таким образом, Вавилон поистине был

---

* Либиль-хегалла (аккад.).

«стольным градом богов», как говорил о нем Навуходоносор. Об этом знал и Алкей в далекой Митилене: он называл его «священным Вавилоном». Но прежде всего то был город Мардука, хотя и за его стенами этому богу поклонялись еще очень и очень многие.

Надпись Вади-Брисса оповещала всю империю: Вавилон — «стольный город господа вышнего», где явлена «слава его». Из этого следовало, что всякий государь, который плохо отнесется к Вавилону, будет наказан. Таков был урок, который псевдоисторический рассказ старался вывести из жизни прежних царей: того, кто не будет неустанно угождать Мардуку, ждет страшная кара; тот же, кто будет чтить его, и сам будет почтен сверх чаяемого. О тоне всего сочинения дают достаточное представление два отрывка.

Первый вспоминает об исключительном событии в истории Вавилонии — пребывании у власти женщины (именно в качестве царицы, а не супруги царя) в Кише в XXVI веке. Это достоверный факт, хотя больше ничего мы о ней не знаем. Главная мысль этого рассказа состоит в том, что только Мардук имел власть в нарушение всех правил наградить ту, которая верно служила ему во времена гонений. Повествование определенно напоминает сюжет Благовещения: «В царство Пуцур-Нираха, царя города Акшака, рыбак из Дома под высокой кровлей сидел на берегу канала и ловил рыбу. [Назначалась] рыба, которую <он> ловил, для трапезы господа, но люди царские отобрали у него всю рыбу, и [не стало у] рыбака рыбы. Через девять дней послал рыбак рыбу, которую ловил, в <пивном> котле трактирщице Кубабе; и дала ему Кубаба хлеба, и ячменя, чтобы варить пиво, дала ему воды. Мардук, господь могучий, посмотрел на нее радостным взором, и он воскликнул: “Да будет так!” И отдал он Кубабе всю страну».

Лет 300 спустя превратности судьбы царя Саргона по прозвищу Древний объясняются его отношением к богу, его храму и, что то же самое, Вавилону. Сначала он всех побеждал, потом же потерял царство из-за того, что захотел создать столицу, которая бы соперничала с городом Мардука (впрочем, бывшим тогда всего лишь безвестным поселком): «Ур-Забаба [повелел] виночерпию своему Саргону перемешать вино в кубках Дома под высокой кровлей, Саргон же сделал не так: поклонился <Мардуку> и принес кубки в Дом под высокой кровлей. Мардук <...> посмотрел на него радостным взором и дал ему царство над вселенной. Заботился о Доме под высокой кровлей, совершал там обряды, приносил туда добычу, взятую с севера из храмов в Вавилон, [вот что

он делал. Но] <Саргон> уклонился с пути своего, и построил город напротив Вавилона, и назвал его Аккадия. Прогневался бог, что он нарушил запрет, и от восхода до заката все восстали против него. Сделал бог так, что больше не было ему отдыха».

Рассказ охватывает одно столетие за другим, демонстрируя всё ту же литературную бездарность и интеллектуальную беспомощность, что, однако, не имело значения. Набопаласар с сыном занимались храмом и перестраивали ступенчатую башню. По случаю окончания «Дома — основания неба и земли» Навуходоносор именуется самым длинным рядом царских титулов, и это доказывает, какую важность он придавал всему предприятию.

В храме Мардука больших работ Навуходоносор вел немного. «Дом под высокой кровлей» в VII веке содержался ассирийской властью в хорошем состоянии, так что вавилонскому владыке оставалось только украсить его. К сожалению, тексты об этом неконкретны, стереотипны, повторяют друг друга. Дело осложняется тем, что современные комментаторы не знают точного значения некоторых металлургических терминов и не всегда могут понять, о чем идет речь. Для вавилонян же точность, а тем более живописность и не требовалась: боги и так, без дополнительных описаний знали, чем обладали; служителям культа тоже было известно, в каких стенах они проводят дни. Оставались те, кто не имел права входить в священную ограду, то есть подавляющее большинство жителей Вавилона. Но в их жизни едва ли мог представиться случай сравнить описание с действительностью, поэтому было достаточно передать общее благоприятное впечатление от сооружения. И Навуходоносор делает упор прежде всего на богатство декора. Государь и его писцы — а с ними, судя по всему, остальные их современники — ценили не столько дороговизну металлов и привозного дерева, сколько игру света на поверхностях. Принятые эпитеты говорят о блеске убранства не меньше, чем о его богатстве. «Святая святых» храмов бывали обыкновенно черно-белыми; этот контраст достигался сочетанием очень экономичных материалов: гипса и асфальта. Только в двух из них — жилище Мардука в Вавилоне и месте обитания Набу в Барсиппе — царь провел работы по роскошному украшению интерьеров; правда, площадь и объем помещений так и остались невелики.

Жилище Мардука и его супруги Навуходоносор застал обшитым листами серебра. Он же отделал стены «сверкающим золотом», лазуритом и белым мрамором. Потолочные

кессоны были украшены золотом, серебром и «самоцветами». Золото использовалось повсюду, но употреблялось в виде листов, а не слитков.

Показательно сравнение мест обитания двух богов. Для Набу в Барсиппе вавилонский царь трудился, пожалуй, не меньше, чем для его отца. У Мардука в «Доме правды» в Барсиппе был собственный придел; но он, а также ведущий к нему коридор были украшены лишь серебром. А вот придел его сына в вавилонском храме Мардука был отделан золотом.

Надписи Навуходоносора несколько раз описывают «святая святых» Набу, но кое в чем противоречат друг другу; возможно, эти расхождения между текстами объясняются постепенным появлением новых украшений. В любом случае описания не позволяют в подробностях представить себе убранство интерьера. Между тем никаких древних изображений, проливающих свет на этот вопрос, у нас тоже нет. Судя по плану, составленному при раскопках, к месту пребывания статуи вели два зала; в каждый выходило еще несколько вспомогательных помещений. Если верить текстам, они закрывались воротами с палисандровыми и кедровыми косяками и серебряными вставками в виде быков. Коридор был вымощен плитами «блестящего» серебра. По обеим сторонам от входа в «святая святых» стояли быки, отлитые из меди и покрытые золотом, у других порогов находились такие же, но серебряные. Тень от быков падала на портал священных ворот; косяк и вся дверь, включая порог, были отделаны «сверкающим златом». К удивлению, о статуе Набу в самой комнате ничего не говорится. Ее постамент раньше был сделан из обожженного кирпича и асфальта; при Навуходоносоре сам пьедестал, ступени к нему и покрывающий его балдахин стали серебряными. Два горельефных зверя, а также кедровые балки потолка в завершение работ были отделаны золотом с драгоценными камнями, а до тех пор, пока это не было сделано, их просто обшили медью, надраенной с воском. Чтобы «дождь, ливень и буря» не испортили «святая святых», крыша здесь была вдвое толще, чем над другими помещениями комплекса. Все водостоки были сооружены из алебаstra, а лестницы — из дерева экзотических пород, обшитого бронзой.

Таким образом, для Набу старались так же, как для его отца, а то и усерднее. Впрочем, мы можем лишь предполагать это с большой долей допущения. Во всяком случае, «святая святых» Мардука в Вавилоне не поражает воображение роскошью, хотя и превосходит великолепием аналогич-

ные помещения в других храмах Вавилонии. Навуходоносор почитал столичного бога, служил ему сообразно его рангу, но столь же ревностно служил и богу из Барсиппы. Между прочим, его зять и второй по порядку преемник Нериглиссар поставил в храме Мардука семь медных драконов, покрытых серебром, специально указав: этого никто до него не делал. Возможно, здесь содержится скрытая критика тестя, сделавшего, по его мнению, для бога слишком мало.

От ступенчатой башни Вавилона сейчас сохранились только следы фундамента — само здание исчезло полностью. Мы не знаем, в каком состоянии находился «Дом — основание неба и земли» в момент разгрома ассирийцев, но можем об этом догадываться по аналогии с Барсиппой. Как изъясняет Навуходоносор, «башня была давно заброшена; водостоки забиты, дожди и потоки разрушили кладку, обожженные кирпичи облицовки <были> выломаны».

Набопаласар нашел вавилонский памятник «обветшавшим и давно шатавшимся»; похоже, он даже сомневался, сможет ли его восстановить. Он посоветовался с «умелыми мастерами», после чего «зодчие натянули мерные веревки и начертили планы». Начало работ было отмечено торжественной церемонией. Но ко дню смерти царя было сделано менее шестой части работы. Ее завершил сын Набопаласара. Впрочем, его надписи скупы на подробности. Видимо, он расширил фундамент, «чтобы возвести на нем высокую насыпь». Помещения, примыкавшие внизу к башне, были «одеты в кедр, палисандр и бронзу». Внешняя отделка была исполнена, как и в Барсиппе, из «лазоревых» (цвета лазури-та) глазурованных кирпичей.

К счастью, один из писцов оставил описание башни с указанием размеров, по которому всё же можно представить в целом ее внешний вид. Согласно этой табличке, башня при храме Мардука состояла из семи ярусов, была в плане квадратной, со стороны основания 90 метров, и поднималась на такую же высоту. Первый ярус имел в высоту 33 метра, второй — 18, остальные — по шесть метров. На верхней платформе стоял алтарь. Современные реконструкции расходятся в деталях, но одно несомненно: в архитектуре башни не было ничего оригинального. Силуэт «Дома — основания неба и земли» был точно таким же, как у ступенчатых башен, высившихся в каждом стольном городе Вавилонии.

В восточной стене двора, окружавшего башню Мардука, находились монументальные ворота, выведившие на Священную дорогу. Эта дорога соединяла пространство, посвященное Мардуку, его жене, сыну Набу и разным второсте-

пенным божествам, с воротами богини Иштар в северной стене города. Таким образом, она играла первейшую роль в городской жизни. Ее ширина составляла 22 метра (это была самая широкая улица в Вавилоне), длина — 200 метров от центра до северной стены. Наряду с обыденной функцией она имела и важное религиозное назначение: по ней Мардук и его божественные гости покидали Вавилон, отправляясь за город на праздник Нового года.

Когда во время археологических раскопок была обнаружена Священная дорога, обе ее стены были полностью обрушены, но обнаруженные обломки позволяют представить себе ее первоначальный вид. Улица строилась в два приема. После окончания строительства нового дворца ее пришлось поднять: новая мостовая располагалась на пять метров выше, чем при Набопаласаре. Дорогу вымостили известняковыми плитами. Чтобы ускорить дело, строители, недолго думая, взяли плиты Сеннахериба и покойного отца царя; плиты Сеннахериба пришлось перевернуть, чтобы не было видно ассирийских надписей. Две стены вдоль дороги были облицованы формованными глазурованными кирпичами; подсчитали, что с каждой стороны на них было изображено по 60 шагающих львов. Фон стены был то голубой, то яркосиний; каждый лев достигал в длину около двух метров. Животные имели разные окрасы: одни — белую шкуру и желтую гриву, другие — желтую шкуру, а гриву красную. Над ними шла широкая полоса больших розеток.

Священная дорога вела к воротам Иштар, полностью называвшимся «ворота Иштар, отражающей восставших на нее». Этот памятник, вне сомнения, является шедевром искусства своего времени; в нем одном выразился весь дух царствования. Сначала это был элемент военного обустройства Вавилона; ворота продолжали могучие укрепления дворца к востоку. Они, вероятно, возвышались над Священной дорогой более чем на 20 метров. Перед ними даже стояли еще две башенки — тем самым подступ к городу становился для врага еще опаснее. Качество строительства здесь весьма высоко: кирпичи скреплены асфальтом и глиной, и все пять их слоев для прочности и дренажа проложены камышовыми циновками. Но особенно замечательны ворота своими фигурами быков и драконов. Их было 175. До Навуходоносора ворота были сделаны просто из сырцового кирпича. Когда новый царь снес дома рядом с ними, он заодно облицовал ворота глазурованным кирпичом. Быки и драконы (того же размера, что львы на стенах Священной дороги) были разноцветными: быки — желто-синими, драконы —

желто-белыми на таком же сине-голубом фоне, как тот, что использовался при облицовке стен дороги. Над ними, под самыми зубцами, шел фриз из розеток.

Как и все прочие монументальные ворота Вавилона, ворота Иштар охраняли от демонов статуи «буйных быков» и «драконов в гневе великом». Они были «медные», что, без сомнения, надо понимать как «обшитые медью». Если бы статуи были сделаны целиком из металла, Навуходоносор не забыл бы указать это. Из меди были отлиты также пороги и петли ворот, а их косяки были сделаны из «превосходного» кедра, обитого бронзой.

Именно на этой улице, между ее стенами, единственный раз в году миряне принимали участие в религиозной жизни по случаю выхода статуй богов из «святая святых». Такая публичная процессия происходила только на Новый год. Долгое время в каждом стольном городе «страны Шумера и Аккада» было свое новолетие — то был случай проявить местный патриотизм. Потом древние традиции забылись, и всем божествам страны приходилось на время оставлять свои святилища, собираясь в гостях у Мардука в Вавилоне. Когда это произошло впервые, неизвестно; мы не знаем и причины, хотя представить ее себе нетрудно: новая церемония утверждала единство Вавилонии вокруг ее самого знаменитого города. Во всяком случае, ко времени Навуходоносора централизация ритуала в столице существовала уже много веков. В общем, города были не слишком довольны, что их божества покидают свои стены даже на время, но поневоле мирились с этим, будучи готовы выказать свое возмущение при подходящих обстоятельствах.

И всё же божества вавилонских городов по случаю Нового года отправлялись в столицу. Набу выезжал из Барсиппы и встречался с отцом, окруженным торжественно-радостной свитой и всем божественным семейством. На другой день боги вновь пускались в путь через весь Вавилон в храм, расположенный за его стенами; предполагается, что «Дом новолетия» находился между внутренней и внешней стенами на северо-востоке, но здание его не обнаружено, так что это местоположение до сих пор гипотетично. Согласно традиционному выражению, властитель Вавилона «держал руку Мардука»; он шел перед всеми рядом с «владыкой над владыками» (то есть его статуей) через всю столицу. Его присутствие должно было убеждать народ в том, что царство будет еще целый год жить в порядке и довольстве. Обрато боги возвращались после тайного обряда. О нем к нам не просочилось ничего достоверного; очевидно, там Мардук

распоряжался судьбами двенадцати грядущих месяцев. Затем царь богов расставался со своей божественной свитой. В процессии, провожавшей возвращавшиеся по домам статуи, участвовал не только весь духовный и обслуживающий персонал «Дома под высокой кровлей» и других храмов, но также царский двор, сановники и представители прочего народа. Общий религиозный дух находил выход лишь на эти несколько часов. Другие праздники отмечались только жрецами, вдали от взглядов любопытствующей толпы. В поисках своего места в мире, в столкновении с мирозданием вавилонянин мог полагаться лишь на собственные силы.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ В ПОИСКАХ НОВОГО МИРА

ПУТЬ ДЕЙСТВИЯ И ПУТЬ СПАСЕНИЯ

Итак, храмовая религия была чисто ритуальной; ее церемонии оставались закрытыми в стенах святилищ. Житель Вавилонии был от нее отгорожен, не мог найти в ней ни моральной поддержки, ни, еще того менее, ответа на свои вопросы о мире. Характерно, что в литературных текстах человек в горе открывает сердце более счастливому другу, просит его о сострадании; ему и в голову не приходит искать помощи у жреца.

Конечно, названия храмов и находившихся в них священных предметов входят в состав имен собственных, занимая там место имен божественных. Быть может, богов часто и воспринимали в конкретном облике их почитаемой статуи? Здания храмов являлись носителями божественной личности: они исполняли молитвенные просьбы верующих «в замещение богов», как тогда говорили. Храмы брали на себя и обычное человеческое усыновление. Но именно тут с наибольшей силой проявлялись любовь и доверие: верующий просил благословения своему потомству и выражал надежду «видеть» храм. Это было искреннее, но не слишком продуманное изъявление неклерикального мистического чувства. Мирянин внезапно начинал славить могущество божества, находящегося в «святая святых». Он переносился туда лишь мысленно; исполнить его желание буквально было невозможно — вход на священную территорию был для мирян под нерушимым запретом.

Таким образом, преданность храмам была вполне реальной даже для тех, кто не входил в клир. Однако она плохо оправдывалась совокупностью социальных ролей храма и,

во всяком случае, оставалась формальной, внешней; в ней проявлялась прежде всего привязанность к тому или иному городу, который ассоциировался со своим главным храмом и жившим там божеством. По-настоящему утолить скорбь она была не в состоянии, а эта потребность была тем более сильной, что и общераспространенное мировоззрение не давало утешения.

Для вавилонян человек был предназначен к смерти. Избежать ее — привилегия божества; собственно, бессмертие и есть его основное отличие. Какие бы подвиги ни совершил герой, в конце концов он не мог избежать уничтожения.

Этот принцип был неоспорим, представления же о самой смерти — путаны и бессвязны. Правда, описаний преисподней, а также сходявших в нее богов и людей было более чем достаточно. Но их надо рассматривать лишь с тех позиций, с которых это делали вавилоняне, воспринимавшие их всего лишь как великолепные литературные образцы. На деле подземный мир являлся скорее декорацией, созданной интеллектуалами, вставлявшими в нее какую-либо моралистическую тираду или политическую программу. Это было обрамление, а не настоящее верование.

По представлениям вавилонян, мертвых надо было хоронить, чтобы они не стали привидениями. Затем близкие были обязаны регулярно приносить им еду и питье. Но живые, бывало, уклонялись от этой обязанности. Благочестивые писцы так часто напоминают о необходимости ее исполнения, что можно предположить, что ею часто пренебрегали. В этом небрежении выражались страх и неуверенность вавилонян перед смертью. В конце земного пути всякого человека ставилась точка — люди не верили в другую жизнь. Но каким-то образом мертвые все же продолжали существование, потому что «отчаянные призраки, повсюду рыщущие мертвецы» беспокоили живущих. Как это было возможно, никто не знал и не старался понять; лишь заклинатели при помощи должных процедур брались изгнать непрошенных гостей туда, откуда они пришли.

Оканчивая свои дни, человек умирал весь, целиком; следовательно, удачливым злодеям не грозила никакая кара, а униженные праведники не могли надеяться получить награду. Всё происходило только в этой жизни: кончилась жизнь — конец игре. Смерть всех уравнивала. «Взойди на древние развалины, смотри на черепа великих и малых: кто из них творил зло, кто творил добро?» — таким доводом в одном из литературных произведений (условно озаглавленном «Пессимистический диалог») угодливый слуга бесстыдно одобря-

ет своего хозяина, который хотел было сделать доброе дело для страны, но потом передумал. К чему послужит ему доброе дело?

Итак, зло и злая судьба не находили отмщения на ином свете; в таком случае вопрос о воздаянии становился особенно тяжелым. Традиция давала на него пафосный ответ: всякий преступник понесет наказание при жизни, а невинному, конечно, придется потерпеть неприятности, но в конце концов он станет благополучен: «То, что ты потерял в один год, вернешь в один миг, в том нет сомнения». В общем, всякий наказанный заслуживает своего наказания, даже если сам не сознает за собой вины: ведь эта концепция не принимала в расчет существования доброго или злого намерения. Согласно ей, в глазах богов небрежность и сознательное прегрешение были одинаково тяжкими.

Чтобы избежать бед, религия советовала держаться «под сенью» божества-покровителя. Вавилонянин должен был упражняться в благочестии: «Когда убедишься, сколько выгоды в почитании бога, ты прославишь бога и призовешь его благословение на царя». Благочестие приносит богатство, детей, долголетие и высокое положение в обществе — таков был общий образ мыслей жителей Вавилонии. Ни о каких нравственных ценностях речь при этом не шла. Так же судил и Навуходоносор. Например, он обращался к «Госпоже набережной» с такими просьбами: «Продли мои дни, умножь мои годы; да установят уста твои долгую жизнь и многое потомство; дай здравие душе и телу моему; сделай верными гадания обо мне; сделай добрыми советы <богов> для меня; всегда проси Мардука, царя неба и земли, о поражении врагов моих и гибели стран враждебных». Как ни звучны такие прошения, они ограничиваются пожеланием личного и государственного материального успеха. Кроме того, все они эгоистичны: в них ничего не говорится о людях, составлявших царскую семью, страну, империю. Это не случайность; ничего подобного не встречается и в других надписях вавилонского царя.

Что же это было за «благочестие», предписанное мирянам? На деле, как нам кажется, оно сводилось к очень немногим вещам. В письмах то и дело попадаются краткие формулы обращений к богам. Отражали ли они мысли пишущих — или являлись штампами, которые по привычке считал себя обязанным вписать платный писец? В целом их искренность и естественность едва ли вызывают сомнения, но это не дает возможности оценить глубину их благочестия. Некто обращался к адресату так: «Да решат Набу,

бог-луна* и бог-солнце о здравии твоём; каждый день молюсь я о тебе, и да услышана будет молитва моя!» Другой корреспондент велел написать, что он «преклонил колени» перед богиней; еще один уверял: «Под хранительной сенью богов все у меня хорошо».

Все прочие тексты исходят из храмовой среды. В их советах проявляется их происхождение: «Ищи неустанно сладкого дыхания богов», «Каждый день молись богу своему». Они советуют ежедневно справлять обряды, чтобы не навлечь гнев богов; сулят горе тому, кто «ел хлеб свой и бога своего не призвал», кто «оставил богиню свою и муки не принес ей». Но, кажется, к жрецам не особо прислушивались.

Да и к чему было выполнять все эти предписания? Вот мысль, глубоко переживавшаяся вавилонянами: человек не в состоянии понять божество. «Волю бога знать нельзя; дел бога знать нельзя; все божеское [трудно] обнаружить». Представление о человеке было очень скромным: когда в начале времен младшие боги наотрез отказались удовлетворять нужды старших, люди были сотворены, чтобы работать. После этого небесные жители всех рангов могли жить праздно: люди вечно будут кормить их своим трудом — даже прежде, чем самих себя. Поэтому обыденной моралью было смирение. Это была чисто негативная, угрюмая, горькая, женоненавистническая мудрость. Она только и советовала, что всего остерегаться. Компенсировал эту трусливую замкнутость вульгарный гедонизм, где главную роль играло употребление хмельных напитков. Впрочем, вавилонянам предлагались и некоторые добродетели: благоразумие, сдержанность.

Взгляды на счастье и несчастье не подтверждались опытом. Совет «не делай зла и не получишь злосчастья» казался очень наивным. Впрочем, недовольство им было сформулировано только во второй половине II тысячелетия. Тогда люди начали размышлять о страданиях детей, о бедствиях, насылаемых на весь народ без разбору. Лучшие умы были поражены абсурдностью зла: оно поражает праведных и неправедных, старых и малых, целые страны — не могло же их население сплошь состоять из дурных людей.

Такие размышления, возможно, подпитывались неким потаенным течением мысли, а свое выражение нашли в некоторых пословицах. Это идейное течение было, очевидно, очень древним и явно не имело отношения к жреческому миру. Едко и зло высмеивались расхожие идеи, исполнение

---

* Син (аккад.).

обрядов представлялось бесконечным трудом, ничего не дающим человеку (надо сказать, что по-вавилонски одним и тем же словом назывались повседневные храмовые обязанности, работа в поле или мастерской и трудовая повинность, налагавшаяся царской властью). Подвергалось сомнению даже могущество богов: «Бог демону пути не заступит». В одном споре о нужности религии некий верующий жалуется, что его богопочитание ни к чему не приводит: тянуть тягло для бога — «работа без прибитка»: «В юности моей слушал я волю бога, искал богиню с сокрушением и мудростью. <...> Бог судил мне бедность, а не богатство; хромою обгоняет меня, глупец обходит меня; сволочь избрана, а я хирею». Собеседник пытался возразить ему: «Значит, в печени своей (вместилище чувств. — Д. А.) ты помышлял не слушать велений богов». Упрек был явно несправедлив; таким образом, традиционные представления лишь демонстрировали свою слабость и едва ли могли найти отклик. Стало быть, о богах думали плохо. Зато их служители никакой критики на себя не навлекали. Вавилоняне не знали антиклерикализма: жрецы несли свою службу, занимали предписанное им место в миропорядке, то есть являлись исполнителями со стороны человечества договора, заключенного с богами: содержание в обмен на безопасность.

Последним усилием вавилонской мысли, предпринятым для преодоления этих трудностей, был «миф о боге Эрре», названный так по имени главного героя. Он был сочинен в конце II тысячелетия, когда кровавые войны приводили то к катастрофам, то к возрождению государств. В нем разработан мотив ухода и возвращения бога (божественной храмовой статуи).

Противоречие между вечным, неуязвимым для превратностей истории божеством и бранным предметом издавна занимало мысли жителей Вавилона. В перипетиях своей долгой истории вавилоняне много раз видели, как статуи увозились из святых мест и даже уничтожались. Но богословы учили, что ни воля, ни поступки человека тут не имели значения. Когда-нибудь, в один прекрасный день бог или богиня «вспомнит» о своем традиционном жилище, пожелает снова поселиться в нем, «обратит лик» к своим давним почитателям; тогда все неодолимые трудности вдруг необъяснимым образом разрешатся.

Поэма из семисот стихов вписывается в вавилонскую литературную традицию и кажется с первого взгляда феерией на мифологические темы. Но у нее есть и отличие от других дошедших до нас сочинений: она якобы явилась во сне че-

ловеку, назвавшему свое имя*; проснувшись, он точь-в-точь записал то, что ему привиделось. Это подписанное произведение — редкий случай для Вавилона; обычно авторы оставались безымянными.

Автор поэмы не обращает внимания на беды отдельных лиц: болезни, разорение, смерть. Его интересуют лишь потрясения всего общества. Его «герой», если можно так его назвать, Эрра — бог войны и эпидемий — олицетворяет абсолютное зло, но его сдерживает присутствие Мардука (статуи Мардука) в вавилонском храме. Стоит великому богу покинуть ее, как Эрра даст полную волю своему злонравию. Поэтому неправедный бог всячески старается соблазнить Мардука выйти из своей материальной оболочки, разрушить статую; тогда ее восстановят, и она, то есть сам бог, вернет себе уже несколько поблекшее сияние. Мардук долго колебался, вспоминая, что, когда он первый раз ушел из храма, случилось великое потрясение, поразившее людей и богов. Правда, он согласился, что иногда ему служат с небрежением, но все же счел, что лучше его терпеливо сносить, чем насыпать кару, которая будет иметь неведомые последствия (не слишком разумный довод в устах бога!). Тогда Эрра стал рассказывать Мардуку о его «торжественном возвращении», которое искупит все плохое, что произойдет из-за его отсутствия. Из-за легкомыслия и тщеславия Мардук уступил уговорам. Эрра же льстиво предложил самому занять место Мардука — временно, пока будут делать новую статую. Когда это случилось, потрясся мир и перевернулись все социальные ценности: храмы были осквернены и разграблены, автономия городов попрана, преступников не отличали от невинных; наконец, пришли войны, мор и голод. Потом Эрра, утомившись от бесчинств, вдруг переменялся, согласился проклясть врагов Вавилонии, благословил ее и предсказал ей великое будущее. Бесспорно, последняя перипетия введена неумело, однако нельзя отрицать и искренности пожелания славы своей родине.

Таким образом, провозглашалось, что зло не имеет ни оправдания, ни пределов. Мардук проявил крайнее легкомыслие в отношении своих почитателей. Даже остальные боги поразились бедам, постигшим невинных людей. Все они обрушились на мир оттого, что божество покинуло свое святое место; но зачем оно это сделало? какая ему в том корысть? Ответ звучал нечестиво: боги с богинями и сами не ведают, что творят. Они даже не понимают своей выгоды,

---

* Кабту-илани-Мардук, сын Дабибы.

легко дают обвести себя вокруг пальца, сплошь и рядом поступают легкомысленно и безответственно. Конечно, статуя бога еще прежде материального надругательства над ней была десакрализована — точнее говоря, «необитаема», — иначе она бы этого не позволила. Но, к сожалению, это было скрыто от взоров людей — они прозрели только с началом катастрофы. Божественное же зло все видит ясно и всегда бдит; оно знает, когда наступает пора ему действовать, и не упускает случая. Такое развитие представления о божественном «реальном присутствии», распространение теологического объяснения на все природные и общественные бедствия приводили к тому, что бессмертные начинали выглядеть в глазах людей не слишком привлекательно: в конечном итоге поклонение богам, даже если не пренебрегать никакими обязанностями и полностью удовлетворять их, не отводило от человека бед. Мы приходим к тому, что храм становился бесполезным или, во всяком случае, не особенно помогающим.

Традиционная мысль, следовательно, признавала свою неудачу. Обращение в храмы, конечно, имело какой-то смысл, но вера и благочестие не приносили человеку в жизни особых благ. Эти блага, во всяком случае, не были гарантированы, а их распределение казалось совершенно несправедливым.

Можно ли было найти выход в науке? С эмпирическим представлением о причинности вавилоняне были знакомы; но мир казался им настолько сложным, что у них родилось осознание своей неспособности овладеть им. Так или иначе, после изобретения письменности в конце IV тысячелетия развитие естественных наук застопорилось. Письменность раз и навсегда разнесла знакомый вавилонянам мир по рубрикам: предметы деревянные, предметы медные, животные, живущие в воде (рыбы, выдры, черепахи), камни и т. д. Эта энциклопедическая структура уже не менялась. Таким образом, писцы VI века видели мир таким же, как и их предшественники; к тому же им надо было во что бы то ни стало вписать новые реалии в рамки, созданные не менее двух с половиной тысяч лет назад; одним словом, перечень составных частей мироздания оказался закрыт прежде, чем составлен. Медицина же представляла собой нагромождение нелепых процедур, смешанных с магией.

Впрочем, эти безнадежные выводы не смущали людей того времени, считавших, что они унаследовали способ читать (в буквальном смысле) мироздание; в качестве такового им представлялось гадание. Все явления в природе, на земле

и на небосводе были знаками человеку, и знаками верными; у богов было много недостатков, но они не лгали. Оставалось истолковывать эти знамения. Для этого существовали специалисты-прорицатели; но в принципе каждый человек, как мужчина, так и женщина, мог овладеть этой премудростью. Область ее применения была неисчерпаема, но сфера собственно гадания все же имела некоторые пределы. В отличие от жителей империи вавилоняне совершенно не доверяли пророческим экстазам, видя в них признак душевной болезни. К черной магии они также питали явное отвращение. Упражняться в ней не запрещалось, однако это занятие считалось постыдным и, вероятно, являлось крайне редким.

С учетом этих оговорок, способы гадания не имели иерархии; всё было равноценным: гадание по колонне муравьев, по цвету восходящей луны, по капле масла в чаше с водой — список способов бесконечен. Специалист выбирал любой из них на свой вкус. На практике существовали народные виды гадания, всего разнообразия которых мы не знаем, потому что они не считались достойными записи, и благородные. Среди самых благородных называлось гадание по внутренностям барана (обычно — по печени, реже — по кишкам и легким). В VI веке обращаться к предсказаниям такого рода почти перестали — увлечение ими прошло (мода на гадания, подобно всякой другой моде, переменчива); к тому же они обходились довольно дорого (каждый раз в цену животного), в то время как обращение к звездам не стоило ничего. Этот способ и применялся тогда чаще всего.

Вера в истинность, необходимость и пользу гаданий никогда не ставилась под сомнение, да это было и невозможно. Она была неколебима, поскольку основана на грамматическом строении вавилонского языка, в котором для глаголов существует только две формы: перфект и имперфект. Первая говорит о действии (все равно, прошедшем, настоящем или будущем) как о законченном, вторая (опять же без учета «времени») — как о еще не совершившемся. В гадательных трактатах первая форма употребляется, когда говорится о наблюдениях, вторая же — когда из этих наблюдений выводятся предсказания. Но полностью обязательным, неотвратимым такое предсказание не было: имперфектная форма может указать на факт будущего, однако по самой ее природе в ней не могут различаться необходимое и возможное. В конечном счете это смешение разрушало представления о судьбе и, более того, о предопределении: для вавилонян причинность оставляла в последовательности

событий зазоры. В эти щели и протискивался заклинатель: он умел устранить причину или отвратить следствие. Для человека VI века детерминизм существовал — и вместе с тем не существовал; даже если человек и признавал взаимосвязь явлений, то обладал возможностями нарушить ход событий. Поэтому тем более надо было знать будущее: магия не имела смысла отдельно от гадания; специалист-гадатель был подручным у заклинателя, а без последнего искусство предсказания не было бы нужным. Возможность избавиться от зла только и оправдывала употребление гадательного арсенала.

На любой вопрос гадатель мог дать три типа ответов, и каждый из них требовал от клиента соответствующего поведения. При предсказании положительного исхода дела никакого вмешательства не требовалось. Прогноз мог быть неблагоприятным, но результат иногда зависел от человеческого решения — например, о вступлении в брак или путешествии; тогда, чтобы избежать несчастья, можно было просто отказаться от своих планов. Наконец, случалось, что человеческая воля была бессильна против грядущей беды — например, родов в неблагоприятный день или слишком позднего наступления паводка. В этом случае вступали в силу магические действия и заклинания; считалось, что они могут изменить те обстоятельства, которые не находились во власти человека, а были связаны с естественным порядком вещей. Что бы ни возвещало гадание, можно было повернуть дело на добро; человек в любом случае оставался хозяином своей судьбы.

Руководства, посвященные гаданию и заклинаниям, дошли до нас в огромном количестве. Это легко объяснить: в каталогах библиотек Вавилонии они тоже составляют около трети. Мистика же оставалась потаенной, ее умозрения не записывались. Не то чтобы те, кто этим занимался, старались скрыть свои достижения — они не были секретными или эзотерическими в собственном смысле слова. Просто они были новыми и по этой причине не входили в состав литературной классики VI века; школы еще не включили их в программу; иными словами, эти идеи еще не были систематизированы, зафиксированы и прокомментированы.

Вавилонскую мистику можно определить как исследование и созерцание мира путем «прочтения». Она руководствовалась одним основным принципом: в мире все связано со всем. Земля есть изнанка неба, но верно также и обратное; дальнее и горнее находятся в гармонии. Такова была воля Мардука от начала времен; он рассек побежденное им

первозданное чудовище* надвое и сотворил небо и землю, так что происхождение у них общее.

Реконструировать применение этого учения, хотя бы в основных чертах, сегодня невозможно. Оно явно было склеено из разнородных частей. Конечно, в какое-то сочленение их привели, но «система» всегда оставалась открытой — это была ее характерная черта. Комментатор исследовал мироздание, входя, так сказать, все глубже в реальность, открывая ее непрерывным вопрошанием.

Начало этим поискам, видимо, дало соединение астрологии с размышлениями над числами. Это самое правдоподобное предположение. Сами же вавилоняне этот вопрос никак не разъясняли.

Вавилонская астрология оформилась уже к середине II тысячелетия; наблюдение за небесными телами стало самым распространенным способом гадания. Классическое издание руководства по астрологии получило распространение в VII веке. Это самый объемный из трактатов такого рода: в нем насчитывается около десяти с половиной тысяч строк, помещенных на семидесяти табличках. В отличие от вычислений современных астрологов он принимает в расчет лишь Солнце, Луну и Иштар (по-нашему Венеру), но зато учитывает некоторые атмосферные явления — такие как грозы или песчаные бури. Никакими расчетами астрологи не занимались: они просто наблюдали небо невооруженным глазом с плоских крыш храмов. Небесные тела, которые мы называем планетами, звездами и кометами, они именовали одним словом «светила».

Для развития культа светил существовали все условия. Поклонение богу-луне и богу-солнцу восходит к доисторическим временам. Тот и другой всегда были одновременно и человекоподобными существами, и видимыми небесными телами, и статуями, помещавшимися в глубине святилища. С течением времени таковыми же стали и все остальные «светила», которым поклонялись совокупно, называя их «богами ночи»; обнаружены весьма поэтичные молитвы, обращенные к ним. Они служили посредниками верховных богов; каждое светило, к худу или — чаще — к добру, отвечало за определенный орган человеческого тела, поэтому к ним обращались за помощью врачи.

Решающий шаг был сделан, когда каждое светило поставили на свой «пьедестал» наподобие храмовой статуи. По вавилонской формуле, это была его «стоянка». Наконец, со-

---

* Тиамат.

вершилось полное уподобление, когда светило стало «двойником» божества, а то, в свою очередь, являлось образом светила.

Вавилоняне считали, что у истоков операций с числами стоял бог-луна: именно благодаря ему весь мир описывался в цифрах. Этот бог обозначался числом 30 — очевидно, по количеству календарных дней в месяце. Исходя из этого и применялась шестидесятеричная система. Иштар была всего лишь дочерью бога-луны и потому могла получить лишь половину отцовского числа, то есть 15. Напротив, верховному богу пантеона придавалась единица — 60, второму по значению — 50, третьему — 40. Затем были зашифрованы все возможные явления действительности. До этого момента правила вавилонской нумерологии были нам ясны, но далее понять их становится невозможно. Почему левая сторона — это 15 (как Иштар), правая — 120, а царь — 150? В конечном итоге писцы могли передать какую угодно информацию, даже имена собственные, употребляя только числа. До нас дошло несколько текстов такого рода.

Применять символические обозначения богов в Месопотамии начали даже раньше, чем появилась письменность, — в конце IV тысячелетия. Некоторые из этих символов самоочевидны (лунный полумесяц, солнечный диск), другие были придуманы позже. В начале II тысячелетия два-три языка на какой-то подставке неуклюже изображали молнии, то есть служили обозначением бога грозы. Уже позднее, во второй половине тысячелетия, Плеяды естественным образом обозначались семью звездами.

Вавилоняне пользовались такими символами еще более широко, распространив их на всех бессмертных существ. Они решительно отождествили Мардука с мотыгой, зная, что он первоначально был аграрным божеством. Набу в первую очередь был «писцом», так что его совершенно недвусмысленно обозначала тростниковая палочка для письма. Применялись и изображения животных: от начала II тысячелетия богинь-целительниц символизировала собака. Кончилось тем, что к VI веку уже не осталось божеств, не имевших своей эмблемы. Она могла быть взята из любой области действительности, а то и создана из нескольких существ. Например, атрибутом бога Эа была «рыба-коза» — никто сейчас не может объяснить причину появления такого странного объединения двух существ.

Сами эти изображения, так же как и символизировавшиеся ими боги, отсылали к светилам и числам. Таким образом, обмен смыслами шел по всем направлениям, но двигателем

и вместе с тем унификатором всех этих процессов было письмо. Однако надо оговориться: когда речь шла о «письме», вавилоняне имели в виду не только систему графики. Весь мир был письмом. Его знаки не сводились к тем, которые употреблялись писцами; знаками было и всё, что окружало людей. Боги писали везде — и это была отнюдь не метафора; в частности, божественными письменами, которые разгадывали прорицатели, являлись внутренности животных.

Клинопись считалась изобретением, которым люди были обязаны богам. Ее построение являлось темой неисчерпаемых комментариев. Каждая совокупность «клинышков» имела фонетическое чтение, но могла быть и идеограммой — это зависело от контекста. Существительные, прилагательные, глаголы делились на слоги, что позволяло толковать их не фонетически, но как сочетание определенных идей. К примеру, ложная этимология объясняла имя Мардука как «бычок солнца». Она открывала новые пути изысканий по обеим его составным частям. Дальше было достаточно лишь некоторой гибкости ума, чтобы получить значение — вернее, значения, — ничего общего не имеющие с первоначальным. В общем, эти манипуляции обращались со словом как с ребусом. Но то, что для нас сегодня является праздным развлечением, в те времена воспринималось всерьез: таким образом думали докопаться до истины, скрытой в божественном имени. При этом толкователи легко шли на упрощения и допущения — например, произвольно меняли как гласные, так и согласные; таким образом появлялись новые смысловые нюансы.

Комбинация размышлений — астрологических, нумерологических, символических и графических — создала своего рода универсальную алгебру. Мир, известный вавилонянам, был сведен к «уравнениям». Перечисление соответствий могло бы быть бесконечным. Ни одного трактата по этой науке написано не было, да и не могло быть, потому что в самой природе этих изысканий было отсутствие каких-либо пределов и границ.

Приведем лишь некоторые примеры. Небесная сфера ставилась в соответствие земному пространству; так, созвездие Скорпиона указывало на «страну моря» с Персидским заливом — и наоборот. Бог войны был звездой, которую мы называем Сириус, а общим символом у них был письменный знак «стрела». Евфрат, Тигр, все стольные города имели на небе свои светила. В общую знаковую сеть включались и металлы: золото было богом-солнцем и вместе с тем

числом 20; наоборот, солнце и число 20 были золотом. У областей империи были свои месяцы: первый, пятый и девятый принадлежали Вавилонии, а «Западу» были отданы третий, седьмой и одиннадцатый. Времена года и части суток также были кому-то приписаны: Мардук владел весной и утром, Набу — осенью и вечером. Год и часы дня они делили также с богом-луной: утру и весне соответствовала первая четверть, вечеру с осенью — третья. Можно сказать и иначе: весна — это утро; Мардук, мотыга, знак мотыги, первая четверть — всё вместе. Наконец, каждая часть печени, внимательно изучавшейся гадалелями, находилась под покровительством определенного бога и определенного светила. Так два главных гадательных искусства Вавилонии — рассмотрение печени и созерцание светил — сливались, становились одним, несмотря на различное происхождение и разницу в способах гадания.

Эти элементарные «уравнения» служили лишь трамплином для более продвинутых размышлений. Всё в мире нужно было непрестанно расшифровывать, это была бесконечная игра отражений, всё отсылало ко всему: камень — к богу, символ — к предмету. Исчерпать эти тайны было невозможно: за всякой открывшейся реальностью оказывалась другая, скрытая более глубоко.

Разделял ли эти взгляды Навуходоносор? У нас нет никакой возможности выяснить, каково было его личное отношение к ним. Но как «царь Вавилона» он совершенно точно использовал всё это, наряду со своими приближенными и подданными. Эти представления направляли его действия. Разумеется, в текстах той эпохи они мало проявляются. Официальные надписи почти не говорят о гаданиях, заклинаниях и «чтении книги мира». Впрочем, Навуходоносор именно их имеет в виду, когда утверждает, что слух его всегда «открыт вестям богов». Когда читаешь царские декларации, кажется, что вавилонский владыка прежде всего прагматичен: он делает акцент на техническом качестве совершённых по его повелению строительных работ, храмовых и светских. Но не подлежит сомнению, что для его современников применение гадательных, магических и мистических процедур было естественным, разумелось само собой. Притом же они были слишком известны, чтобы о них подробно распространяться. Писцам было достаточно лишь походя намекнуть на них. Впрочем, их умолчание не должно было маскировать важности действий. Поэтому на заднем плане повествования то и дело заметны отсылки к общепринятому учению.

Несомненно, прорицатели Навуходоносора прибегали к своим альманахам, чтобы решить, в какой момент следует начать стройку. Такие руководства составлялись начиная с середины II тысячелетия и представляли собой каталоги благоприятных и неблагоприятных дней года для всех видов человеческой деятельности. С этими табличками сверились, когда Навуходоносор решил заняться достройкой ступенчатой башни в Барсиппе. Он говорит: был указан «месяц счастливый, день подобающий» для начала работ. Но эта задача была не слишком амбициозной — речь шла лишь о том, чтобы завершить начатое «прежним царем». При возобновлении же «Блистательного дома» в Сиппаре большой объем нового строительства и значимость самого бога-солнца требовали самых высоких гарантий. Поэтому предсказатели прибегли к наиболее благородному из гаданий — рассмотрению бараньих внутренностей. Эта дорогостоящая процедура была достойна царя. В рассказе Навуходоносора на сцене является он один: «Я спросил обо всех решениях бога-солнца, бога грозы и Мардука, и бог-солнце, бог грозы и Мардук сказали мне “да” непреложное, когда я обратился к оракулу, чтобы вновь построить Блистательный дом», — но в действительности он мог быть при этом лишь зрителем, а не действующим лицом, если вообще присутствовал при гадании. Впрочем, такая подача фактов никого из современников не могла ввести в заблуждение: одни лишь гадалки умели производить сложные манипуляции, требуемые правилами, установленными для этого рода прорицательского искусства, и напоминать об этом не было необходимости. На деле то была исключительная процедура — не сама по себе, как можно было бы подумать (здесь употребляются те же формулы, что мы встречаем обычно), а по перечню богов, к которым обращались. По традиции вопрошающему через сведущего в искусстве гадания человека должны были отвечать лишь два названных первыми бога. Здесь же, против обыкновения, к ним присоединен и Мардук. Практически неоспоримо, что это было сделано из политических соображений: клириков и жителей Вавилона резонно беспокоил интерес царя к Сиппару.

Писцам Навуходоносора были известны даже «соответствия». «Дом под высокой кровлей» они именовали также «Дворцом неба и земли». Это было не просто несколько высокопарное выражение, употребленное вместо того, чтобы просто сказать «всего мира». Оно явно говорило о двух частях вселенной, которые Мардук сделал «зеркалом» друг для друга: Вавилон и его храм, расположенные на земле, имели

отражение на небе; вместе с тем они, наоборот, были посюсторонним отблеском астрального образа горнего мира. Следы этих мистических умозрений можно найти в архитектуре столицы и ее декоративном оформлении. Строители применили там шестидесятеричную систему, что не укрывается от сведущего наблюдателя. Так, на Священной дороге было по 60 львов с каждой стороны. Еще более детальные подсчеты показывают, что и размеры изображенных животных не случайны: каждый телец и дракон на воротах Иштар имеет четыре локтя в высоту и каждый сделан из двадцати четырех (шестью четыре) рядов кирпичей.

Декор потолка «святая святых» «Дома правды» в Барсиппе навеян теми же мистическими представлениями. К сожалению, теперь от него ничего не сохранилось, а описания, время от времени встречающиеся в надписях Навуходоносора, неточны и неполны. Соединение «злата и самоцветов» на нем изображало «письмена небес». Вообще-то в искусстве того времени, кажется, были излюбленными и широко применялись такие сочетания, роль которых была чисто орнаментальной; так были украшены, к примеру, священные ладьи Мардука и Набу. Но в этом священном месте задумавшие его декор художники, бесспорно, ставили перед собой более амбициозную задачу. Таким подбором материалов они хотели передать, как принято было говорить, «убранство небесных обителей», то есть зрелище, видимое вавилонянам на ночном небе. Сочетание металла и камней было земным напоминанием о нем. Если мы, конечно, правильно понимаем употребленное выражение, то разделение балок «на три части» воспроизводило даже «пути» небесного свода. Вавилоняне делили его на три полосы, расстилавшиеся от горизонта до горизонта с востока на запад, располагая в них созвездия и планеты, и каждой из частей соответствовал один из важнейших богов пантеона. Согласно «Энума элиш», так устроил небесное пространство Мардук; но это был явно поздний и небеспристрастный тезис. Только ревностные усилия почитателей перенесли на бога славу первоустроителя вселенной, первоначально ему не приписывавшуюся. Даже в VI веке астрологи и астрономы не считали себя обязанными доверять жрецам «Дома под высокой кровлей» и не принимали этой узурпации. Вследствие этого Мардук даже не имел права использовать в своем «жилище» этот космический порядок; из всех храмов Вавилонии он подобал лишь святилищу его сына. К тому же Набу был владыкой клинописных знаков — важнейшего элемента во всем

комплексе всемирных соответствий. Вот здесь это изображение было на своем месте — над головой бога, то есть его культовой статуи; она всегда созерцала в своей «святой святых» письмена небес, а сам бог в то же самое время мог видеть планеты и звезды сверху.

ВОЗВРАТ К ДРЕВНОСТИ ИЛИ ОБРАЩЕНИЕ К ЧУДОВИЩАМ?

В «стране» говорили на многих языках — не только на вавилонском. Веком ранее это явление поразило одного ниппурского жителя, письменно поделившегося своим изумлением. Вавилонян VI века перестали интересоваться иностранные наречия. Это удивительно, поскольку в это время благодаря политике их государя Навуходоносора иностранцев в Вавилонии стало намного больше.

Писцы на глине продолжали существовавшую несколько тысячелетий традицию; но во всех канцеляриях (прежде всего в дворцовой) наряду с ними работали специалисты, писавшие на коже по-арамейски. Их статус не был ниже, во многих случаях они играли заметную роль. Например, одному из них было поручено вести дела с Киликией, где вавилонского языка и письменности никогда не знали. Подобные культуры могли дать вавилонянам новые, зачастую экзотические взгляды на мир, однако те не обращали на них никакого внимания; но в то же время с их стороны не было и враждебности или даже просто пренебрежения. Они совершенно не собирались выходить за пределы традиционного образа мысли и письменности — вот и всё.

Самым широко распространенным из других языков тогда был арамейский: только его худо-бедно понимали почти по всей империи и даже дальше — например, в Египте. Все тексты на нем пропали, но в свое время в «стране Шумера и Аккада» они были доступны. Местная литература могла многое перенять оттуда, однако она осталась непроницаемой для внешних влияний. Правда, частная переписка тех времен свидетельствует, что в повседневный вавилонский язык понемногу проникали элементы арамейского разговорного наречия: писцы на глине и их клиенты были, в общем, двуязычны. Однако в школах преподавали только «классический» язык. Поэтому иноземное влияние на вавилонское искусство сводилось к нулю.

И наоборот, вавилонская власть могла бы претендовать на то, чтобы распространить вавилонский язык и словесность

на подчиненные ей области. В каком-то смысле она так и поступала: мы находим клинописные надписи и на западе — в Вади-Брисса и Нахр-эль-Кельбе, и на востоке — в Сузиане, и на юге — на острове Файлака. Но все они представляют собой официальные документы; их назначением было засвидетельствовать политическое — и только политическое — присутствие Вавилона. Навуходоносор так же мало обращал на это внимания, как и ассирийцы веком ранее: он никоим образом не пытался сделать цивилизацию Нижнего Двуречья соперницей местных культур разных частей империи, чтобы она победила их, а то и вытеснила, став преобладающей. И он, и его современники проявляли лояльность ко всем этим культурам и очень просто приспособлялись к их существованию.

Лишь коротенькие записи на глине говорят нам сегодня о пользовании арамейским языком в Вавилонии, но на практике он был весьма распространен по всей ее территории. Известен поразительный факт: на кирпичях для перестройки ступенчатой башни в столице наряду с обычной титулатурой «Навуходоносора, царя Вавилона», исполненной клинописью, встречаются и краткие арамейские клейма. Они предназначались для строителей, которые, следовательно, были грамотными, но умели читать только алфавитное письмо. Со временем значение арамейского языка только росло за счет вавилонского; его продвижение, к примеру, заметно на острове Файлака, а если так было в Персидском заливе, то уж тем более имело место в низовьях Тигра и Евфрата.

Несмотря на всё это, писцы, воспитанные на древней славной системе письма, оставались совершенно чужды арамейскому алфавиту. Между тем по сравнению со сложнейшей месопотамской письменностью он был чрезвычайно прост. Тем удивительнее явное равнодушие к нему носителей вавилонской письменной культуры, равно как и их невежество.

Один судебный процесс служит великолепным примером, иллюстрирующим положение дел, сложившееся всего поколение спустя после Навуходоносора. Преступление, рассматриваемое в суде, было совершено еще при нем, но приговор вынесен 24 года спустя, на семнадцатом году царствования Набонида, 7 июля 539 года по нашему календарю.

Начальники в храме Иштар и Нанайи в Уруке «отвели к судьям Набонида, царя Вавилона, Нанайя-хуссини, служанку, у которой на руке знак звезды и написано “Нанайе”, с сыном ее», а также их нанимателя. Тот представил совер-

шенно неправдоподобное объяснение: «Я купил Нанайя-хуссини за серебро, но она бежала от меня в царство Амель-Мардука, царя Вавилона, пометила себе руку звездой и написала себе на руке “Нанайе”». Потом он якобы вернул ее себе уже с этим клеймом. Свидетельство служанки опровергало слова господина и звучало более правдоподобно: «Когда еще <мой нынешний хозяин> не купил меня за серебро, прежний мой хозяин <...> посвятил меня Нанайе».

В суде заседали шестеро «судей» и три «писца» (на глине). Ни один из них не смог разобрать три буквы татуировки: эти ученые мужи не располагали даже столь элементарными знаниями. Они «вызвали писца арамейского, <который> осмотрел руку Нанайя-хуссини и сказал: на ее руке старая, давно сделанная надпись: “Нанайе”, и другая надпись, под той надписью, гласящая: “Иштар Урукской”». Укрывателю сделали выговор и велели возбудить дело против поручителя, продавшего ему храмовую рабыню. Она же с сыном вернулась в свой храм — «Небесный дом».

Таким образом, вавилонская цивилизация больше не позволяла себе искать новые идеи извне. Вавилоняне, несомненно, были очень привязаны к своей традиции, которая подсказывала им ответы на все вопросы. Ответы эти казались тем почтеннее, чем древнее. В частности, этим доставшимся от прошлого багажом жила политическая власть. Школа держала умы будущих писцов в рамках рутины: ее программа стабилизировалась во второй половине II тысячелетия. В ней ничто не менялось, ничего к ней не добавлялось. В царствование Навуходоносора не появилось ни одного литературного произведения; при нем лишь переиздавали и комментировали завещанное прошлым. Культура стала даже беднее. Исчезли каменные барельефы — гордость ассирийских дворцов VII века. Теперь предпочитали выкладывать панно из кирпичей, покрытых цветной глазурью, так что вся выразительность скульптуры пропала. Печати, будучи распространены повсеместно, служат хорошими показателями того, как обстояло дело: их рисунки воспроизводят образцы прежних веков, отличаясь лишь тонкостью работы и точностью в деталях. То же самое происходило и во всех остальных областях: техническое качество исполнения было очень высоким, зато оригинальные проекты встречались редко.

Но все же они были: вавилоняне, почти поневоле, отправлялись на поиски новых идей. Такое желание они подспудно чувствовали, хотя ясно и не осознавали. Ведь во времена Навуходоносора у них почти не была развита рефлексия, по-

требность в самопознании и не было нужды разрабатывать какую-либо теорию.

Представление о соотношении времени и пространства у вавилонян было противоположно нашему: прошлое для них было «вперед», будущее — «сзади». Поэтому, сколько бы они ни менялись, жили они, повернувшись лицом к истокам — иногда доподлинно известным, иногда вымышленным. При этом развитие во всех областях жизни и человеческой деятельности получалось регрессом, зато мироздание было всегда тождественно себе. «Священная история» повествовала об этом и доказывала этот тезис. Она состояла из серии неизменных эпизодов. Их порядок не менялся — только изложение каждого из них могло варьироваться; например, существовало несколько версий происхождения человека. Во всяком случае, любой вавилонянин, получивший образование, знал все основные эпизоды. Писцы не отказывали себе в удовольствии часто намекать на них, безошибочно полагая, что читатели без всякого труда их поймут. Это был общий фонд знаний всех вавилонских интеллектуалов.

По их представлениям, мироздание началось с сотворения людей: они призваны были работать, чтобы прокормить богов, но поначалу оказались к этому неспособными. Первые люди жили, как животные: ходили на четвереньках, ели траву, не знали членораздельной речи. Потом они получили от своего создателя мотыгу — основной инструмент ирригации и земледелия, научились также скотоводству и всем прочим ремеслам и наукам. Наконец, с неба сошло царство. Течение времени в этом первозданном мире было линейным и бесконечным.

Человечеству эти благодеяния пошли впрок, и оно размножилось так, что стало беспокоить богов своим шумом. По другой, менее распространенной, версии боги прогневались на людей за их протест: устав служить бессмертным, люди забастовали и пытались сбросить с себя иго. Боги решили уничтожить их с помощью потопа. С их стороны это было весьма легкомысленное, непродуманное решение: осуществив его, они возвратились в то сложное положение, от которого только и избавлялись посредством труда своих творений. Потому вскоре они раскаялись в своем неосторожном, отчаянном поступке. Воды сошли и дали возможность жить новым поколениям; но вторично сотворенные люди оказались еще менее удачными, а новый мир — еще менее удобным. Однако боги смирились с ним и отныне насылали наказания не такие серьезные, а катастрофы — не такие глобальные.

Для вавилонян это было достаточным доказательством того, что мир становится хуже. До потопа цари якобы правили по 28 тысяч лет. Потом царства стали тысячелетними, а далее становились всё короче. С каждым поколением человечество всё дальше отходило от относительного совершенства первых времен, а окружающая действительность ухудшалась. Таков был первородный пессимизм, принятый во всей «стране Шумера и Аккада».

Обратить вспять ход вещей было никоим образом невозможно, но иногда его можно было притормозить. Эта мысль и открывала поприще для деятельности царя. Вавилонская традиция всегда утверждала: долг государя — упрочить и восстановить прошлое; о каждом из них судили по тому, насколько были успешны принятые им для этого меры. И все-таки даже самая энергичная политика, само собой, не предотвращала, а лишь отодвигала неизбежный крах в конце.

В прежние века царские надписи неустанно повторяли один мотив: ни одно здание, новое или обновленное, не останется таким навсегда и, безусловно, в будущем придет в упадок. Древние монархи сознавали, что дела их непрочны, преходящи, поэтому просили потомков заботиться об их возобновлении и хранить память об этих трудах во имя трудов будущих. Набопаласар продолжил эту традицию; он обращался к «грядущему» правителю так: «Когда эта стена станет ветхой и ты решишь положить конец ее обветшанию, тогда, как я прочитал надпись царя, бывшего прежде меня, и не переменял ее места, так и ты прочти мою надпись и замени ее своей».

Потом сам же Набопаласар и нарушил традицию. Не стало речи о разрушении здания и обращений к «грядущему царю»: он отказался от этого жизнерадостного пессимизма, предпочел не знать — или сделал вид, что не знает, — о неборимой силе всеразрушающего времени. Поместив бога в его жилище, он оканчивал дело и не придавал значения будущим угрозам. Прежде ассирийские цари датировали свои официальные надписи — Набопаласар отказался и от этого обычая; так же после него поступал и Навуходоносор. Их постройки исключались тем самым из течения времени.

Отныне всё стало вневременным, течение времени остановилось. Навуходоносор мог просить бога-солнце «непрестанно» взирать на его великолепное творение. Взамен он ждал от бога благоденствий «навсегда». В надписях, сделанных по завершении восстановления ступенчатой башни в Вавилоне, тоже речь шла как о несокрушимости строения, так и, следовательно, о нерушимости благословения: «Как Основа-

ние неба и земли навсегда установлены, так утверди мой царский престол вовеки».

И все же столь оптимистичная позиция была слишком чужда вавилонской культуре, чтобы продержаться долго. Навуходоносор довольно быстро вернулся к более традиционным утверждениям и пожеланиям: место вечности занял долгий срок. Но бренности и временности возводимых им построек так и не признал.

О будущей судьбе своих строений вавилонский государь мог не говорить, но их истории игнорировать не мог: при начале работ общественная церемония обращалась к прошлому с его уроками. Для распорядителей и свидетелей ее проведения это была не слишком приятная процедура: традиция, восходящая по крайней мере к III тысячелетию, требовала вспоминать прежние бедствия — тем сильнее должна была контрастировать с ними законная радость, переживавшаяся в данный момент. Таким образом, в прошлом выделялись самые страшные события. Службник говорит об этом подробно: «Когда стены храма будут грозить обрушением, чтобы разрушить их и вновь воздвигнуть <...>, да зажгут ночью костер <...>, а потом принесут жертвы <...>. Плакальщик да начнет свой плач; певчий да восстает. Утром же <...> строитель да наденет чистую одежду и наденет на руку запястье оловянное, и возьмет топор свинцовый, чтобы выломать первый кирпич <ветхого здания>; потом да оплачет он храм, восклицая: “Увы нам!”»

В конечном счете эта мрачная атмосфера усиливала роль государя: до его появления на церемонии всем следовало вспоминать о своей горькой судьбине. Умные люди могли считать богов легкомысленными, богослужение — тяжелой и не слишком нужной процедурой, а значит, и возведение храма — почти бессмысленным; для вавилонского царя все это не имело значения. Восстановление религиозного сооружения в конце концов оказывалось не делом воли, направляемой верой, а политическим мероприятием.

Реконструкция зданий была способом остановить время, и другого способа в распоряжении государя не было. Разумеется, чем дальше он восходил к прошлому, тем лучше: дело царя считалось тем более законным и действенным, чем более близкую к временам потопа ситуацию он восстанавливал.

Навуходоносор не создал ни одного нового святилища; он отказывался от этого, строго покаясь тысячелетнему правилу: строить можно только там, где уже находилось, в его время или в прошлом, храмовое здание. Поэтому царь лишь энергично обновлял древние сооружения. Значит, ему

требовалось производить археологические и эпиграфические разыскания. Царь, однако, занимался ими с явной неохотой и весьма поспешно, как будто его что-то подгоняло. Но при всем том направлявшая его идея была всегда одна и всегда ясна.

Очень показательны в этом смысле проведение работ в Сиппаре. Вопреки своему названию «Вечный дом» превратился в руины: «От давних дней, от далеких лет <...> здание стало пустым местом, основания нельзя увидеть, груды земли выросли, не считалось оно среди святилищ богов». Но разыскания принесли удачу: «Я искал и рассматривал его древний план, и нашли надпись во имя Госпожи набережной, живущей в Вечном доме, на глиняной собаке».

Новая постройка должна была воспроизвести обретенный первоначальный план: только так восстанавливалось прошлое, поскольку, как считалось, и прежние строители, каждый в свое время, поступали аналогично. Навуходоносор постоянно утверждал, что следует этому примеру, — в частности, говорил о ступенчатой башне в Барсиппе: «Я не переменял ее положения, не переделал подземной ступени». Хотя современные находки доказывают теологический характер этого принципа, да и царские надписи твердят об этом непрестанно, до Навуходоносора (да и после него) государи хвалили себя за то, что сделали то или другое здание более просторным, а подходы к нему — более удобными. На деле желание улучшить постройку, невозможность найти план до основания разрушенного здания, различные материальные трудности оставляли им полную свободу замысла: все было позволено, лишь бы стройка оставалась в пределах освященного пространства, не выходила за него.

Сейчас мы едва ли можем проверить правдивость утверждений Навуходоносора: для этого потребовалась бы глубокая (а значит, трудоемкая и дорогая) археологическая разведка мест, где находились многочисленные здания, построенные в его царствование. Но это и не столь важно, ведь царь Вавилонский сам освобождал себя от обязательств. «Недолжным (для обитания божества. — Д. А.) было строение этого храма», — утверждал он в случае надобности; проще говоря, земляные работы так или иначе были бесполезны. Эта расплывчатая, но безапелляционная формулировка избавляла владыку от необходимости продолжать поиски и давать дальнейшие объяснения.

В каждом здании существовало множество предметов с надписями, помещенных туда прежними правителями; их сочинители давали знать нашедшему их, какие царь отмети-

лись там до нынешнего. В то же время каждый строитель излагал этапы работ, масштаб проведенных им изысканий и наиболее удаленный во времени ориентир, который был им обнаружен. Точно так же писцы Навуходоносора не ленились каждый раз упоминать самого древнего из царей, имя которого им посчастливилось прочесть; если же этого не было сделано — значит, в найденных документах царское имя не сохранилось. Ведь читать древние почерки и понимать древние языки они, несомненно, умели.

Обнаруженные надписи заменялись надписями открывателя — в противном случае он подлежал страшным проклятиям. Однако любители древностей имели право сохранить собранные где-либо предметы, не обременяя себя вопросом об их происхождении. Одну из комнат дворца немецкие археологи назвали «музеем», ибо там они нашли коллекцию из примерно трех десятков памятников: каменные статуи, привезенные из Ассирии и Сирии, а также глиняные документы вавилонского происхождения. Они относились к XXI веку и царствованию Ашшурбанипала. К большинству предметов, несомненно, относились как к трофеям, а не «любопытным редкостям». Кто определял их выбор, неизвестно. Но рядом с ними были обнаружены копии надписей времен Навуходоносора; стало быть, это место служило также архивохранилищем. Наконец, этот «музей» был и библиотекой: там хранились таблички с литературными произведениями. Он пополнялся и при Набониде, и позже, при персидском царе Дарии I (522—486)*. Любовь к древностям разделяли и жрецы: в Уре они собрали коллекцию старинных надписей. Коллекционерсами бывали даже частные лица: нам известно о таких собраниях в Ниппуре и Сиппаре.

Но был и более простой способ вернуть прошлое — выдумать его. Так, начиная с царствования Набопаласара, появляется стремление к архаизации. Понятно, что таким образом интеллектуалы маскировали реформы, искренне или лукаво представляя их возвращением к обычаям предков, к несчастью, обветшавшим со временем. Они умели составлять псевдоисторические сочинения для оправдания своих требований к царской власти. По крайней мере нам извест-

---

* *Дарий I* (Дараявауш) — персидский царь из династии Ахеменидов. Подавил восстания в Вавилонии, Персии, Мидии, Маргиане, Эламе, Египте, Парфии (522—521), завоевал северо-западную часть Индии (ок. 518). При нем начались Греко-персидские войны. Провел ряд административных и налоговых реформ, осуществил масштабное строительство, в том числе в столице Персеполе. При нем империя Ахеменидов достигла наивысшего могущества.

тен один несомненный пример такого подлога: дар сиппарскому богу-солнцу, сделанный якобы в XXIII веке. На самом деле текст был сочинен в I тысячелетии; очевидно, он должен был побудить тогдашнего царя подражать вымышленной щедрости Саргона Древнего. Существовали, вероятно, и другие документы такого рода, но эти подделки пока не выявлены или не дошли до нас.

Сочинители этих надписей применяли «старинные» почерки: писали не современными им клинописными знаками, которые использовались в письмах или контрактах, а теми, что считались древними. На самом деле они таковыми не были, и писцы должны были это прекрасно знать. Псевдостаринный набор символов был совершенно искусственным, никоим образом не скопированным с подлинных древних документов. В действительности его придумали в середине II тысячелетия, но до VI века пользовались им довольно редко. Итак, оригинальный текст механически переписывали знаками, унаследованными, как считалось, от давнего прошлого. Такому приукрашиванию подверглись почти все надписи Набопаласара. В надписях же его сына оно скромнее и встречается реже — мода на подражание архаике не укоренилась. Однако в Вали-Брисса и Нахр-эль-Кельбе используется именно этот способ; там даны две версии одного текста: одна исполнена новым письмом, другая — архаическим.

Писцы зачастую делали и следующий шаг: старили не только вид текста, но и язык. Да и что им мешало писать по-шумерски? Этот язык они учили в школе: с начала II тысячелетия преподавание обязательно велось на двух языках. Хотя шумерский язык полностью вышел из повседневного употребления, но продолжал использоваться в религиозных ритуалах и магии. Тем не менее с конца II тысячелетия он полностью исчез из официальных надписей, отныне все они писались по-вавилонски. То ли писцы стали сомневаться в своих знаниях, то ли от долгого перерыва отвыкли и потеряли навыки, но шумерский язык сохранился лишь в религиозной литературе.

Но и эта попытка, как и архаизация письма, долго не продлилась; досужие стилизации вскоре наскучили самим их вдохновителям — они больше не рисковали подражать текстам Хаммурапи. И действительно, их стиль был весьма неумелым и совершенно неестественным. Гораздо проще было играть со знаками клинописи, в чем они и продолжали практиковаться.

Движение к древности соперничало с тенденцией «модернизации». Конечно, и она использовала элементы, до-

шедшие из древности; некоторые из них появились еще в конце III тысячелетия, но теперь применялись оригинально, систематически и многообразно. Это было обращение к чудовищам.

Все великие вавилонские божества были антропоморфными существами, только более совершенными. Зато боги низшего ранга ничего общего с людьми не имели. Таковы были злые демоны обоего пола. Возможно, вавилоняне даже не всегда придавали им какой-либо зримый облик. У врагов демонов — «чудовищ» (сущест, составленных из разных видов животных) — тоже не было тела, подобного человеческому, но они служили добру. Дело в том, что зародыши, исторгнутые из утробы матери в результате выкидыша, издавна приучили вавилонян к виду монстров. Считалось, что сами боги сотворяли такие плоды в материнском чреве — сшивали и подгоняли их кусочек за кусочком. Таким образом, боги оставляли себе возможность составлять какие угодно гибриды; это был один из способов узнать их волю. И поэтому вавилоняне не верили в неизменность видов; следовательно, было естественным полагать, что женщина может родить льва, собаку, волка, свинью, быка, слона... Руководства по гаданию рассматривали вероятность таких случаев.

У этих общераспространенных идей было два следствия. Чудовищные недоноски не пугали и не вызывали отвращения. Они были даже полезны — в том смысле, что служили вестниками богов, и прорицатели должны были научиться толковать этот вид знамений, чтобы яснее видеть будущее. С другой стороны, гибридные существа не считались созданием человеческого воображения и фантазии — они, по мнению вавилонян, могли существовать на самом деле, доказательством чему служили эмбрионы. Значит, можно было ожидать любых комбинаций признаков разных существ в неистощимом количестве, и эти странные формы для вавилонян явно принадлежали к числу естественных. Чудовище было реально, из каких бы несовместимых элементов оно ни состояло. На воротах Иштар изображены рядом быки и драконы. Архитектору и его современникам существование драконов казалось столь же несомненным, как и существование быков. Наряду с богами и людьми такие существа составляли отдельный разряд; тексты называют их «животными», не употребляя какого-либо особого термина. Но обратим внимание: львы, стерегшие Священную дорогу, отнюдь не уподоблялись обычным хищникам, населявшим вавилонские степи; они обладали неестественным окрасом, а

их сила была столь же чудовищна, как сила гибридных существ, обладавших головой и хвостом рогатой гадюки, покрытым чешуей телом, передними львиными и птичьими задними лапами.

Рельефное изображение быков и драконов на главных воротах было нововведением: «ни один царь прежде этого не делал». В данном случае Навуходоносор, безусловно, имел полное право так заявлять. Но надо оговориться: чудовища в изобразительном искусстве в VI веке появились не впервые; они связаны с древнейшей культурной традицией Нижнего Двуречья. Этим объясняется тот факт, что ни одна часть их тел не взята от лошади: она стала известна в Месопотамии слишком поздно — только в начале II тысячелетия. Самыми любимыми уже тогда были изображения драконов и «настоящих» львов. Но существовали и другие; в частности, начиная с конца II тысячелетия известны рельефы с людьми-львами, а в начале следующего тысячелетия у них появляются крылья. Они, по представлениям жителей Двуречья, восседали у постели больного, чтобы «сломать шею злу», то есть демонам. Люди-скорпионы были придуманы в XIII веке, но их изображения стали популярными только шесть столетий спустя.

Создание «чудовищ» подчинялось правилам своеобразной изобразительной грамматики. Их наделяли крыльями в знак быстроты; птичьи когти указывали на хватательную способность, а бычьи рога — на силу; человеческие руки символизировали умение работать, человеческое лицо — ум. Рыбье тело говорило о принадлежности к водной среде — стихии бога Эа, обладавшего разнообразными способностями, но особенно преуспевающего в магии. Создатели чудовищ вовсе не имели целью сделать их страшными. Дело было не в их облике (безусловно, непривычном), а в неусыпной бдительности и несравненной силе, что делало их непревзойденными стражами. Такова была роль гибридных существ, рельефных и силуэтных, помещенных на кирпичных воротах Вавилона и Барсиппы. Эти защитники могли оставаться незримыми для человека — от этого их способность пугать и отгонять демонов не ослабевала. Когда ворота Иштар надстроили, чудовища из простой глины, стоявшие там раньше, оказались засыпанными слоем земли; но пока они, так сказать, не были погребены окончательно, их не преминули сохранить для дела, тщательно обмазав штукатуркой, чтобы предотвратить размокание. Тем самым вся охранительная сила осталась при них. С той же целью, но без особой пышности простые люди закладывали под стены домов глиня-

ных собак или статуэтки Пазузу. Этому существу вавилоняне очень доверяли; у него были человеческое туловище, голова волкодава, четыре крыла и птичьи когти на ногах. Злые духи его особенно боялись (во всяком случае, такая у него была репутация); его устрашающий вид не давал им проникнуть в охраняемое место.

Чудовища носили шумерские имена; тем самым их принудительно связывали с самыми отдаленными временами. Но тексты по этому поводу сообщают очень мало: специалисты-писцы не уделяли этим существам внимания, эта область культуры была им явно чужда, и к новшествам в ней они относились достаточно безразлично.

Оба течения, архаизирующее и модернизирующее, объединяли фигуры «мудрецов». Это также были чудовища, но они играли роль и в священной истории начала времен. В этом смысле они были изначальны, выступая в качестве истока всех человеческих знаний.

Ни одно повествование — по крайней мере из известных нам — не пыталось свести воедино и гармонизировать все традиции. Поначалу на каждый случай имели хождение отдельные предания. Все они происходят из жреческой среды. Древнее всех, видимо, сказания города Эриду; во всяком случае, они самые богатые подробностями. В широко распространенном мифе, восходящем как минимум к III тысячелетию, а скорее всего к более ранним временам, учителем вновь возникшего человечества являлся один из богов. Но в течение II тысячелетия постепенно возобладали иные представления. Теперь считалось, что обучением людей занимался уже не бог, а некий Адапа* — гибридное существо, имевшее рыбе туловище; но из-под рыбьей головы выглядывало человеческое лицо, от человека были также руки и ноги. Адапа, дремавший в глубинах Персидского залива, по утрам всплывал, чтобы учить людей, и обладал необычайным красноречием. Он дал человечеству все знания, в том числе обучил письму, земледелию, геометрии; кроме того, он сочинил трактаты по генеалогии и истории городов. Исполнив свой долг, он навеки погрузился под воду; больше откровенный от него не было.

Адапу сделали своим покровителем заклинатели: их школы в Вавилонии вели от него свое происхождение, храня в то же время живую память и о других своих создателях. Ведь не только Эриду, находившийся ближе других материковых городов к Персидскому заливу, но и все стольные города

---

* В «Вавилонской истории» Бероса он носит имя Оаннес.

хвалились тем, что какой-либо мудрец, живший в них, положил начало изучению магического искусства. Впоследствии память о них культивировалась среди учащихся и эти личности стали легендарными. Хотя они происходили из семи разных городов, независимые друг от друга рассказы представляют их всех одним и тем же образом: эти, как их называли, «великие львы» или «князья» обладали сверхчеловеческими способностями, «высочайшим» (собственно, божественным) разумением; они «правили прямой путь судьбам небес и земли». Но в результате этого они стали немислимо дерзко держать себя перед богами, и последствия иногда бывали катастрофическими: один из мудрецов «так прогневал бога грозы в небе, что он три года не давал стране дождя и произрастания».

Зато подобно первому из мудрецов все они были друзьями людей и, чтобы им помогать, стали строителями. Именно они заложили основания стен Урука. Говорили, что им люди обязаны и «допотопными снадобьями» — «мазями и примочками».

В конечном итоге семь мудрецов из одновременно живших персонажей превратились в династию мудрых правителей. Считалось, что они сменяли друг друга вплоть до начала II тысячелетия, то есть до окончания древности. Ведь писцы относили этот рубеж примерно к дате смерти Хаммурапи, по нашему летосчислению — к середине XVIII века; после этого для вавилонян начиналось «новое время», продолжавшееся и в VI веке.

С течением столетий мудрецов стали считать просто советниками государей: их образ политизировался и вместе с тем очеловечился. Прежде их признавали божественными мужами, потом — всего лишь хранителями мудрости, кладезями знаний цивилизации. Законными наследниками их влияния стали жрецы-заклинатели, потому они и продолжали молиться Эа, общему богу мудрецов, и употреблять древний язык Эриду — шумерский. Чтобы еще больше им уподобиться, при совершении магических обрядов они надевали шапочку в виде рыбьей головы. Мудрецы же, теперь воплотившись в простые раскрашенные деревянные статуэтки, продолжали творить благие дела. Надо было просто закопать их в землю, чтобы они стали могучими стражами дома.

Таким образом, первоначальное смутное и даже противоречивое представление о семи мудрецах со временем оказалось забыто. Они превратились просто в добрых духов. Их без усилий получаемое покровительство распространялось на всю «страну Шумера и Аккада». Только они в VI веке

связывали, казалось бы, не имеющие отношения друг к другу вещи: выкинутые зародыши, царя и Вавилон — новый Эриду. В их образах соединялись цивилизаторские усилия и царская власть. Они принадлежали к самой глубокой, допотопной древности, были двигателями и творцами новой цивилизации. В общем, многочисленные легенды о них довольно солидно обосновывали и возврат к древности, и обращение к чудовищам. В конечном счете достаточно было прибегнуть к их помощи, чтобы беды «нового времени» утихли. Ведь этот унифицирующий миф учил тому, что надо в случае чего обращаться к ученикам Адапы и его наследников — к мастерам заклинаний. Именно они разносили образ семи мудрецов за стенами своих храмов — разносили, чтобы укрепить свое влияние и поднять свой престиж. Им это вполне удалось, причем без особого труда. Их искусство решало все проблемы; во всяком случае, нашедшие с его помощью утешение вавилоняне были в том убеждены. Оно позволяло уходить от неприятной действительности, избегать препятствий как отдельным лицам, так и всему обществу. И никто не спорил с тем, что для них это возможно.

Но и это учение, в общем, отрицало вероятность прогрессивного развития, и в целом перед жителями Вавилонии во времена Навуходоносора стояла (хотя и не столь остро) та же проблема невозможности движения вперед, что и перед всей империей. Мог возникнуть и такой ход рассуждений: положение в настоящем недурно, но не следует ли поискать новых решений на длительную перспективу? Кончилось тем, что Набонид выработал такую «положительную» идеологию для всего «Благодатного полумесяца». Она должна была пойти на пользу и Междуречью, и остальной империи — так он думал.

НАБОНИД — ЦАРЬ ВАВИЛОНА

Навуходоносор умер в октябре 562 года (последняя табличка от его имени датирована 8 октября) «от болезни», как пишет Берос, не уточняя диагноза*. После его 43-летнего царствования начался период политической нестабильности. Сын Навуходоносора Амель-Мардук («Человек Мардука»)

---

* В литературе есть основанные на библейских легендах упоминания о том, что Навуходоносор в течение семи месяцев страдал ликантропией — психическим расстройством, при котором человек воображает себя каким-либо животным. (*Прим. ред.*)

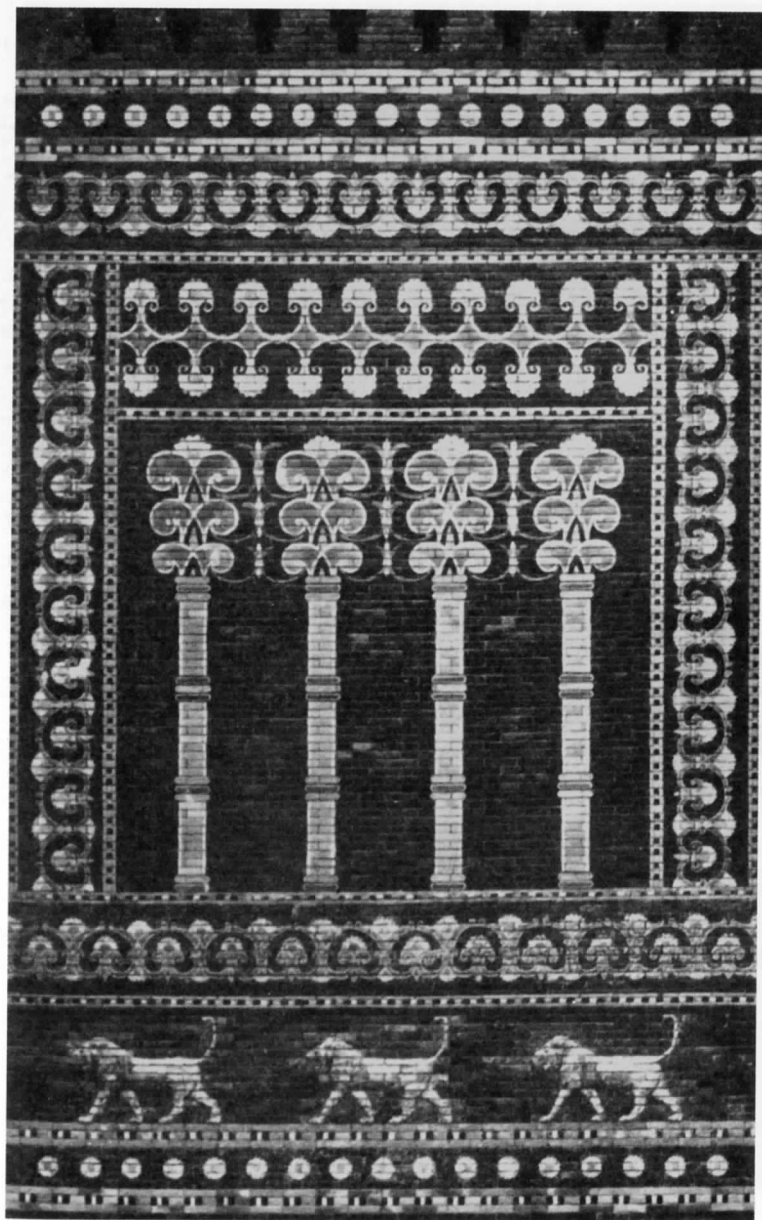
оставался на престоле до августа 560 года; его зять, муж дочери Навуходоносора Нериглиссар* («Нергал, храни царя») царствовал с августа 560 по апрель 556 года; после его смерти сын его и внук Навуходоносора Лабаша-Мардук («Да не постыжусь я, Мардук») оставался у власти всего два месяца, с мая по июнь 556 года. С его убийством пресекалась династия Набопаласара. У нас есть свидетельство современника об этих событиях — повествование Набонида; но оно изначально было очень лаконично, а сейчас, к сожалению, еще и повреждено. Этот текст был выбит на стеле, стоявшей в одном из храмов Вавилона. Тем самым гарантируется его достоверность хотя бы в общих чертах (перед лицом богов говорить неправду не имело смысла). Во всяком случае, потопки не ставили ее под сомнение.

По-видимому, Набонид был ярким врагом Амель-Мардука, но причина такой конфронтации нам точно неизвестна: фрагмент надписи, содержащий ее объяснение, не сохранился. Царское окружение, очевидно, было с ним согласно. Сановники были до того недовольны сыном Навуходоносора, что решились умертвить его. Между тем политическое убийство было чуждо вавилонской традиции (в отличие от прежней, ассирийской). Согласно одному гораздо более позднему, но хорошо осведомленному источнику, новый царь правил «не почитая законов» и «бесстыдно». Сегодня нам трудно вложить в эти формулы какое-либо конкретное содержание. После смерти Навуходоносора мать Набонида не осталась при дворе Амель-Мардука. Отъехала она добровольно или была изгнана новым царем, она не сообщает. Но возможно, что эта опала коснулась и Набонида, отчего он затаил обиду.

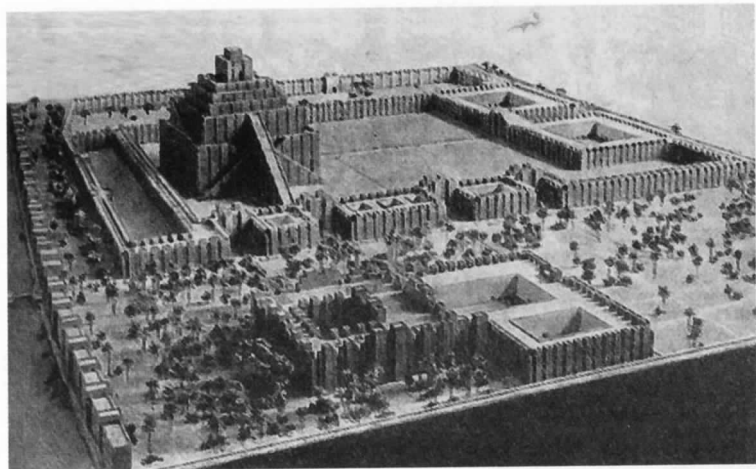
Нериглиссар, вне всякого сомнения, был в числе тех, кто решил убить его шурина Амель-Мардука; да и сам заговор, так же несомненно, был задуман ради того, чтобы привести его к власти. Новый владыка принадлежал к тем кругам при дворе, в которых личное богатство шло рука об руку с официальными должностями и скреплялось семейными связями. Нергал, в честь которого он был назван, был богом войны, популярным на востоке Вавилонии. Надо ли видеть в этом указание на профессию его отца (возможно, военного) или на место рождения Нериглиссара? Благодаря браку с дочерью Навуходоносора он вошел в царскую семью, был богатейшим землевладельцем и притом служил тестю — являлся его помощником во время Иудейской войны 587 года.

---

* Или Нергал-шарру-усур.

Фрагмент декора тронного зала в старом дворце Навуходоносора в Вавилоне. Изразцы. Около 580 г. до н. э.

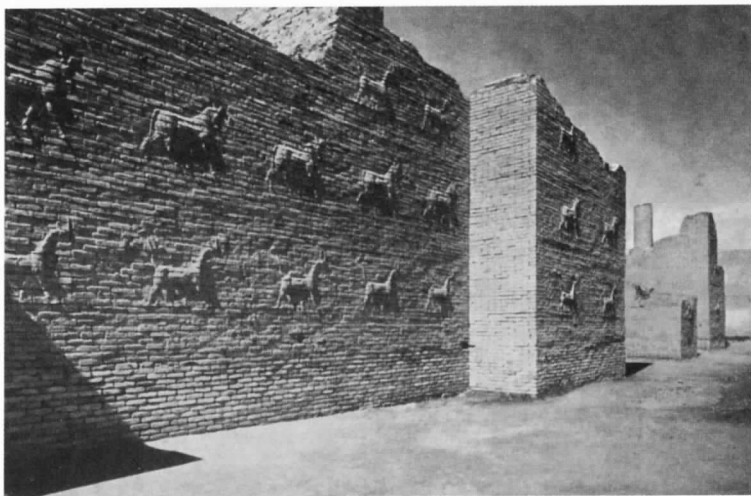
Модель центра Вавилона с башней Этеменанки

Руины Вавилона до реконструкции

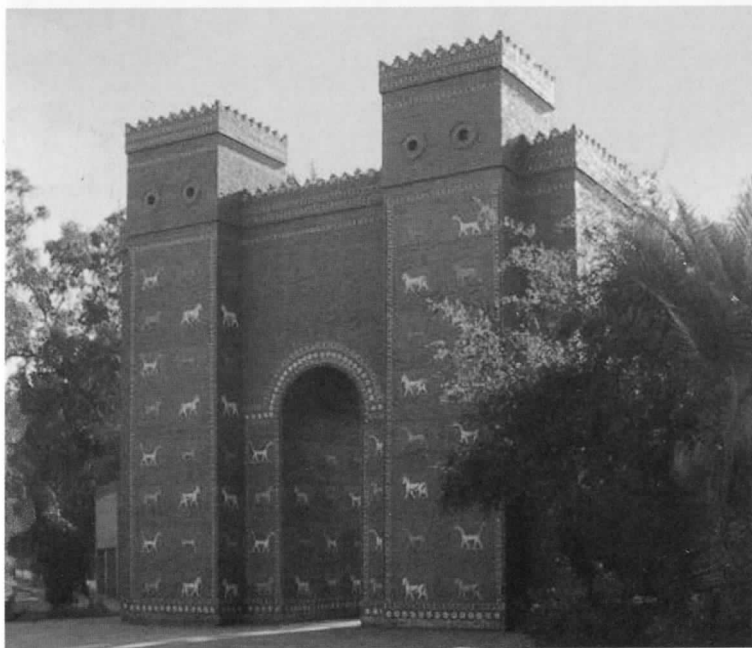

Вид развалин Вавилона после реконструкции. Фото 2005 г.

Ворота богини Иштар в Вавилоне. *Фрагмент западной стены. VI в. до н. э.*

Ворота Иштар после реконструкции

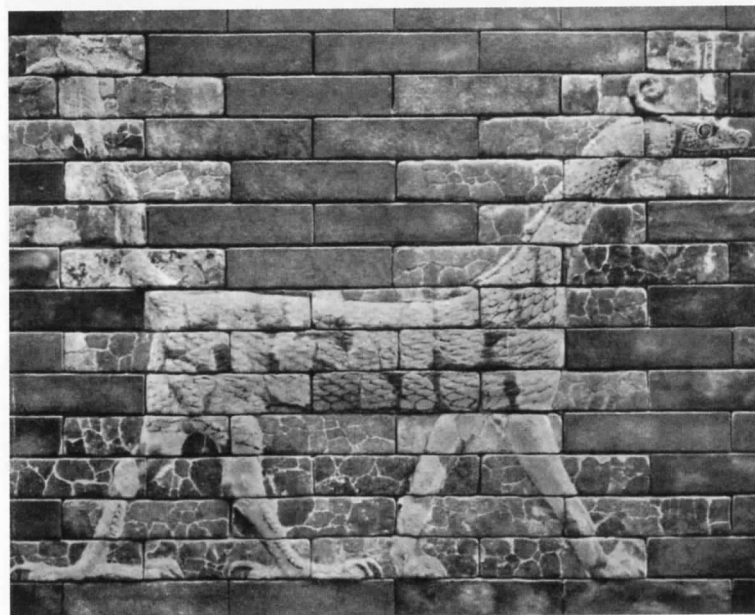
Священная дорога (Дорога процессий). VI в. до н. э.

Закладной кирпич с именем Навуходоносора

Фрагменты декора стен Священной дороги. Вверху — бык, внизу — Сирруш, дракон Мардука с рогатой змеиной головой, чешуйчатым телом, львиными передними и орлиными задними ногами. *Изразцы*

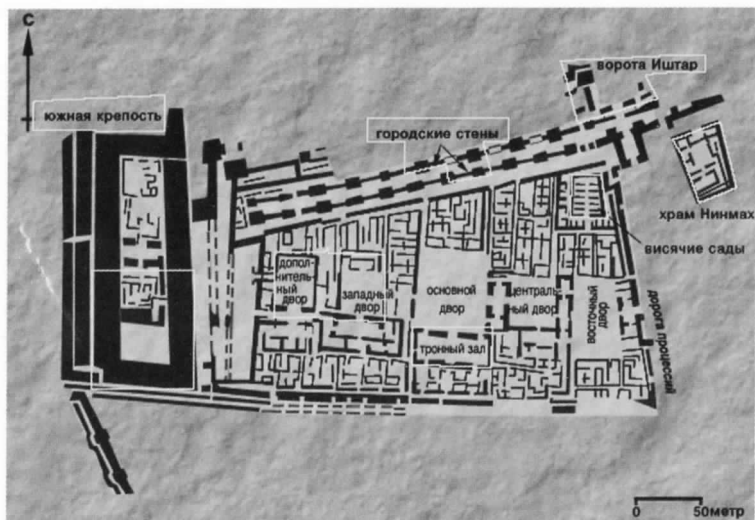

Лев. Фрагмент декора стен Священной дороги. Изразцы

Кирпич с клинописной надписью в стене Священной дороги

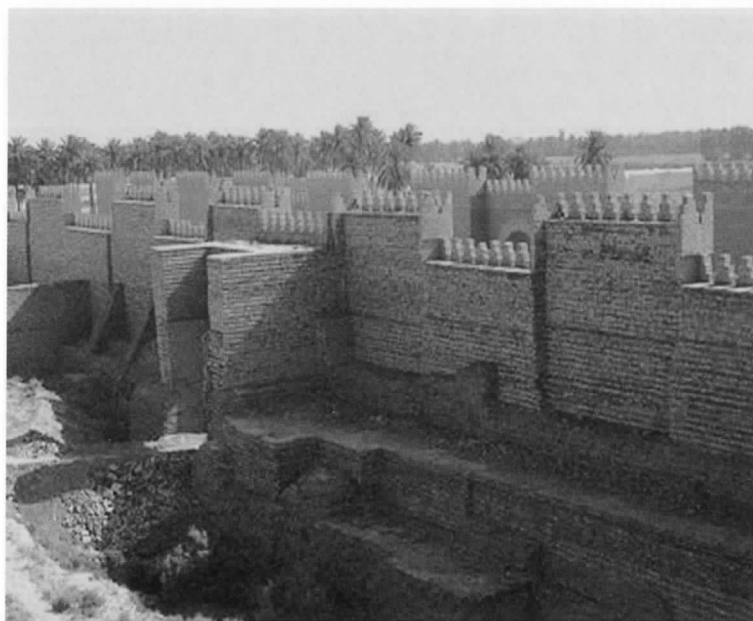

План северного дворца Навуходоносора

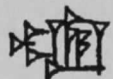
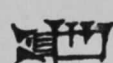
Дворец Навуходоносора после реконструкции

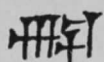
“бог”

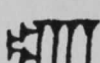
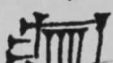
“пить”

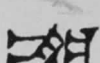
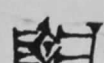
“загон для животных”

“табличка”

“огонь”

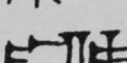
“осел”

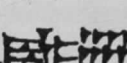
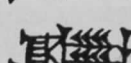
“бык”

“злой”

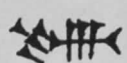
“финиковая пальма”

“гора”

“змея”

“сердце”

“черный”

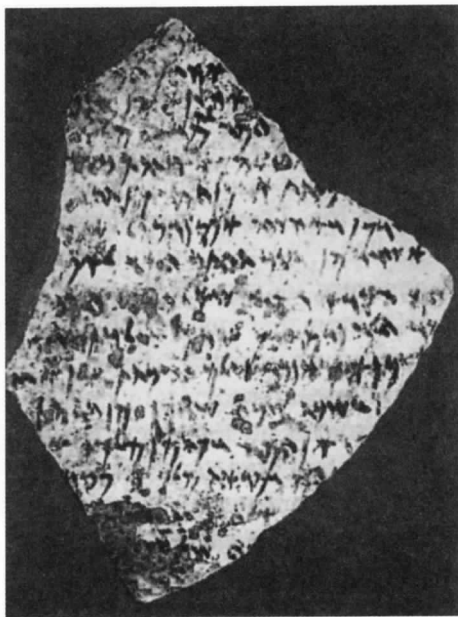

“земля”

“рыба”

Арамейское письмо,
использовавшееся
во времена
Навуходоносора наряду
с клинописью
для международной
переписки

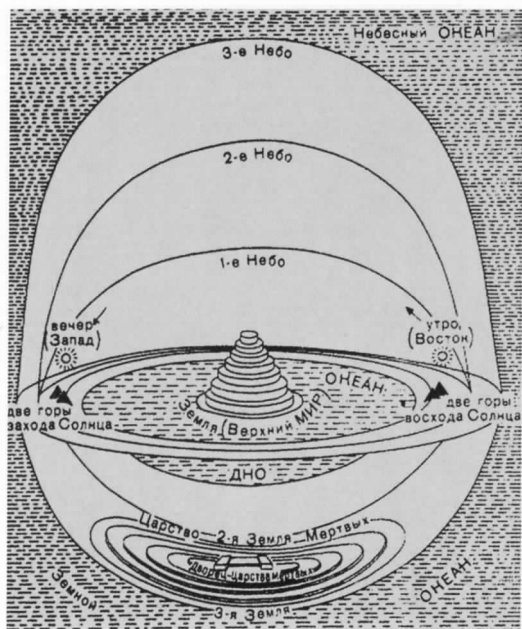
Клинописный цилиндр
Навуходоносора

Способ письма
на глине

Писцы. Слева —
делающий
клинописную
запись на глиняной
табличке, справа —
пишущий
по-арамейски
на кожаном свитке

Представление вавилонян о мироздании, положенное в основу плана Вавилона.
Реконструкция Х. Швенцера

Глиняная модель печени животного, служившая пособием для гадания

Навуходоносор (справа) перед богами Ададом (в центре) и Иштар.
Рельеф из дворца Навуходоносора. VI в. до н. э.

Навуходоносор в конце жизни страдал ликантропией — представлял себя животным. Таким он изображен на картине У. Блейка. 1795 г.

Преемник
Навуходоносора
Набонид.
Харранская стела.
VI в. до н. э.

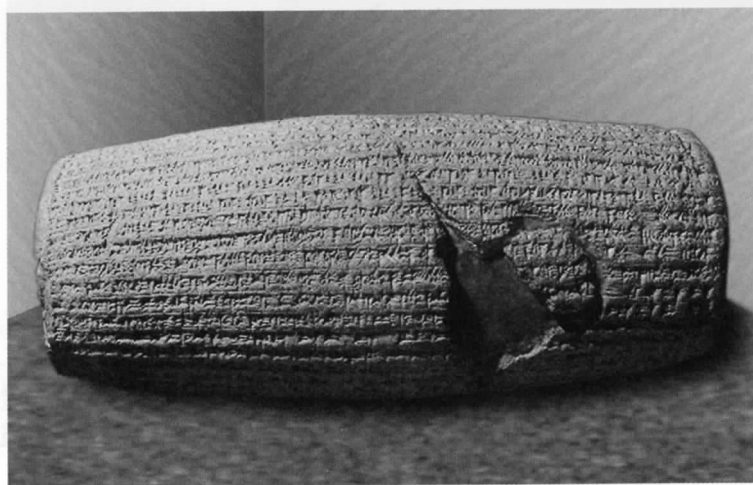
Клинописный
текст
на Харранской
стеле Набонида

Мидийский
и персидский
воины.
Персеполь.
VI–V вв. до н. э.

Цилиндр
персидского царя
Кира Великого
с надписью
о завоевании
Вавилонии
и пленении
Набонида.
Около 538 г. до н. э.

Бутылки для шампанского. Слева направо: четверть (0,187 л), половина (0,375 л), стандартная (0,75 л), «магнум» (1,5 л), «иероваам» (4,5 л), «мафусаил» (6 л), «салманасар», «валтасар» (12 л), «навуходоносор» (15 л)

Опера Джузеппе Верди «Набукко»
с 1848 года идет на многих сценах мира

В Вавилонии он имел старые и тесные связи с храмами. У него были деловые отношения с «Домом правды» в Барсиппе (дочь Нериглиссара вышла замуж за храмового эконома), и ему же было поручено провести перестройку сиппарского «Блистательного дома».

Таким образом, 13 августа 560 года к власти пришел многоопытный человек. Внутри страны Нериглиссар вернул себе контроль над храмами, заменил тех клириков, что были враждебны его власти, умножил число своих сторонников и укрепил связи с ними. За четыре года царствования он восстановил несколько священных зданий, вел ремонт ступенчатой башни в Сиппаре, а кроме того — старого дворца и одного из каналов в Вавилоне. Нериглиссар всегда принадлежал к сторонникам архаизации.

Из его деяний вне империи мы знаем только о победоносной войне с царем Киликии, который вторгся в Сирию, но был разбит и оттеснен в свою страну. Морская операция вавилонян позволила им разорить побережье Киликии на всем протяжении, взяв в плен шесть тысяч человек. Но, одержав победу, царь вернулся в Вавилон: он явно не имел намерения расширять империю на северо-восток; границы, очерченные Навуходоносором, были для него непреложны.

Смерть Нериглиссара была несчастьем для страны: уже через два месяца власть нового царя, Лабаша-Мардука, стало невозможно терпеть. Набонид выносит ему приговор парой строк: «Когда прервались дни его (Нериглиссара. — Д. А.) и пошел он путем судеб, Лабаша-Мардук, юный сын его, не знавший приличий, сел на царский престол против воли богов». Прежде всего текст проясняет причину кончины Нериглиссара; обе формулы однозначно указывали вавилонскому читателю на «естественную» смерть. Это событие было в порядке вещей — вот что хотел сказать составитель. Совсем не так случилось с его сыном и наследником — он погиб насильственной смертью. Его убийцы, как и участники заговора против Амеля-Мардука, видимо, были придворными; речь и в этом случае явно идет не о народном восстании. Мнение, принятое позже, в III веке, утверждало, будто молодой царь был «во всем дурен». Что же имел в виду Набонид — современник событий? Все знали, что Лабаша-Мардук ко времени своего восшествия на престол был еще ребенком, и нечестно было бы ставить ему это в вину. В конце концов, можно было установить регентство до его совершеннолетия. Личных видов у заговорщиков наверняка не было — никто из них не воспользовался вакантностью престола. Действовать им пришлось по одной, но важнейшей

причине: новый государь был неугоден богам. Этому напрашивается лишь одно объяснение: Лабашш-Мардук с детства страдал психическим расстройством. Вавилонские врачи были вполне способны поставить подобный диагноз, а царское окружение, скорее всего, посчитало опасным оставлять такого царя на троне. По крайней мере, именно такую гипотезу подсказывают источники.

Как бы то ни было, в конце июня 556 года период шатания власти завершился.

Царство вручили Набониду («Набу возвеличен») — к его собственному изумлению; тот принял титул, но всегда утверждал, что не искал его. Это публичное заявление он повторял вновь и вновь до самого конца своего правления. В тот момент он был «простым подданным, никого <за собой> не имевшим, не помышлявшим о царстве». У нас нет причин не верить ему. В рассказе о его вступлении на престол, помещенном на вавилонской стеле, не хватает всего двух строк; но именно они, вероятно, были ключевыми, дававшими представление о причинах переворота. Но это всего лишь гипотеза, без этих строк суть кризиса власти остается для нас непонятной. После лакуны текст сообщает, что «великие в Вавилонии» признали Набонида царем и новым государем, и комментирует это так: «Повелением Мардука поднят я до владычества над страной; я получил желанное, и нет мне соперника; я надежный поверенный Навуходоносора и Нериглиссара, царей, бывших прежде меня. Войска их мне были вверены; я делал, что они помышляли, и они остались довольны». (Эта декларация относится к началу царствования и отражает тогдашние умонастроения нового царя; затем он изменил мнение о том, кому был обязан неожиданным величием.) Такая программа объясняет также выбор заговорщиков и их дальнейшие намерения: их кандидат должен был продолжать политику двух своих великих предшественников. Мать нового царя без обиняков говорит об этом (или ей приписываются эти слова) в автобиографии: когда не стало названных царей, «дети их, все люди их и великие, чье добро и богатство умножилось», совсем о них забыли и не пеклись о принесении поминальных жертв. Была ли то просто нечестивая неблагодарность, как дает понять старая аристократка? Видимо, на отношение к памяти правителей повлияло и недовольство их публичной деятельностью. Странники Набонида были убеждены, что при нем такого не будет, поскольку знали его давным-давно.

Навуходоносор непонятен без Набонида: именно последний решил закончить дело предшественника, оставшееся, по

его мнению, незавершенным. Действия Набонида дают возможность судить о недостатках политики Навуходоносора. Он приступил к реформам с первых лет пребывания у власти. Но мысль уводила его далеко за пределы Вавилонии. Набонид хотел дать один общий рецепт решения всех проблем «Благодатного полумесяца».

Родился он около 615 года, так что на престол вступил уже почти шестидесятилетним; но был он чрезвычайно живуч. Это качество он унаследовал от матери. Ей было уже за 100 (точнее, 104 года), когда она рассказывала о себе: «Зрение мое хорошо, слышу я превосходно, руки и ноги мои здоровы и речь нисколько не затруднена; я могу есть и пить, тело мое крепко и сердце исполнено веселья. Я видела потомство свое до четвертого колена в добром здравии и сама исполнена долголетием». Об этом знал весь Вавилон.

Набонид был, видимо, ее единственным сыном. Его отец был гражданским администратором («правителем»). Больше мы о нем ничего не знаем*. Набонид, впрочем, говорил о своем происхождении без лишней скромности: отца он именовал «превосходным князем» и «мудрым князем». Это был, вероятно, всего лишь почетный титул: семья Набонида не состояла в родстве с династией Набопаласара. Эпитет «мудрый» царю представлялся достаточным, чтобы засвидетельствовать сыновнее почтение. Впрочем, в этом смысле он всего лишь следовал за Нериглиссаром: несколькими годами ранее тот пользовался тем же словом, говоря о своем отце.

Зато мать Набонида** была незаурядной личностью. После ее смерти сын велел выбить на камне ее автобиографию в двух экземплярах. Никакого сомнения в ее достоверности нет: обе стелы могли быть прочтены (хотя бы некоторыми жрецами) в храме бога-луны в Харране, а очевидцы событий (по крайней мере младшие из них) ко времени установки обелисков были еще живы. Исказать факты едва ли было возможно. Однако сын принял решение о публикации и понес расходы, с ней связанные. Не прибавил ли он чего-нибудь? Маловероятно. Не изъяс ли каких-либо эпизодов? Возможно. Странно, что знатная дама нигде ни словом, ни намеком не говорит о своих родителях и супруге. Из ее очень долгой жизни сын вынес лишь один урок: почитай богов, и удача будет с тобой. В оформленном виде этот рассказ превратился в нравоучительную басню.

---

* Отца Набонида звали Набу-балатсу-икби.

** Адда-гуппи.

Пользуясь своим положением при дворе, мать устроила карьеру сына. До нас практически не дошло сведений о жизни и деятельности Набонида до 556 года. Возможно, при Навуходоносоре ему была поручена одна очень важная дипломатическая миссия. Согласно греческому историку Геродоту, лидийцы и мидяне попросили о посредничестве «царя Киликийского и Лабинета Вавилонского», чтобы окончить междоусобную войну в Анатолии. Это событие датируется 585 годом с помощью астрономических данных (в описании упоминается солнечное затмение). Может быть, загадочный «Лабинет» является искаженным именем Набонид. Но это лишь гипотеза.

Набонид непрестанно, на протяжении всего царствования объяснял резоны и приводил конкретные подробности своей политики, определял этапы своего умственного и религиозного пути. Как и Навуходоносор, он не датировал свои надписи (кроме одной, сделанной в Ларсе). Поэтому мы можем руководствоваться только их внутренней логикой. К сожалению, в отличие от многих своих предшественников в Вавилоне Набонид не облегчил нам задачу: он переписывал свои более ранние декларации, не заботясь о стыковке прежних версий с новыми, так что читателю приходится гадать, как распутать противоречия между ними.

Образ мыслей Набонида был ассирийским. Он называл ассирийских царей своими предшественниками и даже «отцами». Однако он не мог прямо перенять у этих монархов их идеологию: Ассирия исчезла с лица земли, когда Набонид был еще ребенком. Ко времени его воцарения конфликты с северным врагом отошли в прошлое, и вавилонский царь мог смело ссылаться на Асархаддона и Ашшурбанипала. Он неодобрительно отзывался о Сеннахерибе — их отце и деде, — потому что этот царь плохо обошелся с Вавилоном; потомки же его были к городу благосклонны.

К женщинам Набонид относился иначе, чем Навуходоносор: он, скажем так, не держался от них в стороне. Несомненно, что он испытывал привязанность сперва к своей матери, затем к дочери. О его жене в документах не сохранилось никаких сведений. Мать Набонида, бесспорно, играла решающую роль в разработке его религиозных идей. Сам Набонид сохранил написанное ею: она передала ему свою «харранскую веру». Мать царя была набожно предана Харрану — одному из самых священных городов для ассирийцев. Впрочем, надо заметить: почитание покровителя Харрана, бога-луны, не мешало ей большую часть времени проводить в Вавилонии, при дворе нескольких государей.

Направляла ли она и политическую, в самом широком смысле слова, деятельность Набонида? Ни сын, ни мать нигде об этом не упоминали. Какая среда могла на протяжении целого поколения сохранить жизнь ассирийской мысли? Этого мы не знаем. Возможно, Набонид велел читать себе официальные ассирийские тексты: ведь их, как-никак, хватало и в Вавилонии, и, видимо, по всей империи. Но зачем ему это было нужно до восшествия на престол — ведь оно случилось неожиданно?

Кто бы ни был духовным учителем Набонида, передавшим ему ассирийскую идеологию, она благодаря ему воскресла. Ее возрождение поначалу зримо выразилось в том, какие эпитеты стали прилагаться к имени нового царя. Они были заметно менее обильными и пышными, чем при Навуходоносоре. Набонид с большой скромностью говорил о своих личных качествах. Он подчеркивал свою богобоязненность и в этом был отнюдь не первым: его предшественники в Вавилоне делали это примерно теми же словами. Почти все его титулы были заимствованиями у старых ассирийских государей.

Говоря о том, как он представляет себе царские обязанности, Набонид больше не ссылаясь на владык Вавилонии. Он систематически и вполне явно делал отсылки к Асархаддону и его преемнику. Он верил в одну чисто ассирийскую идею — о предопределении. Монарх, согласно ей, от зачатия своего предназначен править; вот и Набонид, как он утверждал, был избран «от чрева матери своей». Бог «отыскал его», а затем, как образно выражается царь, «указал на него пальцем»; уже до рождения он был «возвешен на царство». Тогда же ему была поручена и некая миссия. Набонид не упускает случая выразить свое удовлетворение тем, что относится к своему предназначению со всем прилежанием, исполняет предписанное свыше быстро и в полном объеме. Такие концепции были совершенно чужды вавилонскому духу.

К концу своего царствования Набонид — «славный герой» — слово за словом полностью восстановил всю официальную титулатуру ассирийских государей VII века. Как и те, он был (в смысле — хотел быть и заставлял верить, что был) «царем великим, царем могучим, царем вселенной, царем Вавилона, царем четырех стран» и, наконец, «царем несравненным». Так не смел титуловать себя никто из вавилонских царей после сокрушения Ассирии, даже несмотря на разрушение ассирийской столицы Ниневии. Современники безошибочно понимали: Набонид возобновлял ассирийскую политическую программу и вновь ставил честолую

бивые цели на Ближнем Востоке. Даже титул «пастыря умелого» или «верного» их не обманывал: хотя с виду он был скромнен и не выражал агрессии, но его носили самые решительные деятели ассирийской имперской политики. Само искусство повествования о царских свершениях возрождало традиции триумфальных надписей ассирийских дворцов. Вавилонские предшественники Набонида умалчивали о насилиях, совершенных в военных походах. Молчали они, конечно, не из стеснительности — того требовала тогдашняя этика. Набонид же в мельчайших подробностях рассказывал о карах, которыми он поразил побежденных при взятии южного города Амануса: он вешал поверженных врагов, рубил им головы и складывал их в кучу.

В то же время, прежде чем решиться на осуществление какого-либо дерзкого плана, Набонид рассказывал подданным обо всех своих тяжелых раздумьях. Выход на сцену терзаемого сомнениями государя, его признания перед публикой также принадлежали к ассирийской традиции, которая не видела в этой двойственности никакого противоречия. Так же откровенно вели себя Асархаддон и его сын, тогда как Набопаласару и Навуходоносору, как бы ни колебались они в выборе наедине с собой, ни на миг не пришло бы в голову делиться сомнениями в своих надписях. Набонида на каждом шагу останавливали какие-нибудь затруднения; потом он, гордясь собой, признавался в этом. Так, в начале его царствования бог-луна в Уре, известный под вавилонским именем Син, «показал людям знамение, что желает иметь великую жрицу. 13 элула (29 августа по нашему календарю. — Д. А.) <Син> омрачился и, омрачившись, вырос. Желает Син иметь великую жрицу, так гласило знамение». Это было попросту предсказание из учебника по астрологии, которое можно прочесть там даже сейчас. Но Набонид хотел убедиться в правильности истолкования небесного явления, прибегнув к другому гаданию: «Я, Набонид <...> богобоязненно склонился перед его твердым повелением, но трудности были для меня в желании иметь великую жрицу, оттого я спросил бога-солнце и бога грозы, владык прорицания. Бог-солнце и бог грозы твердо сказали мне: да. Когда я обратился к ним, они написали этот ответ о плоти благоприятной, плоти, желающей великую жрицу. <...> Снова я со тщанием спросил оракулов, и они ответили мне о плоти лучшей, чем раньше. Я спросил оракулов: “Дочь ли это одного из родных моих?” Они ответили: нет. И в третий раз спросил я оракулов: “Не моя ли это собственная дочь?” Они ответили мне о плоти благоприятной. Я почтил реше-

ние Сина, господя великого, сотворившего меня, и богасолнца и бога грозы, владык гадания. Я возвел в сан великой жрицы мою собственную дочь».

Обычай помещать рассказы царя о своих свершениях на стелах тоже был чуждым Вавилонии VI века, но принятым в Ассирии до 612 года. Набонид ставил очень много стел, так что к концу его царствования они превратились в великолепный атрибут его политики. А еще он, подобно Ашшурбанипалу, объявлял во всеуслышание цены, принятые в его правление; такая экономическая пропаганда тоже была новостью для Вавилонии.

Все традиционные способы гадательного искусства продолжали применяться, но сам Набонид руководствовался в первую очередь сновидениями. Толкование снов играло важнейшую роль в Ассирии в прежние века. Вавилонянам оно было небезызвестно, но репутацию имело неважную: как отличить настоящее послание богов от простого человеческого бреда? Вавилоняне относились к снам с медицинских позиций. «Удали от себя тоску и печаль: от тоски и печали бывают сонные видения», — говорили они. Поэтому Набонид непременно уточнял, что увиденное явилось ему «среди ночи». С самого начала сновидение было у царя излюбленным, хотя и не единственным способом узнавать приговоры богов. О многих из них он сообщал в своих надписях, и это тоже было ново для Вавилонии. Конечно, его рассказы о них явно литературно обработаны, ибо совсем не по-сонному связны, так что сегодня их источники представляются не снами, а скорее видениями наяву: всё сказанное в них не загадочно, а достаточно внятно. Если какой-нибудь сон был темен, он прояснялся другим. Царь Вавилонский никогда не прибегал к помощи специалистов-толкователей. Да и мог ли он их найти в Вавилонии? Не исключено, что нет. Все его сны были ответом на его сомнения, и все предвещали благоприятный исход. Именно таким образом Набонид, когда вззошел на престол, уверился в будущем благополучии своего царствования и своем добром здравии: сам великий Навуходносор I — тот, что правил в XII веке, — явился ему на колеснице и соблаговолил ободрить своего преемника в его решении принять царство. Затем богиня-целительница твердо обещала ему «долгую жизнь» для исполнения его миссии: «Поистине, она обратилась ко мне, посмотрела на меня пристально, сияя лицом, и дала мне свою милость».

Вавилонский владыка нуждался в такой поддержке, чтобы восстановить прочность власти как в границах империи, так и в самой Вавилонии. Царствование Набонида описано

в хронике*, лаконичной и объективной, как все подобные вавилонские повествования; но текст, посвященный первым шести годам его правления, почти полностью утрачен.

Став царем, Набонид сразу же пошел войной на Киликию, продолжая тем самым политику Нериглиссара. Очевидно, эта страна представляла, на взгляд царя, серьезную прямую угрозу. У нас нет никаких сведений, чтобы судить, был ли он прав. Он захватил там добычу (вероятно, довольно скромную) и возобновил обычную политику ассирийцев: переселил побежденных в Вавилонию, чтобы дать своим людям крайне дешевую рабочую силу. «Две тысячи сто пятьдесят пленных» были отданы Мардуку, Набу и Нергалу, то есть двум храмам Вавилона и главному храму Барсиппы. Так или иначе, северо-западная граница была взята под контроль.

Зато Вавилония находилась в большом нравственном, экономическом и политическом кризисе. Набонид описывал положение в выгодном для себя свете. После его падения сторонники Кира Персидского** возложили на побежденного Набонида всю вину за катастрофическое положение империи. По их словам, его царствование началось скверно; в дальнейшем становилось все больше неудач, от которых государство страдало из-за полубезумного властителя. Один жрец сочинил даже поэму, обличавшую все глупости Набонида. Текст ее известен лишь в одном экземпляре, в котором теперь есть лакуны; в нынешнем виде этот «Памфлет», как можно условно назвать это сочинение, содержит около сорока четверостиший. Его автора не интересует империя, и даже на Вавилонию он смотрит глазами столичного жителя; что происходит в остальной стране, он знает плохо. Тем не менее, при всей своей ограниченности, «Памфлет» во многом расходится в оценках с надписями Набонида и служит бесценным источником для изучения этого периода. Его автор остался анонимным и в этом смысле не являлся исключением — вавилонские писцы всегда предпочитали себя не называть. Он, совершенно очевидно, принадлежал к храму Мардука — его служителей он знал по именам. По всей вероятности, сочинитель был очевидцем происшествий, о которых говорил. Его доводы, по-видимому, отражают негодо-

---

* Хроника Набонида—Кира.

** *Кир II Великий* (Куруш) (558—530) — персидский царь, основатель империи Ахеменидов. Возглавил (558) союз персидских племен, восставших против владычества мидян; завоевал Мидию (550/549), Лидию и греческие города Малой Азии (546), в 539 году взял Вавилон. (*Прим. ред.*)

вание оппонентов свергнутого к тому времени царя. Но если отвлечься от преувеличений и сарказма, «Памфлет» сообщает сведения первостепенной важности.

В одном царь и памфлетист согласны — в признании кризисного положения. Авторитет гбсударства после смерти Навуходоносора, несомненно, сильно упал. Вавилоняне не могли найти справедливости: «Суды их не правы <...>; сильный ворует у слабого; перед судом слабый не равен сильному; богач из местных берет себе всё; правитель и князь не защищают сирых и вдов перед судом; судьи не слышат их. Они не судят их дел; судья принимает от них дары и приношения, но не внемлет им. <...> Стань он перед ним, судьи уже решили дело, написали табличку и запечатали ее печатью. Передать же эту табличку — не передадут».

Таковы были злоупотребления, которым, как утверждает Набонид, он положил конец: «не пренебрегал судом правым и верным, не отдыхал ни днем ни ночью. Он неустанно выносил со смыслом и размышлением суждения и приговоры <...>, назначенные всем ко благу». Он уверял, что царское правосудие безжалостно ко всем непокорным, и об этом все должны знать: «Человеку же некоему, что вернулся в суд и [оспорил] табличку, когда решение уже состоялось, и вновь пришел со лживыми словами <...>, царь велел своим воинам отрубить голову и провезти ее по стране. И он велел также сделать голову из камня наподобие головы того человека и написать на той голове: “Всякому, чье дело решено, и табличка с приговором написана и запечатана печатью, если он вернется после решения, отрубят голову, как ему”. И велел поставить ее у внешних ворот суда навечно, чтобы все ее видели. Негодяи и недостойные увидели ее, и убежали, и прятались».

«Памфлет» описывает экономическую катастрофу начала царствования: торговые связи были разорваны; не хватало амбаров, чтобы хранить урожай, но притом жать было нечего — вот что можно понять из текста, при всех его лакунах. Но тут современному читателю надо быть осторожным: автор перенял сильные метафоры, прочитанные им в других произведениях, где речь шла о Вавилоне. Писец, составлявший хронику Набонида, также, думается, сильно драматизировал ситуацию: вавилоняне якобы «грызли друг друга, как псы; они поселили среди себя болезни <...>; от болезни и нужды меньше стало жителей в стране»; храмовые склады опустели, а потому боги покинули храмы.

В этом кризисе свою роль сыграли и естественные причины, но Набонид указывает также на его политический ха-

рактер: Навуходоносор слишком многое отдал стольным городам — точнее, их храмам. Его авторитет цементировал «страну Шумера и Аккада»; после него хватило нескольких лет неопределенности, чтобы большие города вернули себе автономию и обособились. Они даже ввели запреты на вывоз зерна; во всяком случае, источники можно понять так. Вавилонский царь указал на виновников: «храмы в Вавилоне, Барсиппе, Ниппуре и Уре, в Уруке, в Ларсе, жрецы и народ городов вавилонских».

Царь принял участие в первом новогоднем празднестве своего царствования (555), а потом отбыл в Южную Вавилонию; дней через 20 он обосновался в Ларсе. Город находился на полпути между Уруком и Уром; находясь там, можно было уладить проблемы области, находившейся в небрежении уже у двух поколений правителей Вавилонии. Жители обратились к Набониду с вопросами, на которые прежде не отвечали вавилонские канцелярии. Он же всегда принципиально брал за образец решения Навуходоносора и Нериглиссара. Ссылаясь на них, он вновь положил жалованье служащим «Небесного дома» в Уруке. Многие другие меры регламентировали детали управления храмом, показывая его прежнюю неэффективность. На следующий год Набонид восстановил должность великой жрицы бога-луны в Уре.

До сих пор он проводил политику в духе традиционной программы царей-реформаторов. Во второй и третий год царствования новый государь отправился объезжать империю; была ли то инспекционная поездка, военный поход или карательная экспедиция, теперь неизвестно. Вел он себя, как можно предположить, сообразно положению на местах. Зимой 554/53 года царь был в Хамате; полгода спустя, в мае 553 года, он провел краткую победоносную кампанию в южном Аманусе: намечавшееся большое строительство требовало кедровой древесины. Возможно, какое-то время он квартировал в Дамасском оазисе. Там он, видимо, заболел. Через четыре месяца, выздоровев, царь отправился на юг. Он выиграл несколько больших сражений в Эдоме и в декабре того же года вернул себе власть над этой страной. Однако подробности событий нам недоступны. Во всяком случае, результат был неплохим: покорившись Вавилону, южные царства оставались спокойными до конца правления Набонида.

Затем он вышел из колеи своих предшественников — отправился на завоевание Западной Аравии, то есть перешел границы империи. В начале 552 года он взял Дедан, а потом

и Тейму. «Памфлет» говорит об учиненной Набонидом кровавой расправе: «Придя туда, он убил царя Теймы, истребил стада жителей города и страны его. Тогда он поместил жилище свое в Тейме с войсками вавилонскими». Город был цветущим оазисом, а кроме того, являлся главным перевалочным пунктом между Нижним Двуречьем и Западной Аравией. С Вавилонией у него были налажены регулярные торговые связи. Уже тогда он выглядел космополитичным: его архитектура и скульптура говорят о влиянии как азиатского Ближнего Востока, так и Египта. Кроме того, это был важный религиозный центр, посвященный богу-луне. Выбор Набонида был не лишен здравого смысла. Украшенная и укрепленная его повелением, Тейма процветала — она стала новым Вавилоном. Набонид решил поселиться там, а текущие вавилонские дела поручить своему сыну* Валтасару** («Бел, храни царя»). Сын жил в Вавилоне, а отец в Аравии. Набонид не вернулся в Вавилон ни на освящение возобновленных его именем храмов, ни даже на похороны матери (она скончалась 6 апреля 547 года). В отсутствие государя все эти годы не мог состояться и новогодний праздник. Но, как упоминает хроника, во всех храмах справлялись обряды. Даже удалившись из «страны», Набонид продолжал поддерживать в ней порядок.

Утверждение «Памфлета» о том, что, уехав, Набонид передал сыну «царство», ложно; вся власть осталась при нем. Собственно говоря, он и не отлучался из империи, ведь Западная Аравия теперь стала ее частью. Всё выглядело так же, как если бы царь был на месте, и Валтасар всегда оставался только его «старшим сыном». Прилагательное «старший» было тщательно подобрано: одновременно могло значить и «выдающийся», «первостатейный». На деле он честно и старательно исполнял замыслы отца, и подданные Набонида повиновались ему неукоснительно. Впрочем, то был уже зрелый человек с военным опытом, приобретенным при Нериглиссаре.

Почему же Набонид создал такую странную, небывалую дотоле в Передней Азии политическую ситуацию? Вернувшись, он утверждал, что его вывела из себя нечестивость подданных, якобы отвергших новую веру, предложенную царем. Это объяснение — отговорка: Набонид тогда еще не придумал своей теологии, ставившей во главу пантеона бога-луну. Видимо, было несколько факторов, подтолкнувших

---

* По другим сведениям, усыновленному пасынку.

** Более точная форма его имени — Бершалусур.

царя к решению. Было бы наивно претендовать на знание всех причин — многое нам недоступно. Во всяком случае, одним из самых сильных его побуждений было желание расширить империю. Набонид в интересах Вавилонии возобновил экспансионистскую политику, которую до VII века проводили ассирийцы. Он напал на Западную Аравию — богатую, но слабую. Долина Нила, Иранское и Анатолийское нагорья были недоступны для вавилонян — связываться с такими грозными соперниками, как персы или Египет, было опасно. Долины же Западной Аравии являлись развитым сельскохозяйственным регионом. Как раз в то время отсюда начался вывоз ладана, и этот продукт стал источником постоянно возрастающего дохода. К имперским устремлениям прибавлялись и соображения военного порядка: Западная Аравия могла сыграть роль тыловой базы, а потом и плацдарма для контрнаступления в случае, если бы персы вошли в Вавилонию или египтяне захотели утвердиться на азиатском побережье Средиземного моря.

Хотя Набонид находился вдали от Вавилона, все десять лет он продолжал так же энергично руководить проведением необходимых для страны реформ. Государственная власть восстановила правосудие, были исправлены другие, менее значительные неполадки в управлении. К слову, эти проекты были тесно связаны между собой. Вавилонский царь понял это и соответственно поступал. Он не мог что-либо менять в экономической жизни простых подданных; нельзя было даже представить себе, чтобы кто-то взялся ее контролировать. Зато государь мог воздействовать на крупных владельцев земли — на храмы.

Набонид непрестанно ссылался на политику Навуходоносора, прикрываясь авторитетом высокочтимого предшественника, чтобы обезоружить потенциальное сопротивление. Он реорганизовал управление храмами. Место «писца» занял «царский посланник, эконом». При нем был «царский посланник, ведающий его казной», который заботился только о финансовых интересах владыки и следил, чтобы жрецы отсылали ему все, что должны. Теперь у Набонида были свои люди в администрации всех важных храмов страны.

Все вавилоняне, включая Валтасара, правившего в столице в отсутствие отца, по-прежнему платили «десятину». Храмы же выплачивали дополнительный налог в пользу светской власти, часть жертвенных продуктов полагалась царю и его семье, храмовые рабы должны были работать на государство. На «Блистательный дом» в Сиппаре в 541/40 году было возложено попечение о царских конях. Как правило, го-

сударь и, в подражание ему, сановники не проявляли особых симпатий к жрецам, управлявшим храмами; Набонид же решительно считал их изначально неправыми. Когда «Небесный дом» в Уруке пожаловался царю на неплательщика, тот ответил: «Никто да не тревожит его: берите у него только то, что он принесет и даст вам впредь». Достаточно было пригрозить обращением к «царскому сыну», чтобы утихомирить храмовую администрацию.

Навуходоносора заботили главным образом демографические проблемы. В крайнем случае он мог заняться мерами по защите от разливов Евфрата земель между столицей и Кишем. Восточный берег реки он оградил земляной дамбой — так, чтобы река могла обильно наполнять рвы вокруг Киша, которые были заново обложены обожженным кирпичом. У этого проекта были и военные резоны, что, впрочем, отмечал сам государь. Нериглиссар же интересовался развитием земледелия. Но при нем эта политика была только намечена, а при Набониде и Валтасаре продолжена. На юге снова взялись за рытье каналов: если водные пути оставались без обслуживания, это не только рано или поздно наносило ущерб крестьянам, но также затрудняло и замедляло передвижение людей и товаров.

Хозяйство, ведущееся на храмовых землях, страдало от трех бед: делянки (любого юридического статуса) были крохотными, пустоши слишком большими, а площади под финиковыми пальмами — слишком малыми по отношению к полям, занятым посевами ячменя. Но хороший урожай могли давать только финики, к тому же в тени пальм росли сады. Поэтому с первого по одиннадцатый год правления Набонида вышла серия указов. Появились «генеральные откупа»; откупщики выбирались царем и подписывали контракт с ним, а не с храмом. Их задачей было объединить управление малыми хозяйствами в одну административную систему и, не уничтожая их, усовершенствовать управление. Кроме того, откупщики были в состоянии вкладывать деньги в обработку залежных земель. В равной мере эта реформа давала облегчение и храмовым экономам. Даже без улучшения сельскохозяйственной техники результаты были превосходны: пустоши уступали место ячменю, а ячмень — пальмам. Прибыли выросли с 20 до 40 процентов.

Жрецам эта система не понравилась, поскольку они тем самым вынужденно уступали часть власти в пользу царя. У них родилась идея обратить ситуацию к своей выгоде: они устроили так, чтобы управляющие выбирались из числа храмовых рабов. После свержения Набонида они добились от-

мены «генеральных откупов», и дела опять стали вестись тем же образом, как в начале VI века.

Достижение при Набониде изобилия неоспоримо доказывается таким фактом: нам известно 10 700 экономических и юридических текстов за 17 лет его царствования — на тысячу больше, чем за 43 три года правления Навуходоносора. Нет никаких сомнений, что Набонид воспользовался благоприятным климатическим периодом; он, естественно, приписал эту славу себе, а еще больше — своему богу-покровителю Сину. Но успехи были налицо, и все жители Вавилонии, вслед за царем, могли констатировать: «Бог грозы по[сл]ал дождь, и Эа отворил источники. Он создал в моей стране изобилие и процветание». Пока Набонид жил в Аравии, «вавилоняне и сирийцы собирали <на весенней и осенней жатвах> плоды страны, и плоды моря, и даже в жаркое время <...> все эти годы без перерыва, по велению Сина, из хлябей небесных и земных воды дождевые их орошали».

Набонид повелел высечь на камне официальный рыночный преискуронт (по ассирийскому обычаю, после VII века вышедшему из употребления). Сейчас этот документ сильно испорчен, и использовать его исследователям затруднительно. И все же, согласно ему, в течение царствования Набонида ячмень стоил на треть дешевле, чем прежде, финики — наполовину, цена шерсти понизилась чуть ли не в десять раз. Даже импортные продукты — вино и «горное масло» — стали дешевы. Эти декларируемые заверения были доступны современникам (хотя бы тем, кто умел читать), поэтому нет никаких оснований считать их лживыми. Но хотя в целом экономика процветала, на несколько недель перед весенней жатвой могла случаться серьезная нехватка продуктов, и тогда малообеспеченным грозил голод. Об этом говорила пословица: «Прошлый год чеснок ели (он считался изысканной приправой. — Д. А.), а в этот год брюхо жжет».

Для поддержания экономической активности нужно было перестраивать старые здания. Набонид, следуя в этом отношении политике своих предшественников, подобно им, считал это дело, богоугодным. Правда, после реализации планов Навуходоносора стало значительно меньше сооружений, требовавших восстановления. И все же, как заметил царь, за полвека кирпичная кладка сильно попортилась.

В действительности конкретные строительные программы царей различались, и это объясняется не только объективными обстоятельствами. Навуходоносор занимался всеми стольными городами Нижнего Междуречья — как на юге, так и на севере. Набонид официально также не проявлял каких-

либо географических предпочтений; но его интересовали прежде всего храмы, в которых жили бог-луна (в Харране и Уре), его сын бог-солнце (в Сиппаре и Ларсе) и дочь Иштар (в Вавилоне и Аккаде). Кроме того, он починил внутренние стены Вавилона и фортификационные сооружения Куты, завершив постройки, начатые Навуходоносором. В Кише под его смотрением были заново отстроены «Дом Нового года» и ограда главного храма; уделял он внимание и возведению святилища «бога — господина Марада» в одноименном городе. Таким образом, он не забывал о долге вавилонского владыки.

С самого начала царствования Набонид стал делать достоянием гласности свои разыскания и строительную деятельность. У него была одна лишь цель, о которой он неустанно твердил: восстановить здания «точно как в древности», по сколь возможно более древним планам, «не делая их ни на палец ни больше, ни меньше» — таков лейтмотив его надписей. Так же поступал и Навуходоносор, утверждал он. Здесь он был прав — доктрина действительно была не нова; но у его предшественников для восстановления храмов была безусловная причина: они лежали в развалинах, и их состояние требовало срочного вмешательства.

Некоторые же действия Набонида не кажутся необходимыми или неотложными. Так, он желал потрудиться во славу бога-солнца, жившего в «Блистательном доме» в Ларсе. Но Навуходоносор уже сделал это, и сделал хорошо. Новый царь нашел причину — вернее, предлог: якобы повторилось «чудо», случившееся впервые при его предшественнике: «В царство Навуходоносора царя <...> раскопали <...> груды земли, под которой погребены были город и храм, и открыли строение Блистательного дома, <построенного> царем, бывшим прежде, и искали строение царя более древнего, но не нашли. Он построил Блистательный дом заново <...>. <И все же> этот храм и подходы к нему были слишком тесны и строение слишком мало, чтобы быть обиталищем <...> бога-солнца и его юной возлюбленной жены. Повелением великого господина Мардука поднялись ветры от четырех концов земли, великие бури; пыль, покрывавшая город и храм, поднялась, и [все увидели] Блистательный дом <...>. Я прочел надпись древнего царя Хаммурапи, что за семьсот лет до Бурнабуриаша перестраивал Блистательный дом по <образцу> древнего строения и постиг его смысл. <...>. Я положил кирпичную кладку, благодаря мне возвели ее, повинуюсь распоряжениям Хаммурапи, на основаниях древнего царя Хаммурапи. Я переделал строение этого храма по-древне-

му». На самом деле, как показали археологические раскопки, объем работ, проведенных при Набониде, был незначительным.

Обновлялось и содержимое храмов — священные предметы. При ремонте храма бога-солнца в Сиппаре царь «увидел в основаниях статую Саргона, отца Нарам-Сина; половина головы исчезла от ветхости, и нельзя было различить лица. Чтобы явить [свое] почитание богов и чтобы чтить [его] царство, он послал туда умелых мастеров; он велел наново переделать голову этой статуи; места ее он не переменял».

Набонид гораздо больше, чем его предшественники, упирал на эту сторону своих дел. Его раскопки были продиктованы ясно выраженным желанием: сделать лучше, чем другие, будь то вавилоняне или ассирийцы. Как ни странно, царь почти не упоминал Навуходоносора как одного из «прежних владык». Не ссылался он в надписях и на своего тестя Нериглиссара. Но, насколько нам известно, этот способ высказывания был традиционным, а вовсе не выражал пренебрежения к трудам предшественников.

Набонид явно никуда не торопился; его отчеты так подробны, что кажутся пустословными. Зато они гораздо живописнее прежних — это бесспорно. Например, он приводит длинные цитаты из документов, обнаруженных при раскопках. В то же время он пользовался любым случаем, чтобы описать трудности своего предприятия и дать понять: других они могли бы остановить, его же — ни в коем случае.

Упорство и непреклонная воля объясняют всё его поведение. Подчас его стремление вернуться к «допотопным временам» становилось маниакальным. Город Аккад, основанный Саргоном в XXIII веке, через 1 700 лет превратился в незначительный поселок. Еще в XIV столетии вавилонский царь Куригальзу, по его собственным словам, «потеряв сон», искал остатки храма, построенного его основателем, но безуспешно. Набонид же нашел их, превзойдя тем самым Асархаддона и Ашшурбанипала: «хотя Син <...> дал им власть над странами», этого им сделать не удалось. Таким образом, он подошел вплотную к самым истокам этого святилища. Поэтому понятна велеречивость его рассказа. Царь является в нем на сцене, назначив себе главную роль: «Я привел много рабочих, чтобы разыскать подземные строения <...>. Три года я копал во рвах Навуходоносора, царя Вавилона, вел поиски справа, слева, спереди и сзади, не дожидаясь. Мне сказали: “Нашли мы подземные строения, но не видели их; случился большой дождь и сделал расселину,

так что мы поняли, <что они здесь>”. Я сказал: “Так копайте эту расселину, пока в расселине не увидите подземных строений”. Они копали в расселине и дошли до подземных строений <...> Нарам-Сина, царя прежнего, до обители Иштар Аккадской <...> и других богов, и пришли, и сказали мне».

Набонид, видимо, был убежден (или дал себя убедить) в том, что это и есть остатки самых древних сооружений, что не пошел глубже построек Саргона и его «сына» (на самом деле — преемника в третьем колене) Нарам-Сина. Действительно, до XXIV века лишь немногие строители подписывали свои сооружения, так что шансы отыскать их письменные следы были чрезвычайно малы. От этих же двух древних государей текстов осталось много, причем они особенно хорошо сохранились, потому что писались на камне и на металле. Были даже ученые, которые бескорыстно разыскивали их, чтобы переиздать. К тому же оба царя поразили своих современников, а затем и потомков, и память об их полной тревог жизни в духовной и литературной вавилонской традиции осталась жива до VI столетия: они первыми создали и сохранили империю, объединили «Благодатный полумесяц». Ясно, что Набониду было приятно считать себя продолжателем дел двух великих предшественников.

У нового царя, как и у Навуходоносора, были знающие писцы, которые могли давать ему советы. Их не сбивали с толку старые письмена, по форме сильно отличавшиеся от современных им знаков. Они понимали, кроме древнего вавилонского языка, еще и шумерский — даже лексикон начала II тысячелетия. Так, рассказ о строительстве «Тенистого дома» — жилища урских жриц — воспроизводит надпись XIX века; понять ее язык и впрямь было нелегко — мы можем судить об этом, ибо исходная надпись обнаружена, — однако писцы VI века, похоже, больших затруднений не испытывали. Они лишь несколько подправили хронологию — увеличили (где больше, где меньше) реальные промежутки времени. В результате получилось, что Хаммурапи жил за 700 лет до Бурнабуриаша, а Нарам-Син — за 3 200 лет до Набонида; это почти раза в два больше, чем на самом деле: следовало считать 300 и 1 700 лет. Сознательными ли были эти искажения? Кажется, нет: когда не было реальных вех во времени, писцы просто прилаживались к какой-либо нечеткой хронологии, не считая себя обязанными трудиться над ее уточнением.

Итак, Набонид был решительным сторонником возврата к древности. В его царствование архаизирующая тенденция

не изменила своей природы, ее концепция оставалась прежней; но теперь архаизация осуществлялась систематически, а о ее высокой ценности заявлялось с неслыханной ранее силой. Царь всегда был последователен, всегда оставался чужд противоположной тенденции — обращению к чудовищам. Лишь раз он использовал их изображения, но его цель была при этом иной, нежели у Навуходоносора, и случилось это при особых обстоятельствах. Набонид хотел сделать храм бога-луны в Харране соперником «Дома под высокой кровлей», но вавилонское жилище бога охраняли статуи гибридных существ. Следовательно, Набониду пришлось поставить такие же и в Харране. Именно так расценили поступок царя его недруги в Вавилоне — и были, несомненно, правы. Перестроенный храм теперь сторожили «два быка из гладкого серебра, грозного вида, топчущие врагов». В описании того, что находилось внутри храма, источники расходятся. «Памфлет» говорит, что Набонид поместил напротив бога «яростного быка» и «поток». Под «потоком» в данном случае, вероятно, понимается некое божественное орудие; оно упоминалось и прежде, но его описания до нас не дошли. Строитель же храма говорит о двух обнаженных героях «из серебра, поражающих врагов [своих]».

«СИН, ВЛАДЫКА БОГОВ И БОГИНЬ»

Десять лет Набонид разъезжал по Аравии из города в город, от Теймы на севере до Ятриба на юге через Дедан, находившийся на полпути между ними; эта область занимала площадь примерно 370 на 100 километров. Таким образом, ему удавалось за счет плодов аравийских долин кормиться самому, содержать двор и войско; еще Навуходоносор, разъезжая по всей империи, пользовался этим удобным способом ее эксплуатации. Но Набонид при этом занимался грабежом и убийствами — так, во всяком случае, утверждает «Памфлет». Сам царь косвенно в этом признавался, говоря, что находился среди врагов — если не всегда, то временами, — и принося благодарность богам за неустанную помощь: «Бог-солнце, Иштар, бог грозы и Нергал дали мне стражу ради спасения и жизни моей». Значит, опасность существовала. Наконец, «пришел срок, и переменялись дни», и царь Вавилонский покинул Аравию. Сама эта формула обычна для царских надписей: она всегда обозначала конец ожидания, бедствий или по крайней мере неприятностей. Может быть, Набонид задним числом распространил свои чувства на пе-

риод пребывания в Аравии: когда новая доктрина была уже разработана, истекшие десять лет стали казаться ему временем изгнания.

Про обстоятельства своего отъезда он рассказал на двух стелах, установленных в храме Сина в Харране. Время переезда определил бог-луна; избавив царя от сомнений, это решение подтвердили гадания по альманахам и светилам, исследование внутренностей и толкования снов. Причины, побудившие Набонида подумать о возвращении, от нас скрыты. Очевидно, не все они были религиозными. Сам государь не оставил на сей счет объяснений.

Во всяком случае, в Вавилонии намерения вернувшегося царя стали ясны сразу: он приехал, так сказать, «благовествовать» и не собирался терять времени. Он заставил и сына участвовать в своем предприятии, хотя в текстах роль Валтасара нигде не видна; тот, должно быть, оставался в тени — возможно, сознательно. Отец лишь дал за него те же обеты, что приносил за себя самого в заключение своих надписей. Новая программа Набонида сводилась к одной формуле: следить, «чтобы прилично почитали Сина, повелителя богов и богинь на небесах, в сердце своем его народы, чтобы не погрешали они и основания их были прочны». Себя он также не считал защищенным от грехопадения и обращался к богу: «Избавь меня от греха!» Просил он и за Валтасара, ибо опасался за его слабость, боялся его равнодушия, был обеспокоен его прохладным отношением к новой теологии.

Бесспорно, эта программа стала итогом размышлений, начатых Набонидом еще в юности. Его мать всегда — еще до того, как сын стал перестраивать храм в Харране, — была почитательницей Сина. Она пронесла свою веру через все превратности жизни и передала ее Набониду. В автобиографии она вспоминает трудные годы, когда она жила, поклоняясь своему богу, его супруге и чете их управляющих: «Хотя царь богов Син прогневался на свой город и храм, и взошел на небеса в шестнадцатый год царя Вавилонна Набопаласара, и город с жителями, его населявшими, обратился в развалины, я, как прежде, в других храмах приходила к Сину, к Великой госпоже, к Нуску и Садарнунне; я, как прежде, почитала их божество. Царя богов Сина держала я край одежды днем и ночью, приходила к его величайшему божеству всякий день, неукоснительно; глаза мои всегда глядели на него, лежала я ниц перед ним в молитве. <...> Чтобы умирить сердце бога моего и богини моей, ткани из тонкой шерсти, украшения, золото, серебро, новые одежды,

благовония и умащения не касались тела моего; всегда я носила одежду рваную, выходила из дома всегда в молчании. Я прославила их; я носила в сердце моем хвалу бога моего и богини моей и служила им; ничего из лучшего я не оставила себе, но все непрестанно им приносила».

Но, конечно, примера матери и преподанных ею религиозных уроков было бы недостаточно, чтобы заставить сына сделать лунное божество верховным, если бы многочисленные знамения не укрепили его в этой вере с самого начала царствования.

Освобождение Харранской области для Набонида было неожиданным и случайным событием. Даже его рассказ прямо говорит, как он сам был удивлен. Этот фактор оказался решающим, ибо придавал вере его матери неоспоримую правоту и насущность. В 556 году, когда Набонид взшел на престол, обстоятельства для восстановления храма Сина были более чем неблагоприятны: «Мидяне окружили <город>, и сила их была велика». Так Набонид «благочестиво» возразил Мардуку, когда тот настаивал на скорейшем начале строительства. Но бог открыл ему будущее: «Мидян, о которых ты говоришь, страны и царей, идущих за ними, скоро не будет. Наступит третий год, и слуга их <...> Кир прогонит их; он рассеет пространных мидян даже со своим слабым войском; он полонит Астиага, царя мидийского, и отведет его в свою страну в оковах». Значит, освобождение Харрана и приход Набонида к власти (и о том, и о другом еще незадолго до того нельзя было помыслить) совпали не случайно. Конечно, современный историк сочтет хронологию Набонида ненадежной, для него же самого точность была не важна. По его счету, от разорения окрестностей Харрана и конца войны с Ассирией прошло 54 года. Эта цифра входила в ряд чисел арифметического и космического свойства — то был трехкратный лунный цикл. Вавилонские астрономы VI века умели его вычислять: каждые 18 лет Луна возвращалась в прежнее положение и, стало быть, Син начинал новый цикл. Далее это наблюдение открывало возможности для умозрительных комбинаций с числами. Вавилоняне в те времена были привычны к такого рода мистике, и, на их взгляд, она неизменно приносила плоды.

На южной оконечности «страны Шумера и Аккада» Син почти в то же самое время обратился к царю с другим знаменем. Пожалуй, это «явление миру» было не столь наглядным, как то, что произошло на севере, но не менее его потрясло Набонида: оно также было поразительным и необычным. Набонид оставил о нем подробный рассказ, в кото-

ром подчеркнул для потомства, насколько трудным было это дело и как благодаря своему уму и сноровке он счастливо исполнил его.

Лунное затмение возвестило о воле Сина: бог избрал дочь самого Набонида в свои великие жрицы. По этому случаю она получила от отца новое имя «Жрица — желание бога-лунны»; характерно, что оно было шумерским, а не вавилонским*. Так Набонид возобновил связь с наидревнейшей из местных традиций, причем всем надлежало об этом знать. Впрочем, он вообще был обязан искать образцы для подражания в далеком и даже очень далеком прошлом. С начала II тысячелетия, если не раньше, женщины перестали участвовать в культовых обрядах. Видимо, исключением являлся храм Ура, и то лишь время от времени. Возможно, там ритуалы, поручавшиеся девушкам, тоже были ограничены. Никто из царей, восстанавливавших их, об этом не сообщал, и такое полуторатысячелетнее молчание довольно показательно. Как бы то ни было, воскрешение древнего богослужения вполне могло показаться людям VI века неслыханным нововведением.

И это неудивительно: дом жрицы лежал в развалинах после шестивекового забвения; «дикие пальмы и плодовые деревья росли там». Разбор его обломков, как и восстановление храмовых комплексов в других местах, считался восхождением во времени; moreover, путь по чередке пустых залов храмового комплекса в Уре поистине был путем мистического поиска, приводившего Набонида от одного откровения к другому. Царь поведал о двух главных его этапах: «Так как давно забыт был дом великой жрицы и никто не знал, каков он, я каждый день вопрошал о нем. Наконец, настал срок, когда широко отворились передо мной врата, и я увидел камень древний царя Навуходоносора (имеется в виду Навуходоносор I. — Д. А.), на котором изображена была великая жрица и были записаны все ее принадлежности, одеяния и украшения».

Продвинувшись в прошлое еще дальше, Набонид стал обладателем документов XIX столетия: «Я увидел надписи древних царей, бывших прежде. Я увидел древнюю надпись Эн-Ане-ду, великой жрицы Ура, дочери Кудур-Мабука, сестры царя Урского Рим-Сина (ок. 1822—1763. — Д. А.)». Царь Вавилона последовал традиционному плану и выстроил дом жрицы «точно по древнему образцу».

---

* Бел-шалти-Нанна. (Здесь употреблено шумерское имя лунного бога Нанны, тождественного с аккадским Сином.)

В этом случае, как и во многих других, Набонид прибегнул к гаданию на внутренностях животных. Этот способ был очень удобен тем, что давал гадавшему возможность прямо спрашивать богов, не дожидаясь их знамений, что было неизбежно при гадании по атмосферным явлениям. Вавилонский царь часто пользовался им, и одной из его главных забот было стремление добиться ясного и четкого ответа. На сей раз он получил его, и непрерывность успехов лишний раз убедила царя в его особых отношениях с богом-солнцем, сыном бога-луны, то есть в конечном счете опять же с Сином.

Когда Набонид еще не был царем, на его мать снизошло от лунного бога настоящее пророческое вдохновение. Много позже, в глубокой старости, она рассказывала об этом так, как будто это случилось только что: «Во сне моем возложил на меня руки Син, царь богов, и сказал: “От тебя придет возвращение богов! Я отдаю сыну твоему Набониду жилище в Харране. Он построит <храм> и довершит его созидание; он сделает Харран лучше, нежели прежде, до восстановления”». И сыну ее в начале его царствования «великий господин Мардук и Син, светоч небес и земли, явились вдвоем» и поручили такую миссию: «Набонид <...>, перевези кирпичи на конях из твоей колесницы и построй заново <храм>; посели в нем Сина».

Больше Мардук царю не являлся. Только Син, а также его сын и дочь «присылали» сны. В них они требовали восстановить разрушенные храмы, чтобы они могли заново поселиться там. Иногда их просьбы были более скромными: однажды бог-луна приснился, чтобы получить от своего почитателя «кинжал». Тот исполнил желание бога и велел высечь его требование на камне. В надписях последних лет указывалось, что сновидениями обоснованы и вдохновлены все без исключения решения царя — как тогдашние, так и прежние; другие способы предсказаний были отодвинуты в тень. Бесспорно, сны стали играть ключевую роль во время пребывания Набонида в Аравии. Впрочем, в первых редакциях надписей он не всегда считал необходимым упоминать об этом. Иногда бог посылал один и тот же сон разом царю и другим людям. Набонид сообщает об этом походя, не вдаваясь в объяснения столь странного явления.

Толкование снов у него всегда тесно связано с астрологией: Син, бог-солнце и Иштар были одновременно небесными телами; первый сон, пересказанный на стеле, должен был решить, к добру или к худу «соединение Великой звезды с Луною». Что это за звезда, неизвестно, но царь впо-

ледствии увидел ее «вместе с Луной и с Мардуком высоко в небесах и назвал [ее] по имени». Особо указывая на это, Набонид вводил толкование снов в сеть «соответствий» между небом и землей, а также всеми составлявшими их элементами по отдельности. Поначалу же оно в этот круг не входило. Таким образом, эта система мышления еще больше расширилась, но сохранила внутреннюю связность.

Столь многочисленные и разнообразные знамения, неумоимо посылавшиеся Сином и его детьми, сделали царя неустрашимым, а волю его — непреклонной. Должно быть, его решения укреплялись и другими; более личными соображениями. Он мог убедиться, что бог-луна не только посылает милости народам, но и дает отдельным людям крепкое здоровье и потомство; мать Набонида служила тому великолепным, неопровержимым примером. Верующим в него он давал защиту — это доказывалось военными успехами царя; наконец, вновь обретенное изобилие всей «страны Шумера и Аккада» свидетельствовало о «делах Сина».

Сначала Набонид приписывал свое воцарение Мардуку и сыну его Набу, но по возвращении из Аравии изменил свои религиозные предпочтения: задним числом он усматривал здесь волю бога-луны. Неожиданное событие в жизни будущего государя было явно провиденциальным, поскольку давало ему возможность положить начало новой религиозной политике.

Но, оказавшись опять в столице, Набонид убедился в злонамеренном и закоренелом невежестве своих подданных: «Дел Сина, самых могучих из дел богов и богинь, никто уже не знал; много лет не сходили они в страну, чтобы народ страны мог их видеть, чтобы их записали на табличках и сохранили для потомства». Все вавилоняне, жрецы и миряне, «согрешили против его великого божества, ругались над ним и презирали его. Они не знали гнева царя богов, Светоча. Они забыли его богослужение и оправдывались доводами лукавыми и неистинными». Теперь Набониду была поручена миссия восстановить и повсюду разнести правду. Она была не нова, а всего лишь давно забыта, утверждал царь. Речь шла о реставрации — в излюбленном духе тенденции к архаизации. Нельзя сказать, чтобы царь был совсем не прав, ибо теология, которую он начал пропагандировать, отчасти не была оригинальной.

К вящей славе Сина Набонид горделиво вставил свое имя в список восстановителей Харрана и радовался, что достиг в этом деле наилучших результатов. В самом деле, в начале I тысячелетия этот город был любимой столицей асси-

рийских царей и задолго до VII века стал предметом их постоянного попечения. Набонид подчеркивал, что помнит о трудах предшественников — от Салманасара III до Ашшурбанипала. Он знал о них благодаря надписям, сделанным по случаю произведенных ими реставраций и обнаруженным его работниками. Религиозное значение храма бога-луны было столь существенно, что Асархаддон (которому затем подражал его преемник) непременно обращался к его оракулу перед отправлением в поход, а своего младшего сына сделал великим жрецом его храма. Когда Набонид получил свободу действий для его восстановления, город еще не оправился от разорения, нанесенного войной мидян с ассирийцами. Впрочем, конца строительства царь в Харране не дождался; возможно, в это время он уже отправился на жительство в Аравию. Но мать его с гордостью вспоминает о «явлениях радости и веселья» при освящении храма. Исполнились ее молитвы: бог-луна дал ей перед смертью увидеть свой возобновленный храм. Однако государь после десятилетней отлучки желал сделать свою религиозную политику более последовательной, избавить ее от всего, что тормозило ее осуществление. Теперь в его глазах отсрочки стали едва ли не преступлением: почему он столько времени медлил объявить новую веру, если Син послал ему откровение в самом начале его правления, вследствие чего царь и предпринял восстановление храма в Харране? Поэтому, вопреки хронологии, Набонид датировал его временем возвращения в Вавилон из Аравии.

На юге (на сей раз — действительно уже по возвращении в страну) Набонид начал работы в другом стольном городе бога-луны, Уре. Он занялся и священной оградой, и самим храмом Сина*, но больше всего сил направил на восстановление ступенчатой башни**. Возведение этого здания было начато в конце XXIII века и окончено в начале XXII столетия. К VI веку оно до того разрушилось, что сохранился только первый ярус. Набонид восстановил башню без особых затрат. Употребленные там кирпичи и асфальт были низкого качества, а кое-где применялся даже раствор из грязи.

Мать учила Набонида, что бог-луна несравним величием с другими богами, в чем он мог убедиться, избрав того своим повелителем. До сего момента его поведение никого не тревожило: в возвышении монархом того или иного божества как своего покровителя не было ничего нового. Это бы-

---

* Эгишширгаль.

** Элугальмальгасиди.

ло делом его частного благочестия; ни государственный пантеон, ни пантеоны местные тем самым не потрясались: даже если этот культ исповедовал царь, это касалось только личной жизни.

Совершенно новым было царское решение соединить свое личное богопочитание с политической теологией универсального характера. Согласно ей, существовал один верховный бог, а все остальные боги в мире должны были поклониться ему.

Основы такого учения заложили ассирийцы во второй половине XIII века. Но тогда они еще не правили империей; Ближний Восток был разделен (не без постоянных столкновений) между их царством и другими столь же могущественными государствами. Поэтому ассирийская теология оставалась чисто умозрительной, пока в середине IX столетия ее сторонники не отправились на завоевание «Благодатного полумесяца».

Ассирийцы считали, что ими предводительствует их собственный бог Ашшур. Вследствие этого до XIV века их идеология полностью отвергала мысль о царе: земной глава имел право лишь на титул «наместника божьего», представлял бога на земле и всю власть имел только от него. Правда, мало-помалу царский титул утвердился в официальном протоколе, предназначенном в основном для внешнего мира, чтобы на равных вести дела с государями того времени — союзниками или недругами. Однако древняя субординация так и не была забыта.

«Наместник», естественно, был верховным жрецом своего бога и в таком качестве играл важнейшую роль в ассирийской религии. На практике исполнение обрядов в честь богов пантеона в многочисленных храмах страны он поручал профессиональному жречеству. Статус посредника между Ашшуром и народом оставался основной функцией ассирийского «царя» до самого 612 года. В Вавилонии же было не так: там монарх всегда оставался мирянином.

Таким образом, Ашшур для ассирийцев был богом всемирным — ему были подчинены все остальные божества вселенной; они, разумеется, сохраняли свои места в местных пантеонах, культ их оставался неизменным, но их главой все люди обязаны были признавать Ашшура. Своему «наместнику» — царю Ассирийскому — он давал «завет», а тот велел возвещать о первенстве Ашшура и заставлять признать его повсюду, наипаче же в землях, покоренных верующими в него. Их богословие требовало лишь такого публичного признания; государства, входившие в состав их

империи, то есть их цари, приносили его клятвенно. Соблюдение торжественного обещания, политическая и экономическая покорность ассирийскому богу зримо для всех выражались в уплате ежегодной дани. Поэтому «наместники» были обязаны жестоко наказывать тех, кто уклонялся от своих обязательств: ведь нарушитель попирает подтвержденную клятвой веру в Ашшура. Неуплата, таким образом, обращивалась хулой величайшего из всех богов.

С самого возникновения этой догмы в ней заметна одна весьма интересная особенность — ее исходный постулат, что человечество злонамеренно противится принятию истины. Ассирийцы всегда возмущались этой враждебностью и страдали от нее: они считали, что она противоречит очевидности. Набонид также столкнулся с неприятием своей проповеди, косностью и духовной слепотой окружающих.

В конце VII века Ашшур исчез вместе со своим «наместником» и подданными. Ассирийцы, не жалевшие сил для «популяризации» своего бога, потерпели поражение еще прежде своего исчезновения с исторической арены. Империя не присоединялась к их вере; только угроза применения силы со стороны ассирийцев то здесь, то там вынуждала ее народы создавать видимость почитания ассирийского божества; в действительности в течение двух с половиной столетий всё приходилось периодически начинать заново. Везде царил полнейшее равнодушие.

Набонид не колебался. Он ни на миг не мог помыслить о том, чтобы возратить какую бы то ни было роль Ашшуру, но у него был бог на замену ему — Син, осыпавший царя щедротами. Это предпочтение, поначалу подсказанное ему матерью, было подтверждено его собственным опытом. Кроме того, в VI столетии такой выбор объективно был благоразумен. Ведь этот бог принадлежал к вавилонскому пантеону и всегда занимал там очень высокое место.

Син, несомненно, был одним из тех богов, кого семитоязычные народы Вавилонии почитали с самой глубокой древности; это видно, начиная с самых первых текстов, относившихся еще к временам господства шумерской цивилизации. У шумеров тоже был лунный бог, поэтому жители Месопотамии очень рано начали поклоняться тому и другому в одном лице.

Каково бы в конечном счете ни было происхождение бога-луны, он был богом — покровителем материнства, и многие родители от имени новорожденных приносили ему благодарность за их появление на свет; на это, во всяком случае, указывают их имена. Благодаря этой главной функ-

ции Сина у него из века в век, из тысячелетия в тысячелетие становилось все больше почитателей. Семья его также пользовалась величайшим доверием: сын, бог-солнце, надзирал над судами и вместе с богом грозы запечатлевал свои пророчества на внутренностях животных. Его сестрой была Иштар, соединявшая в себе очень разные и даже противоположные функции: она была богиней любви и ласки и покровительницей насилия и войны. В конце концов ее имя превратилось в нарицательное: так звали любую богиню, каковы бы ни были ее особенные черты. Син и его дети затмевали, соответственно, супругу и мать. Ее называли просто «Великой госпожой» и упоминали, кажется, только из вежливости. Во второй половине II тысячелетия астрология укрепила и без того сильные позиции этих трех божеств: они давали предсказателям наибольшее число знамений.

Среди арамейских народов империи популярность бога-луны была столь же велика. Теперь она не видна для нас просто потому, что источников почти не сохранилось. Высшим богом всех местных пантеонов, правда, считался бог грозы, но в Вавилонии было не так, и Набонид никак не думал о том, чтобы сделать его объединяющим божеством, — он должен был держать сторону Месопотамии. Кроме того, лунный бог был национальным божеством арабов как на севере, так и на юге полуострова, а Тейма являлась особенно важным центром его культа. Таким образом, рассуждая умозрительно, Син представлялся, если так можно выразиться, лучшим из кандидатов на роль главы пантеона: он пришел из глубокой древности, его культ опирался на архаизирующее течение и в то же время укреплял его.

Итак, вновь поселившись в столице, Набонид поставил целью объединить «Благодатный полумесяц», предложив ему общую догматику; отныне все жители — как в Вавилонии, так и в империи — должны были волей или неволей принять ее. На выбор каждого оставалось лишь именование, которое он даст богу-луне, когда будет обращаться к нему в молитвах. Когда автор «Памфлета» утверждает, что Набонид в самом Вавилоне поклонился не Сину, а Илтери, он не ошибается; наоборот, сочинитель понял царское учение и точно воспроизвел его положения. Илтери был «западным» воплощением вавилонского Сина. Упомянув его в Нижнем Двуречье, владыка явно декларировал единство бога-луны — все равно, вавилонского или арамейского происхождения. Он был один и тот же; ему можно было поклоняться под любым именем, местным или заимствованным, — это ничего не меняло в его природе. Набонид был убежден, что лишь

этот бог способен соединить вавилонян с подданными империи одной верой, а этот культ может сделать «Благодатный полумесяц» неразрывным целым. Так будет осуществлен великий план, и дело Навуходоносора завершится.

Набонид отдал своему верховному богу титулы, ранее принадлежавшие Мардуку и Ашшуру (в сущности, его предшественникам): «царь богов» и «владыка над владыками». Отныне «все боги и все богини, живущие на небесах, соблюдают заповеди его <...>, повеления исполняют его, Светоча». Тем самым был перейден порог: бог-луна получил именование «господин богов и богинь неба и земли». В традиционном вавилонском понимании боги и богини составляли своего рода собрание; каждый из них занимал там свое место, а решения принимались после обсуждения. Некоторые из персонажей, конечно, имели больше влияния, но основным принципом было равенство. Отныне благодаря Набониду Син был не «первым среди равных» представителем группы, но самым могущественным; он имел иной статус, получал власть от самого себя, а не потому, что убедил или устрасил своих товарищей. Да и вообще в повседневном языке слово «господин» прилагалось к отношениям хозяина и раба. С этих пор боги «дрожат перед ним, как тростник». В конце концов он стал «богом богов» — единственным, получившим этот неслыханный титул.

Не дошел ли Набонид до разработки новой космогонии? В одной фразе он использовал оборот, где Син именуется «отцом, сотворившим» других богов. Это очень странная формула. У вавилонян никогда не было представления о единственном боге, породившем весь остальной пантеон. Были лишь небольшие семейства: Син, к примеру, родил бога-солнце и Иштар от «Великой госпожи» — и только. На самом деле это выражение восходило к Ассирии: там верховный бог действительно, как утверждали, был биологическим (если можно так выразиться) отцом других ассирийских божеств. Притом поначалу он был одиноким богом, не имел супруги. Но никто из богословов не удивлялся странности такой ситуации и не собирался разрешать это противоречие. В Вавилонии в VI веке существовало великое множество космогоний; частично они пересекались, поскольку ни одна не имела официального характера; современники Набонида верили в ту или иную — каждый на свой лад и вкус. В храмовой службе они не играли никакой роли — за исключением поэмы «Энума элиш», но только в Вавилоне и только в храме Мардука. Поэтому не важно, придумал ли Набонид совершенно иную гипотезу о сотворении ми-

ра; его авторитет был слишком слаб, чтобы внедрить новую теологию.

До возвращения Набонида из Аравии двигателем истории, по собственному признанию царя, был Мардук. Так, при восшествии на трон он просил «о долгих днях жизни, о прочном престоле, о долгом царстве, о благом докончании [моих] повелений владыку [моего] Мардука». Именно бог Вавилона дал ему победу и, следовательно, «огромные сокровища, которые государь Мардук вверил [мне] сам». В начале царствования именно он отвел опасность со стороны мидян от Харрана. Храм был восстановлен, а статуи божеств на время укрыты в «Доме под высокой кровлей»; когда здание было готово вновь принять их, «тот же Мардук повелел собрать всех богов».

Поселившись опять в Вавилоне, Набонид уже не упоминал его бога-покровителя в своих надписях: Мардука заменил Син. Царь подвел итог своему пребыванию в Аравии: «Ради меня по велению Сина <...> царь Египетский, мидяне, арабы и все враждующие цари прислали мне предложение мира и добрых сношений. <...> По велению Сина и Нергала они преломили оружие свое и пали ниц [к ногам моим]. Бог-солнце <...> послушал повеление родителя своего и <...> привел ко мне вавилонян и сирийцев, которых вручил мне, и они охраняли меня, исполняли слова мои даже в горных ущельях, на диких тропах, по которым я проходил». Позднее «Памфлет» обвинял царя во лжи: якобы эти победы были им просто выдуманы. Мы сейчас склоняемся к тому, чтобы разделить его критику: какими подвигами царь Вавилонский мог заслужить титул «завоевателя девственных гор»? Декларации Набонида не подтверждаются никакими историческими фактами. Но, видимо, его слова следует понимать иначе: царь хотел символически передать могущество своего бога (с его ближними) — пусть даже ценной искажения (как он считал, временного) реальности. Син, следуя по стопам Ашшура, распространил свою власть на вселенную, а не только на империю — он даже диктовал свою волю прежде «враждебным» ему царям — добавим, прежде не признававшим главенства этого бога. «Соседние цари взошли ко мне облобызать стопы мои, и дальние уведали, и поклонились божественному величию». Если угодно, вавилонский царь здесь представлял программу на будущее как уже осуществленную.

Торжественное заявление Набонида сразу по возвращении после десятилетнего отсутствия ознаменовало начало его миссионерского предприятия. «Царь Шумера и Аккада»

сделал его «перед собранием». Его заочный оппонент — автор «Памфлета» — был лицом духовным и, несомненно, придавал этому термину обычный в его среде в VI столетии смысл: собрание представляло собой устроенное в храме (в данном случае — в храме Мардука) заседание жречества, важнейших светских сановников, гражданских и военных, и пребendarиев. Из речи Набонида автору запомнились только ее претенциозность и шутовство. Царь якобы «возносил себя: я мудрый, я ученый, я видел невидимое. Писать я не умею, <но главное, что> бог Илтери в видении дал мне прозреть все вещи. Я превзошел всю высшую науку из учебника астрологии, составленного Адапой».

Вне всякого сомнения, такие выражения ошеломили присутствующих. Им было чуждо всё, что они услышали. Они не удивлялись бы так сильно, если бы сохранили память об идеологии ассирийцев; однако она была забыта уже в конце VII века, да и вообще никогда не была знакома большинству вавилонян. Прежде всего Набонид на ассирийский манер возложил на себя совершенно неизвестную вавилонянам роль великого жреца нации. В надписях, даже под конец царствования, он никогда себя так не именовал, но его недруги впоследствии поняли, куда он клонил. В насмешку они прозвали его «жрец-владыка», применив один из самых древних шумерских титулов. В ранние времена Вавилонии он обозначал главу города-государства, нераздельно владевшего политической и религиозной властью. Еще во II тысячелетии этот титул могли носить главы нескольких храмовых администраций. Теперь же партия, предпочитавшая поклоняться чудовищам, высмеивала таким образом архаизаторские притязания Набонида.

Царь считал, что полномочия ему дает только его бог: «Ты, Син, еси сошедший с небес перед царем Вавилона». Син (или Илтери, всё равно) пекся обо всем и был вездесущ. Новое учение практически не оставляло места для гибридных существ; оно также не нуждалось и в тезисе о существовании мудрецов. В доктрине, провозглашенной Набонидом, им не находилось места. Эти советники со своими советами становились бесполезными. По словам «Памфлета», Набонид дошел до того, что в очень грубой форме отрицал познания первого, самого почитаемого из героев, принесших людям достижения цивилизации, — Адапы (и, надо думать, его наследников). Причем это было во время его программной богословской речи при вступлении на престол, ставшей краеугольным камнем всей его религиозной политики.

Бог-луна сам, не имея нужды в посредниках, напрямую открывал почитающему его, что нужно делать; следовательно, переставало быть нужным даже самое драгоценное для людей того времени средство передачи информации — письмо. Даже такое уважаемое сочинение, как руководство по астрологии, не давало ключа ко всему сокровенному знанию; царь же вдохновлялся непосредственно вселенским лунным богом. Набонид стал визионером, уверенным в своей правоте: бог, считал царь, вел его своими пророчествами, открывая их во снах.

Высокое самомнение, безусловно, с самого начала было одной из черт царского характера; об этом свидетельствуют даже наиболее ранние из его текстов: в них он заявляет, что «сведущ во всем». Уже в начале царствования он отказался от помощи табличек предсказателей, доставленных из Вавилона в Ур для выбора великой жрицы. Он счел, что для его планов это лишнее. Набонид лишь сообщил об этом факте, не приводя своих резоннов. Но, так или иначе, этот отказ свидетельствует о его самоуверенности в делах, связанных с гаданиями и заклинаниями. В Тейме она, конечно, лишь усилилась. Вначале он считал себя продолжателем дела своих царственных предков, затем же стал называться «скорым посланцем великих богов».

Такое поведение и такая догматика смущали вавилонян своей новизной. Объединять подобных богов и считать их за одного было самым обычным делом для Ближнего Востока, но никто не был обязан следовать ему. Набонид же требовал официально пересмотреть все пантеоны и поставить во главе их одного из многочисленных лунных богов. Для недружелюбных современников объяснение напрашивалось само собой: «Его бог-покровитель оставил его» — потому он якобы и держался так крепко за свои «заблуждения». Так полагали служители Мардука; другие, видимо, разделяли их мнение. Подданные называли новые религиозные представления царя «ветром». Монарх, со своей стороны, был готов к неповиновению и, как сообщает «Памфлет», ответил на него гневом. Харран стал спорить с Вавилоном, храм Сина — с храмом Мардука. В начале царствования у Набонида, вероятно, не было таких намерений; они созрели во время его пребывания в Аравии, но в конце концов царь убедил себя, что желал этого всегда.

Реформа храмового управления стала насущной, как только Набонид взошел на престол. Она была направлена на ослабление жречества по отношению к государю, чтобы затруднить храмам сопротивление налоговым мерам и земель-

ному переделу. Именно этого, несомненно, добивался проводивший ее Валтасар. Установление контроля над храмами способствовало осуществлению политической программы Набонида, хотя первоначально совершалось с иной целью: царь укрепил таким образом свою власть по отношению к стольным городам, где теперь некому было создавать оппозиционное общественное мнение.

Набонид нигде связно не изложил, как он пытался распространить свое учение в Вавилонии и по всей империи. Нам эта кампания религиозной пропаганды известна лишь по разрозненным сообщениям. Мы совсем не знаем, какие меры он осуществлял за пределами Вавилонии, если он там вообще что-либо предпринимал. Автора «Памфлета» в связи с этим кризисом — да и с остальным царствованием Набонида — интересует только «страна Шумера и Аккада». Персидский царь Кир (устами его вавилонского сторонника) после своей победы уверял: его враг поставил в храмах Вавилонии «подражания». Эта формула слишком кратка, а потому неясна. Очевидно, речь шла не о повторениях уже находившихся на своих местах статуй божеств. Может быть, Набонид велел воздвигнуть статуи Сина, скопированные с оригинала, находившегося в Харране? Во всяком случае, насколько мы знаем, он сам никогда не говорил об этом.

Культовая статуя являлась воплощением самого божества. Стало быть, ее облик был как нельзя более важен. В самом начале правления вавилонскому царю пришлось создать новую статую, чтобы поселить ее в восстановленном харранском храме: без нее богослужение не могло возобновиться и постройка храмового здания не имела бы никакого смысла. Это было исполнено еще до отъезда царя в Аравию. Наши источники противоречат друг другу: Набонид, по его собственным словам, основывался на некоей печати «из драгоценной яшмы» с именем Ашшурбанипала, обнаруженной, надо думать, в развалинах здания. Набонид говорит вполне конкретно: «Царь Ассирии Ашшурбанипал задумал и запечатлел образ Сина во славу имени его, печать, на которой написал молитву во славу Сина, и повесил ее на шею Сина, и с давних пор можно видеть ее отпечатки». Иными словами, благодаря этому тексту тождественность бога становилась неоспоримой, а его образ восходил к стародавним временам: если так, сторонники архаизации непременно должны были приписать ему важное значение. Противники царя тоже оставили описание статуи — само собой, возмущенное. Они, бесспорно, могли видеть статую, ведь ее делали в Вавилоне. Текст дошел до нас поврежденным, его со-

держание — смутно, причем даже в сохранившихся частях мы не можем понять, куда метят негодующие намеки. По ним выходит, что это был не бог, а какое-то нагромождение нелепостей. Но то, что мы знаем, не дает возможности согласиться с критиками. Правда, очернять, а то и лгать в этом случае было легко, потому что законченную статую отослали за 750 километров от столицы и проверить справедливость наветов никто не мог. «Эа всезнающий не мог сделать подобного, ученый Адапа не знал его имени» — к этому в итоге сводится в «Памфлете» критика новой царской инициативы. Фактически вавилонские клирики упрекали творение Набонида в расхождении с вавилонской традицией, в том, что изваянис, как говорили, «несподобно». Этот эпитет то и дело встречается, когда речь идет об уклонении от обычаев религиозной иконографии. К сожалению, писец нигде не уточнил, что конкретно под этим понималось. Рельеф или статуя являлись «подобием». Это было единственным, несколько примитивным правилом эстетики того времени. Ни ассирийцы, ни вавилоняне никогда не нарушали его. Но стелы — единственные произведения монументалистики, дошедшие от Набонида, — тоже банально-классичны, в их художественном замысле никак не проявляется намерение обновить священное искусство. На наш взгляд, резкая критика Набонида поверхностна и не имеет реальных оснований. Что же до статуй бога-луны, то ни одна из них не обнаружена: вероятно, после разгрома вавилонского царя они были уничтожены, не пережив своего заказчика.

Письменные памятники, предназначенные для распространения нового учения, устанавливались также и в храмах. Эти стелы высотой около двух метров вытесывались и ваялись в Харране из местного базальта. Затем их на барках отправляли вниз по Евфрату в стольные города Вавилонии. Над текстом был изображен силуэт стоящего царя, поклоняющегося трем астральным символам: богу-луне и его детям — богу-солнцу и Иштар. К стелам прилагалось письмо Набонида. «Поставь столбы, иссеченные в камне, которые я тебе отправил, там, где за благо рассудишь», — приказал он своему чиновнику в Уруке. Несомненно, такие указания поступили и во все прочие города. Правда, после падения Набонида его враги сразу взялись за систематическую разрушительную работу: персидский царь объявил, что «изгладил имя» и дела побежденного. Но две стелы в Харране завоеватели не низвергли, поскольку они стояли в самом жилище бога и, следовательно, находились под его покровительством. Уничтожить их значило бы совершить недопустимое

нечестие перед местным божеством. Зато в Ларсе камень разбили молотом, а потом скрыли от глаз: он служил упором дверной петли у входа в помещение, где жил сын лунного бога — бог-солнце. В Уре стела вовсе не обнаружена, хотя Набонид велел сделать на глине четыре надписи — каждую по крайней мере в трех экземплярах. Две из них происходят из Сиппара, одна — из Ларсы, одна — из Аккада. Они были скопированы с не сохранившихся до нашего времени оригиналов. В них царь докладывал своему богу Сину об успехах «просвещения» в центре и на севере страны.

На стелах содержался тот же текст, что и в Харране, то есть изложение нового откровения: Син был назван богом «всех стран». Он был выше всех других богов и богинь, посылал спокойствие и процветание почитавшим его. Тем, кто особо ему поклонялся, он давал удачу. Благодаря ему в «Благодатном полумесяце» установился общий мир. Конечно, прочесть надписи было нелегко, — не в обычае вавилонян было помещать их в общественных местах, даже если их содержание было светским, а не религиозным. Стелы же всегда были священными предметами и устанавливались, очевидно, в сокровенном месте храма. Значит, видеть и читать надписи могли только немногие жрецы. Но это не имело значения, ибо стелы предназначались не только для людей — современников и «потомства»; возможно, даже в первую очередь эти отчеты о выполнении царской миссии извещали богов.

К тому же особое отношение было к членам семейства Сина из-за их близости к верховному божеству. Для его сына и дочери Набонид велел переписать старые надписи. Они теперь также были приспособлены к новой догматике и стали ее свидетельствами. Набонид воспользовался ими, чтобы вновь и вновь говорить о неудачах своих предшественников. Неявно он приписывал их тому, что прежние цари не почитали бога-луну. Ему же благодаря Сину всё удавалось гораздо лучше не только сравнительно с Навуходоносором, но также и вавилонскими царями, правившими во II тысячелетии, и царями ассирийскими. А ведь Асархаддон и Ашшурбанипал были «владыками вселенной».

Ограничился ли царь тем, что, согласно заключительной части урских документов, велел записать «дела царя богов Сина <...> на столбах каменных»? Не было ли и устной пропаганды, помимо предварительного заявления перед «собранием»? По свидетельству самого же Набонида, никаких мероприятий в этом роде не затевалось — он полагался только на надписи; гнев и удивление царя вызвало именно то, что

даже в Харране, священном городе Сина, не было «скрижали, установленной для потомства», посвященной его господству. Ставить камни с надписями в храмах — так он и понимал свою религиозную миссию. Подобное распространение новой догматики должно было постепенно привести к присоединению к ней; в конце концов все приняли бы новую веру. Насколько можно полагать, именно так судил Набонид.

«Памфлет» же утверждает почти обратное: царь «смешал обряды, смутил предсказания, приказал положить конец церемониям». Это утверждение представляется нам весьма смутным. Ведь сочинитель наверняка ничего не знал о том, что происходило за пределами Вавилона, и просто произвольно экстраполировал столичные события на всю страну. Возможно, поначалу план царя отчасти и был таким, как его поняли слушатели из «Дома под высокой кровлей». Но если даже предположить, что Набонид этого хотел, ему было бы очень трудно провести такую реформу (или переворот) в жизнь. Ведь богослужение — ежедневно, ежемесячно, ежегодно — в Вавилонии строилось на четкой последовательности действий, передаваемых из поколения в поколение. Сделать так, чтобы о них забыли, придумать и заставить выучить другие обряды было невыполнимой задачей. К тому же в каждом храме существовала собственная обрядовая практика. Пришлось бы прибегать к устной проповеди, причем во всех святилищах. У Набонида для такого предприятия не было средств.

Царь даже не помышлял сомневаться в политеизме, не совершил ни одного поступка, в котором проявились бы его враждебность или хотя бы скептицизм на этот счет. Даже «Памфлет» не делает ему ни малейшего упрека в этом отношении. Разумеется, волей Набонида бог-луна отныне взял на себя всю божественную власть, прежде распределенную среди всех божеств пантеона. Его почитатель настойчиво утверждает это: «Син <...> держит в руках все должности небесные». Один из гимнов того времени примерно теми же словами воспевал Мардука: бог «Дома под высокой кровлей» якобы обладал качествами всех и каждого из основных вавилонских божеств. Это был грубоватый способ выразить идею, что он их всех превосходит. Такое восхваление, когда речь шла о местном божестве, допускалось часто. Например, в Ларсе так же относились к богу-солнцу, но никто не имел дерзновения навязывать эти местные взгляды всем стольным городам, а тем более всему «Благодатному полу-месяцу».

Между прочим, вавилонский царь до самого своего падения оставался «приносящим обильные жертвы в Дом под высокой кровлей». Этот титул он перенял у предшественников, Навуходоносора и Нериглиссара; как и они, он его заслужил — хроника его царствования объективно это отмечает. В его отсутствие о процветании всех святилищ Вавилонии заботился Валтасар, так что по возвращении отец мог отметить, как было сказано, его «хорошее поведение» по отношению к храмам.

Жаркие споры велись только по поводу Мардука. В первые годы царствования Набонид раздумывал, не отождествить ли Сина с ним, Иштар — с его супругой и бога-солнце — с Набу. Словом, царь собирался поступить так, как несколькими веками ранее сторонники самого бога Вавилона: не приметного божка они связали с Эриду через Энки или Эа. Но догматика, разработанная во время пребывания царя в Аравии, сделала такой синкретизм невозможным: природа и могущество бога-луны уже не могли быть простым воспроизведением сущности и силы Мардука. Универсальность Сина намного превосходила роль вавилонского бога, который, при всем своем престиже, оставался именно вавилонским. Поэтому он должен был уступить авансцену. В новой теологии Син в некотором смысле возвращал его туда, где он был вначале, в прежнее положение местного аграрного божества. Он даже вторгся в его храм. Столкновение стало неизбежным. Автор «Памфлета» дает живой и даже живописный рассказ о том, что происходило в «Доме под высокой кровлей». Набонид «увидел убранство Дома под высокой кровлей, убранство, созданное Эа всезнающим, и стал богохульствовать. Когда он увидел в Доме под высокой кровлей лунный серп, он *поднес к нему руку*. Он созвал ученых и говорил с ними: “Кто построил храм, кому в честь он означен? Будь то Мардук, мотыга была бы означена. Син означил храм сей своим полумесяцем!”» Вот что заявил царь перед жрецами Вавилона. Впрочем, Набонид не собирался выселять Мардука; но его демонстративные действия должны были приводить к выводу: бог Вавилона занимал это здание, но то не был его родной дом; так сказать, домовладельцем был Син.

Кроме того, Мардук стал богом безвластным. На все время отсутствия Набонида новогодние празднества, естественно, прервались, поскольку в городе не было их главного участника из числа людей — государя. Лишь он мог «взять руку Мардука», отвести его статую вместе со статуями других божеств в «Дом Нового года», чтобы там был исполнен обряд.

И только так, уверяли сторонники бога Вавилона, могло быть гарантировано изобилие. Но никогда еще сельское хозяйство так не процветало, как в те десять лет, когда вавилонский царь был в отлучке. Ненужность ритуала и, логически рассуждая, самого бога была наглядно явлена всем. Отныне правил Син. Это не означало, что Набонид, с таким пылом проводивший религиозную реформу, перестал выполнять другие обязанности вавилонского государя. Чтобы противостоять политической и военной угрозе, нависшей над его царством, он вновь принял на себя все полномочия.

В 546 году, за три года до возвращения Набонида из Аравии, персы установили контроль над всем Анатолийским плоскогорьем и вышли к Эгейскому морю. Теперь их владения соприкасались с Вавилонской империей по всей ее восточной и северной границе. Насколько конкретными и точными сведениями о намерениях Кира располагали вавилоняне, мы не знаем. Но они не могли не представлять себе общей ситуации на Ближнем Востоке. Это показало и поведение царя Вавилонского.

В середине марта 539 года праздник Нового года состоялся обычным образом, а потом Набонид отдал распоряжения войску и приготовился к обороне столицы. Жителей Вавилона обязали при этом исполнять трудовую повинность. Экономическая жизнь погрузилась в хаос — так по крайней мере утверждал Кир, одержав победу.

Набонид обратился за помощью к богам «страны Шумера и Аккада». Чтобы снискать их милость, он прежде всего решил защитить их статуи. С этой целью он велел укрыть их в Вавилоне. Переезд длился до середины сентября. Таким образом он избавлял богов от опасности вражеского плена. Между тем он уже не контролировал ось Сиппар—Кута—Барсиппа. Персы вошли в Вавилонию с северо-востока и сразились с вавилонянами в битве при Описе: им надо было закрепить за собой переправу через Тигр. В кровавом сражении вавилоняне потерпели поражение, в котором погиб и Валтасар. Сиппар сдался 10 октября 539 года без боя, дорога на столицу была открыта. Набонид бежал в Барсиппу; пытаясь вернуться в Вавилон, он попал в плен, не добравшись до него. Персы вошли в столицу 12 октября, через 17 дней в нее торжественно въехал Кир.

Источники противоречиво говорят о дальнейшей судьбе старого царя (ему тогда было около семидесяти пяти лет). Кажется, Кир пощадил его, назначив местом жительства Карманию — далеко на юго-востоке, на Иранском нагорье. В поступке нового «царя Вавилона и всех стран», конечно,

было больше политического расчета, чем гуманности. Ведь ему надо было завоевать общественное мнение — и жителей Месопотамии, и царей империи с их придворными.

И действительно, Кир овладел Вавилонией только благодаря силе своего оружия. Естественно, право победителя в войне на Ближнем Востоке подразумевалось само собой: все признавали этот факт, какие бы чувства при этом ни испытывали. Набонид предстал виноватым уже потому, что был побежден и потерял в сражении наследника.

Вполне вероятно, что вавилоняне — в частности, клирики «Дома под высокой кровлей» — были настроены в пользу персидского царя; но в источниках ничто не указывает на то, что в падении Набонида они сыграли какую-то роль. Ниспровержение Вавилонии задумали и осуществили персы и никто другой. Жрецы Мардука не вступали с Киром в заговор против своего царя. Они даже не противились намерениям Набонида. На взгляд автора «Памфлета», Набонид выступил с возмутительными и бессмысленными речами; но при этом его ошеломленная аудитория молчала. Жрецы в Вавилонии всегда, искони были абсолютно покорны политической власти. Ведь «царство» входило в ту сотню архетипов, которые начиная с III тысячелетия, а то и раньше служили для интеллектуалов основой и сутью цивилизации. Эта аксиома глубоко впиталась в умы. Клирики безоговорочно признавали власть царя, хотя и не всегда считали себя обязанными благоговеть перед ним, и спокойно приспособивались к сильной, как у Навуходоносора и Набонида, царской воле. С другой стороны, общество — а на практике царь — должно было печься о благоденствии храмов, но с соблюдением условия, что сами миряне благочестиво воздержатся от входа в храмовую ограду.

В такой ли степени вавилонское общественное мнение было расположено к новой власти, как пыталась это внушить она сама? Очевидно, у богословской концепции Набонида всё же были сторонники. Сам эконо́м храма Мардука обратился в новое учение. Только ли из угодливости, как уверяет автор «Памфлета»? Тут мы не обязаны ему верить.

Кир, со своей стороны, счел необходимым дискредитировать низложенного владыку. Он издал политическую декларацию на вавилонском языке. В этом «цилиндре Кира» отражена точка зрения клира Мардука и в целом жителей Вавилона. Об остальной стране сочинитель, кажется, почти ничего не знает. Чтобы скрыть свое незнание фактов, не относящихся к столице, он берется по поведению Набонида в Вавилоне и его храме судить о том, как царь относился ко

всем прочим святилищам стольных городов. Богословское переосмысление событий последних лет встало на повестку дня. И персидский владыка представил следующее оправдание своим прошлым и настоящим делам: Мардук, именно Мардук избрал его из всех государей, чтобы положить конец тяжкой смуте. Сам он и его войско ничего плохого не сделали ни храму бога, ни всему Вавилону. Он поступал перед лицом Мардука согласно донабонидовой традиции, как настоящий вавилонский царь. Стольные же города были довольны возвращением статуй своих богов, ведь на деле их пребывание в столице обернулось изгнанием. Горожанам совсем не нравилось, что божества покидали их, и Кир хорошо знал об этом недовольстве. И все же его заявления слишком хорошо просчитаны, чтобы не предполагать за ними не столь однозначное положение дел. Впрочем, население всей Вавилонии — и шире, всей империи — покорилося; в этом, справедливости ради, надо отдать Киру должное.

Людям того времени покоряться было нетрудно — они и не почувствовали никаких перемен, а тем более потрясений в жизни; лишь царь-победитель занял место побежденного, что на протяжении тысячелетий в Вавилонии случалось то и дело. Нотариусы стали датировать свои акты от правления нового государя — и только. В том, что он не местный уроженец, не было ничего особо удивительного и даже нового: в прошлом так случалось очень часто — к примеру, всего тремя поколениями раньше, при ассирийском владычестве. Для вавилонян было в порядке вещей, что ими правит иноземная династия. При жизни еще двух поколений на берегах Тигра и Евфрата ничего не изменилось.

ЭПИЛОГ

«ПОДОБНО БОГАМ СТУПАЮ»

...Оттоле, где взойдет
Златого солнца лик, до стран, где он уснет,
Ничто не станет в рост с моею царской славой.

Это утверждение Робер Гарнье вложил в уста Навуходоносора — героя пьесы, появившейся на парижской сцене во времена Генриха IV. Стихи, кажется, вторят подлинным словам царя, изреченным двумя тысячелетиями ранее: «Всё, чего я желал, мои руки исполнили».

Разумеется, Навуходоносор не открывает историю Вавилонии — он унаследовал страну и империю от предшественников, продолжал их политический и экономический курс, а также многовековую идеологическую традицию. Традиция для него была уздой, но нигде в текстах не видно, чтобы его это смущало. Оттого, что он шел путем, намеченным многими поколениями в продолжение тысячелетий, ему было только удобнее. Его повеления возрождали из небытия приказания прежних вавилонских правителей. Повиноваться ему было легко и почти естественно: вавилоняне видели вокруг себя привычный мир, управлявшийся обычной властью. Этот принципиальный иммобилизм, скрытый под неутомимой деятельностью царя-строителя, был, на наш взгляд, большой слабостью его режима. Но тот же недостаток был и у его предшественников на троне. Современникам же такой способ властвования, наоборот, представлялся единственно возможным. Ничего другого они и не ждали. Архаизирующая тенденция только восхваляла царскую тягу к воспроизведению прошлого: подражание славным государям было лестно и для нее.

Навуходоносор ничто из наследия прошлого не подверг сомнению. Если он и имел стремление к собственному обожествлению, то этот замысел был едва намечен. Это жела-

ние поступить по своему произволу было, насколько мы знаем, единственным. Однажды выбрав Вавилон, а не Сиппар, царь никогда не пересматривал это решение и впредь принимал как должное все его последствия. Навуходоносор всегда проявлял решимость и последовательность, заслуживающие восхищения. Справедливости ради надо признать, что его деятельность поражает поистине гигантским размахом и неутомимой настойчивостью. Такая последовательность в приложении усилий — сперва в качестве наследного принца, а впоследствии уже будучи царем — свидетельствует, что он был личностью выдающейся. Исключительными были и результаты его деятельности: завоевание и окончательное умиротворение «Благодатного полумесяца», восстановление главных храмов, преобразование столицы.

Политика одного из его преемников, Набонида, родилась из сочетания его личной веры, нового религиозного опыта и политических реалий. Он был почитателем Навуходоносора, выставлял себя перед подданными продолжателем его дел, а свою программу — отражением суждения лучших умов Вавилонии о его знаменитом предшественнике. Следовало устранить дисбаланс, вызванный предпочтением, отдаваемым Навуходоносором развитию стольных городов в ущерб селу, к которому тот был равнодушен. Недостаточно было просто восстановить численность населения; нужно было, кроме того, поддерживать в рабочем состоянии систему каналов и добиться от подданных улучшения обработки земли. Зато во всем прочем ему оставалось лишь следовать примеру прежних государей. Таким образом, Набонид отнюдь не был оригинален, хотя наведение им порядка в судебной системе и администрации и принесло пользу. Ему достаточно было сохранять или, при необходимости, возобновлять меры прежних царей «страны Шумера и Аккада». Несомненное процветание подкрепило уверенность Набонида и его современников (по крайней мере некоторых из них) в его правоте.

Этот реальный успех сделал еще более насущной проблему внутренней связи частей империи. Вавилоняне должны были возложить на себя бремя управления «Благодатным полумесяцем». Они попали в ловушку собственного успеха. Между тем они о том нисколько не заботились, за исключением периодов кризисов; возможно, то была не слепота, а общее равнодушие. В конце концов, стабильность на протяжении двух поколений свидетельствовала о достижениях вавилонской администрации. Последующая история Ближнего Востока показала, что эти достижения не были иллю-

зорными. Что ни говори, возведение вавилонянами здания империи, хотя и не было окончено, имело реальную ценность: в последний раз «Благодатному полумесяцу» удалось обрести единство изнутри, в самом себе. После 539 года его собирала воедино лишь пришедшая извне сила, начиная с персов; притом с этого времени он всегда был только частью гораздо более обширного государственного объединения. Тот мир, что появился с конца VI века, уже не был соизмерен Вавилонии и даже прежней Вавилонской империи. Отныне жители низовий Тигра и Евфрата стали не актерами, а зрителями своей истории, свидетелями этих трансформаций.

Заслуга Набонида в том, что он заметил этот пробел: правитель «Благодатного полумесяца», невзирая на его кажущуюся прочность, не мог по-прежнему основываться лишь на вавилонской рутине да на пассивности или благоразумии жителей империи. Проблема, возникшая еще в конце II тысячелетия, оставалась нерешенной. Завоевание Западной Аравии, видимо, подсказало царю выход. Его идеология, заимствованная у ассирийцев, наверняка способствовала тому, что любые структурные реформы казались ему ненужными. Единственным же удовлетворительным решением ему показалось обращение к объединительной теологии. Все народы надо было связать общей верой, а в результате — общностью судьбы.

Вопрос, могла ли осуществиться такая надежда, явно праздный. Оценить религиозную политику Набонида тем труднее, что мы ничего не знаем о том, что было известно о ней народам империи и как они на нее реагировали. Надо только принять во внимание энтузиазм ее вдохновителя и последовательность его проекта. Поражение на поле боя положило конец этой теологической и политической реформе. И все же — не была ли она обречена уже тем, что являлась отнюдь не настолько оригинальной, как представлялось возмущенным жрецам? Ведь в целом новая догматика полностью вписывалась в архаизирующую тенденцию. Образ действий Набонида, конечно, был радикальнее, чем политика Навуходоносора; но чего он добивался, как не сведения всей империи к одной метрополии — так сказать, к Харрану или Уру, расширенному до масштабов «Благодатного полумесяца», собранного наконец-то под покровительством бога луны и объединенного поклонением ему?

Чтобы правильно оценить место Навуходоносора в истории, возможно, стоит сопоставить его не с его наследником и поклонником, а с одним из современников — Фалесом

Милетским*. Такое сравнение грека с вавилонянином допустимо, да и сам Фалес вполне мог быть подданным империи. Его предки были родом из Финикии, говорит Геродот (согласно одному более позднему источнику, он и сам был тамошним уроженцем). Символично лишь одно: чтобы открыть новые возможности, он должен был поселиться в Ионии.

Навуходоносор и Фалес противоположны почти во всё. Милет — родина Фалеса — лежал на дальней окраине известного вавилонянам мира, в то время как Навуходоносор в Вавилоне находился в самом его центре. Фалес был известен лишь в своем городе и явственно для всех проявлял пренебрежение к хозяйственной выгоде. О Навуходоносоре скорее можно сказать обратное, хотя и без апологетики этой его деятельности. Царь Вавилонский в течение всего срока пребывания у власти являл на обозрение свои успехи, в том числе в Нахр-эль-Кельбе и Вади-Брисса. Разумеется, представление греческого философа о мире не особо удивило бы вавилонских писцов. За немногими исключениями, они с Фалесом смотрели на мир одними глазами, но понимали увиденное неодинаково. Тут-то между ними и разверзлась пропасть.

Фалес осуществил критический интеллектуальный перелом вавилонской мысли, полный и необратимый. Для вавилонян привычка и, еще более того, древность служили основанием легитимности, а значит, и верности какой-либо идеи: все, что было, имело суверенное право быть; задача разумного человека — поддерживать это существование. Да и «знать» означало «знать то же, что знал твой отец, и отец твоего отца», и далее в бесконечной цепи поколений.

У Фалеса все наоборот: знания древних недостойны поклонения; время ничего не делает почтенным — наоборот, оно-то как раз и навлекает сомнение. Фалес искал единственное объяснение — единственное в двух смыслах: единого для всех явлений и одного, поскольку исключало все остальные. Он хотел дойти до «первых причин», в то время как вавилоняне исследовали развертывание мира, не имеющего основания. У Фалеса для нескольких возможностей не оставалось места. Если одна теория была адекватной, остальные неизбежно могли считаться только ложными. В Вавилонии же все мнения стоили друг друга, все мифы сосуществова-

---

* *Фалес Милетский* — древнегреческий математик и философ (ок. 625—547), названный еще при жизни «отцом философии». Основал в Милете (Малая Азия) первую научную школу, с которой начинаются европейская космогония, физика, астрономия, геометрия.

ли, ни один не был призван исключить другие и не имел на это права.

Мысль Фалеса возвращалась к себе самой и прежде всего безжалостно требовала отчета от самой себя; отныне каждый учитель должен был декларировать собственную неполноценность и ожидать от учеников критики, признанной закономерной. Он с самого начала ставил себя под сомнение, подвергал себя проверке так же, как и сам считал вправе сомневаться в выводах своих предшественников. Философия — а речь именно о философии — началась с Фалеса Милетского; начало было скромным, потомство же оказалось неисчислимым.

По сравнению с этим делом, открывавшим неистоичимо плодотворное будущее, дело Навуходоносора, при всем его блеске, кажется «органическим пунктом». То был законченный пример цивилизации низовьев Тигра и Евфрата. Гений Навуходоносора был в том, что он сумел ввести в действие и реализовать всё лучшее, что он получил в наследство от прошлого. Но вавилонский мир VI века был уже стар. Не случайно, может быть, тот, кому пришлось его реформировать, приступил к этому в 60 лет, а новую теологию разработал семидесятилетним старцем. Вавилоняне застыли в позиции, которую можно было бы назвать оборонительной. Время Навуходоносора было временем остановившимся или — что, пожалуй, вернее — отложенным. Его универсум был неподвижен, будущего он не имел: ведь Навуходоносор и его люди оставались замороженными прошлым и, так сказать, не желали развернуться кругом.

Первый философ позволяет определить место последнего царя в традиционной вавилонской культуре. И тот и другой стояли на стыке эпох. Но Фалес открыл эру рационального, а Навуходоносор закрыл эру рассудительного. И все же Навуходоносор всегда оставался хозяином своих планов. Полное осознание того, что он делает, предопределило пределы его успехов; но именно им можно объяснить и его несравненную славу.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ НАВУХОДОНОСОРА II И ЕГО ПРЕЕМНИКОВ

- Около 620* — рождение у основателя Нововавилонского царства Набопаласара сына, названного Набу-кудурри-усур (Навуходоносор).
- Около 615* — рождение Набонида, будущего царя Вавилонии, одного из преемников Навуходоносора.
- 612* — взятие вавилонянами и мидянами после двухмесячной осады Ниневии, столицы Ассирии.
- 609* — победа вавилонян и мидян над ассирийцами в битве за Харран.
- 607* — начало исполнения Навуходоносором обязанностей в качестве наследного принца, в том числе командующего армией.
- 605, конец мая* — взятие Навуходоносором Кархемиша — последнего оплота Ассирии, разгром войск ее союзника, египетского фараона Нехо II.
- 15 августа* — смерть от болезни Набопаласара в Вавилоне на 21-м году царствования.
- 7 сентября* — начало царствования в Вавилоне Навуходоносора II.
- 604, декабрь* — взятие вавилонскими войсками штурмом филистимского города Аскалона, пленение его царя.
- 602—601* — военные столкновения с Египтом, в результате которых фараон Нехо II отказался от ведения борьбы за азиатские территории.
- 599, ноябрь—декабрь* — разгром на юго-востоке кедарских арабов.
- 597, конец января* — вступление Навуходоносора в Иерусалим, смерть иудейского царя Иоакима и возведение на престол его сына Иехонии.
- Март* — сдача Иерусалима без боя, увод царя Иехонии с семьей и десяти тысяч иудеев в плен в Вавилон, возведение на престол Седекии, наложение дани на Иудею.
- После 597* — по распоряжению Навуходоносора высечена надпись в Вади-Брисса.
- 594* — смерть фараона Нехо II, начало проведения антивавилонской политики фараоном Псамметихом II.
- 594—593* — попытка создания антивавилонского союза Иудеи, Эдома, Моава, Аммона, Тира и Сидона.
- 591* — паломничество Псамметиха II во главе флота в финикийский Библос, находившийся под властью Вавилона.
- 589* — восстание иудеев по сигналу из Египта.
- 588, 15 января* — начало осады Иерусалима.
- 8 февраля* — смерть фараона Псамметиха II.
- Вступление на египетский престол его сына Априя, посылка в Азию египетской армии и флота.
- Взятие вавилонянами Сидона.
- 587, 23 апреля* — начало осады Тира.
- 587 (586?), 18 июля* — падение Иерусалима.
- Июль—август* — карательные меры вавилонян против Иерусалима: сожжение города, срытие городских стен, разрушение храма царя Соломона, пленение и ослепление Седекии, увод иудеев в 50-летний вавилонский плен.

- 585 — заключение мирного договора между Лидией и Мидией при посредничестве Вавилона и Киликии для разграничения спорных территорий.
- 582 — окончание войны с Египтом.
- 575 — падение Тира.
- 568—567 — вторжение вавилонян в Египет, ослабленный борьбой между фараоном Априем и его военачальником Амасисом; продвижение до Фив с целью демонстрации силы Вавилонского государства.
- 562, 6 октября — смерть Навуходоносора на 44-м году правления после семимесячной болезни.
- 562, октябрь — 560, между 7 и 13 августа — правление сына Навуходоносора Амель-Мардука.
- 560, август — 556, апрель — правление зятя Навуходоносора Нериглиссара.
- 556, май—июнь — правление внука Навуходоносора Лабаша-Мардука.
Июнь — устранение малолетнего царя Лабаша-Мардука, начало правления Набонида.
- 546 — начало вторжения персов на территории, подвластные Вавилону.
- 539, 12 октября — взятие Вавилона войсками персидского царя Кира II Великого.

БИБЛИОГРАФИЯ

ИСТОЧНИКИ

Ancient Near Eastern Texts relating to the Old Testament. Princeton, 1969.

Berger P. R. Die neubabylonischen Königinschriften. Neukirchen-Vluyn, 1973.

La Bible (Le second Livre des Rois, celui des Chroniques, le Livre de Jérémie, le Livre d'Isaïe, le Livre d'Ézéchiel).

Langdon S. Die neubabylonischen Königinschriften. Leipzig, 1912.

Lemaire A. Inscriptions hébraïques, I, Les ostraca. Paris, 1977.

San Nicolo M., Ungnad A. Babylonische Rechtsurkunden aus dem 6. Jahrhundert v. Chr., Munich, 1960.

San Nicolo M., Ungnad A. Neubabylonische Rechts- und Verwaltungsurkunden übersetzt und erläutert. Berlin, 1929—1935.

Schaudig H. Die Inschriften Nabonids von Babylon und Kyros' des Grossen, Textausgabe und Grammatik. Munster, 2001.

The Ancient Near East in Pictures. Princeton, 1954.

ЛИТЕРАТУРА

Ко всей книге

Forbs R. J. Studies in ancient technology. Leyde, 9 tomes, 1964—1972.

Parker R. A., Dubberstein W. A. Babylonian Chronology 626 B. C. — A. D. 75. Providence, 1956.

Roux G. La Mésopotamie. Paris, 1985.

Supplément au Dictionnaire de la Bible. Paris, 1996.

К части первой

Fugmann E. Hama, l'architecture des périodes pré-hellénistiques. Copenhague, 1958.

Gras M., Rouillard P., Teixidor J. L'univers phénicien. Paris, 1989.

Grayson A. K. Assyrian and Babylonian Chronicles. New York, 1975.

Katzenstein H. J. The History of Tyre. Jérusalem, 1973.

Pognon H. Les Inscriptions babyloniennes du wadi Brissa. Paris, 1887.

Potts D. T. The Arabian Gulf in Antiquity. Oxford, 1990. T. 1.

Riis P. J., Buhl M. L. Hama, les objets de la période dite syro-hittite (âge du fer). Copenhague, 1990.

The Assyrian and Babylonian Empires and other States of the Near East, from the Eight to the Sixth Centuries B. C. // Cambridge Ancient History. Cambridge, 1991. III, 2.

Weissbach P. J. Die Denkmäler und Inschriften an der Mündung des Nahr el-Kelb. Berlin; Leipzig, 1922.

Wiseman D. J. Nabuchadnezzar and Babylon. Oxford, 1983.

Woolley C. L. Carchemish. Londres, 1914. T. 1 ; 1921. T. 2 ; 1952. T. 3.

К части второй

Bongenaar A. C. V. M. The neo-babylonian Ebabbar temple at Sippar: the administration and its prosopography. Istanbul, 1997.

Bottéro J. La Religion babylonienne. Paris, 1958.

Cocquerillat D. Palmeraies et cultures de l'Eanna d'Uruk (559—520). Berlin, 1968.

Dandamaev M. A. Slavery in Babylonia, from Nabopolassar to Alexander the Great (626—331). Northern Illinois University Press, 1984.

Dhorme E. Les Religions de Babylonie et d'Assyrie, Paris, 1954.

Frankfort H. The Art and Architecture of the Ancient Orient. Londres, 1954.

George A. R. Babylonian topographical texts. Louvain, 1992.

Huot J. L. (dir.) Larsa et 'Oueili, 10^e campagne, 1983 et 'Oueili, 4^e campagne. Paris, 1987. P. 203—353, 165—225.

Huot J. L. (dir.) Larsa et 'Oueili, Travaux de 1978—1981. Paris, 1983.

Jursa M. Die Landwirtschaft in Sippar in neubabylonischer Zeit. Vienne, 1995.

Koldewey R. Das wiedererstehende Babylon. Leipzig, 1925.

Koldewey R. Die Tempel von Babylon und Borsipa. Leipzig, 1911.

Labat R. Le Caractère religieux de la royauté assyro-babylonienne. Paris, 1939.

Labat R., Caquot A., Szynger M., Vieyra M. Les Religions du Proche-Orient asiatique. Paris, 1970.

Parrot A. Ziggurats et Tour de Babel. Paris, 1949.

Unger E. Babylon, die heilige Stadt nach der Beschreibung der Babylonier. Berlin, 1970.

Vorläufer Bericht über die von dem deutschen archäologischen Institut und der deutschen Orient-Gesellschaft unternommen Ausgrabungen in Uruk-Warka. Berlin, 1930 et suiv.

Weidner E. «Jojachin, König von Juda in babylonischen Keilschrifttexten». Mélanges syriens offerts à monsieur René Dussaud. Paris, 1939. P. 923—935.

Woolley L. The Neo-Babylonian and Persian periods, Ur Excavations IX. Londres, 1962.

Woolley L. The ziggurat and its surroundings, Ur Excavations V. Londres, 1939.

К части третьей

Beaulien E. A. The Reign of Nabonidus, King of Babylon 556—539 B. C. New Haven; Londres, 1989.

Bottéro J., Kramer S. N. Lorsque les dieux faisaient l'homme. Paris, 1993.

Frankfort H. Cylinder seals, a documentary essay upon the art and religion of the Ancient Near East. Londres, 1939.

Lambert W. G. Babylonian Wisdom Literature. Oxford, 1960.

Sachs R. H. Amēl-Marduk 562—560 B. C. // A Study based on Cuneiform, Old Testament, Greek, Latin and Rabbinic Sources. Neukirchen; Vluyn, 1972.

Sachs R. H. Neriglissar—King of Babylon. Neukirchen; Vluyn, 1994.

Schnabel P. Berossos und die babylonische-hellenistische Literatur. Berlin, 1923.

Редакция сочла возможным дополнить библиографический перечень изданиями на русском языке.

Афанасьева В. К. Шумеро-аккадская мифология // Мифы народов мира. М., 1981. Т. 2.

Белявский В. А. Вавилон легендарный и Вавилон исторический. М., 1971.

Белявский В. А. Тайны Вавилона. М., 2001.

Вайман А. А. Шумеро-вавилонская математика III—I тыс. до н. э. М., 1961.

Васильев Л. С. История религий Востока. М., 1988.

Вейнберг И. П. Человек в культуре древнего Ближнего Востока. М., 1986.

Веллард Д. Вавилон: Расцвет и гибель города Чудес / Пер. с англ. М., 2003.

Дандамаев М. А. Вавилонские писцы. М., 1983.

Дандамаев М. А. Рабство в Вавилонии VII—IV вв. до н. э. М., 1974.

Израэль Ж. Кир Великий (серия «ЖЗЛ»). М., 2006.

Кленгель-Брандт Э. Вавилонская башня: Легенда и история / Пер. с нем. М., 1991.

Кленгель-Брандт Э. Древний Вавилон / Пер. с нем. Смоленск, 2001.

Клочков И. С. Духовная культура Вавилонии: Человек, судьба, время: Очерки. М., 1983.

Крамер С. Н. История начинается в Шумере / Пер. с англ. М., 1991.

Кьера Э. Они писали на глине: Рассказывают вавилонские таблички / Пер. с англ. М., 1984.

Липин Л. А., Белов А. И. Глиняные книги. М.; Л., 1952.

Ллойд С. Археология Месопотамии / Пер. с англ. М., 1984.

Опарин А. А. Древние города и Библейская археология. Харьков, 1997.

Опарин А. А. И камни возопиют... Харьков, 2000.

Оппенгейм А. Л. Древняя Месопотамия. Портрет погибшей цивилизации / Пер. с англ. М., 1990.

Саггс Г. Вавилон и Ассирия: быт, религия, культура / Пер. с англ. М., 2004.

Флиттнер Н. Д. Культура и искусство Двуречья и соседних стран. СПб., 2008.

Хук С. Г. Мифология Ближнего Востока / Пер. с англ. М., 2005.

Якобсен Г. Сокровища тьмы: История месопотамской религии / Пер. с англ. М., 1995.

Я открою тебе сокровенное слово: Литература Вавилонии и Ассирии / Пер. с аккад.; сост. и коммент. В. К. Афанасьевой, И. М. Дьяконова. М., 1981.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Вадим Эрлихман. Призрак Вавилона</i>	5
Предисловие	10
<i>Часть первая. ОВЛАДЕНИЕ ИМПЕРИЕЙ</i>	15
Наследство и наследник	15
Отвоёванная империя	26
«Благодатный полумесяц» под властью Навуходоносора	43
Незавершённая конструкция	55
<i>Часть вторая. ВАВИЛОНИЯ</i>	74
«Навуходоносор, царь Вавилона»	74
«Страна Шумера и Аккада»	94
Храм — центробежная и центростремительная сила	124
Священный город Вавилон	142
<i>Часть третья. В ПОИСКАХ НОВОГО МИРА</i>	163
Путь действия и путь спасения	163
Возврат к древности или обращение к чудовищам?	178
Набонид — царь Вавилона	191
«Син, владыка богов и богинь»	210
<i>Эпilog. «ПОДОБНО БОГАМ СТУПАЮ»</i>	232
Основные даты жизни Навуходоносора II и его преемников	237
Библиография	239

Арно Д.

А 84 Навуходоносор II, царь Вавилонский / Даниель Арно; пер. с фр., коммент. Н. Н. Зубкова; вступ. ст. В. В. Эрлихмана. — М.: Молодая гвардия, 2009. — 242[14] с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1148).

ISBN 978-5-235-03194-4

Навуходоносор, сын Набопаласара, правил в Междуречье 43 года — дольше всех ассиро-вавилонских царей. С его именем связаны многочисленные легенды. При нем были возведены знаменитые ворота богини Иштар, украшенные изображениями священных быков и драконов, и Вавилонская башня, ставшая в Библии символом человеческой гордыни. Он взял столицу Иудеи Иерусалим, разрушил храм Соломона и увел десять тысяч евреев в 50-летний вавилонский плен. Именно ему традиция приписывает строительство легендарных висячих садов.

Благодаря книге Даниеля Арно, написанной на основе свидетельств библейских пророков, трудов античных историков, многочисленных клинописных текстов на глиняных табличках и результатов археологических раскопок, читатель имеет возможность отделить реальность от вымысла, познакомиться с жизнью обширной империи, занятиями и религиозными представлениями ее подданных и деяниями их великого правителя.

**УДК 94(35)(092)
ББК 63.3(0)31**

Даниель Арно

НАВУХОДОНОСОС II, ЦАРЬ ВАВИЛОНСКИЙ

Главный редактор **А. В. Петров**

Редактор **Е. А. Никулина**

Художественный редактор **А. В. Никитин**

Технический редактор **В. В. Пилкова**

Корректоры **Л. С. Барышникова, Т. И. Маляренко, Г. В. Платова**

Лицензия ЛР № 040224 от 02.06.97 г.

Сдано в набор 01.09.2008. Подписано в печать 05.02.2009. Формат 84x108/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 13,44+1,68 вкл. Тираж 3000 экз. Заказ 84329.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127994, Москва, Сушевская ул., 21. Internet: <http://mg.gvardiya.ru>. E-mail: dsel@gvardiya.ru

Типография АО «Молодая гвардия». Адрес типографии: 127994, Москва, Сушевская ул., 21.

ISBN 978-5-235-03194-4